

ISSN 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

3-4/2018

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Д: Филология и психология»**

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацера**, д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, hiteeva.v@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

*Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Протокол № 10 от 27.12.2018 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2018

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д. Филология
и психология

№ 3-4/2018

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Теркулов В. И.</i> О понятии «региолект»	5
<i>Балко М. В.</i> К вопросу о семиотической природе текста	17
<i>Белых А. Я., Глоба Т. Н.</i> Индивидуально-авторская модель порождения имплицитных смыслов в романе Ж. Перека «Вещи»	23
<i>Осипова А. Н.</i> Новостной текст: признаки, структура, лексико-грамматические особенности (на материале прессы Донбасса)	29
<i>Курмакаева Н. П.</i> Вербально-семантический потенциал и ценностные категории региональной языковой личности Донбасса	35
<i>Даренский В. Ю.</i> Поэзия «Белого движения»: специфика художественной картины мира	46
<i>Сенчина Л. Т.</i> Эволюция идиллического жанра в русской литературе XVIII в.	54
<i>Ярошенко Н. А., Чабан У. Л.</i> Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных топонимов Центрально-Городского района г. Макеевки)	59

Психология

<i>Ангелина Э. А.</i> Региональная идентичность Донбасса в контексте патриотизма	67
<i>Безродный В. И.</i> Психологические особенности политического самосознания молодёжи (гендерный аспект)	76
<i>Вильдгрубе С. А.</i> Особенности самоотношения часто болеющих подростков	82
<i>Вилюжанина Т. А.</i> Психоэмоциональный статус больных стоматологического профиля и его коррекция	87

<i>Лох К. В.</i> Содержание и методология исследований идентичности в условиях военного конфликта	94
<i>Рогозина М. Ю.</i> Влияние семьи на формирование гендерных стереотипов у мальчиков-подростков из неполных семей	101
<i>Руденко С. В.</i> Социальный интеллект и временная перспектива личности	107
<i>Чуканов Е. В.</i> Связь психологических характеристик культур и моделей экономического поведения	118
<i>Чеботарева А. И.</i> К вопросу о формировании правовой культуры студентов – будущих юристов	122
<i>Яновский М. И., Монастырская В. А.</i> Особенности сновидений как предикторы способности к распознаванию свойств объектов в ситуации дефицита информации о них	129
Правила для авторов	136

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology
and Psychology**

№ 3-4/2018

CONTENTS

Philology

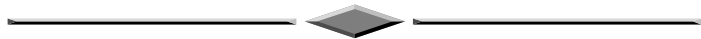
<i>Terkulov V. I.</i> About “regiolect” notion	5
<i>Balko M. V.</i> Semiotic essence of the text	17
<i>Byelykh A. Y., Globa T. N.</i> Individually-author's model of generation of implicit meaning in the novel by G. Perek «Things»	23
<i>Osipova A. N.</i> News text: signs, structure, lexical and grammatical features (on the material of the periodicals of Donbass)	29
<i>Kurmakaeva N. P.</i> Verbal-semantic potential and value categories of regional language personality of Donbass	35
<i>Darenskiy V. Ju.</i> Poetry of the White movement: the specificity of the artistic picture of the world	46
<i>Senchina L. T.</i> Evolution of idyllic genre in Russian literature of the XVIII century	54
<i>Yaroshenko N. A., Chaban U. L.</i> The cultural codes in Donbass urbanonyms (on the material of adjective godonyms of Central-City district of Makeevka)	59

Psychology

<i>Angelina E. A.</i> Regional identity of Donbass in the context of patriotism	67
<i>Bezrodny V. I.</i> Psychological peculiarities of youth political self-consciousness (gender approach)	76
<i>Vildgrube S. A.</i> Features of self-attitude of frequently sick adolescents	82
<i>Vilyuzhanina T. A.</i> Psycho-emotional status of patients with dental profile and its correction	87

<i>L o k h K . V .</i> Content and methodology of identity studies in the context of military conflict	94
<i>R o g o z i n a M . Y .</i> Influence of the family on the formation of gender stereotypes of boys-teenager of their incomplete families	101
<i>R u d e n k o S . V .</i> Social intelligence and temporal perspective of the personality	107
<i>C h e b o t a r e v a A . I .</i> To the question of formation of legal culture students – future lawyers	118
<i>C h u k a n o v E . V .</i> Relationship of psychological characteristics of cultures and models of economic behavior	122
<i>Y a n o v s k y M . I . , M o n a s t y r s k a i a V . A .</i> Peculiarities of dreams as predictors of the ability to object recognition in a situation of deficit of information about them	129
Guidelines for authors	136

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'282

О ПОНЯТИИ «РЕГИОЛЕКТ»

© 2018. В.И. Теркулов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье уточняется понятие «региолект», определяется место региолекта в структуре национального языка, особенности его формирования и организации на определённой территории.

Ключевые слова: говор, идиом, просторечие, региолект, региональный язык.

Русский национальный язык представляет собой совокупность идиомов, образующих цельную систему, скреплённую единым национальным стандартом – литературным языком. В этом нет ничего страшного и удивительного. Во-первых, территориальное и социальное варьирование является обязательным свойством всех так называемых «развитых» языков: сложную систему идиомов представляют собой и английский, и немецкий, и французский, и многие другие языки. Во-вторых, такое варьирование выражает индивидуальное в общем: принадлежность к какому-либо этносу, нации не отрицает наличия индивидуальных черт в языке, культуре, ментальности у отдельно взятого человека, города, села, региона.

Наиболее изученными в русистике являются русский литературный и русский диалектный языки. Однако ещё Ф.П. Филин писал, что между литературным языком и диалектами находятся «разнообразные формы народно-разговорного языка, просторечия, а также «полудиалектов», иначе – речи широких масс городов, находящихся в диалектном окружении [30, с. 32], которые, к сожалению, долгое время оказывались на периферии лингвистических исследований. Регионально маркированная речь города только недавно стала объектом системного научного изучения, хотя ещё в 1928 году Б.А. Ларин писал: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически» [19, с. 175].

В последние десятилетия положение изменяется в лучшую сторону. Как пишет Т.Ф. Новикова, «если ещё несколько лет назад лингвисты довольствовались противопоставлением литературного языка диалекту, то в наши дни в цепочке языковых состояний как особое звено, существенное для современных социолингвистических исследований, всё чаще выделяются такие понятия, как «региональные говоры», «региональные языки», обозначающие группу переходных и не вполне устойчивых языковых состояний» [23, с. 172]. Сейчас формируется новая наука – лингвистическая регионалистика (другое название – лингвистическое регионоведение), задачей которой как раз и является изучение городской речи регионов. Центрами этой формирующейся науки являются Белгород, Курск, Астрахань, Пермь и многие другие российские университетские центры.

Цель нашего исследования – уточнить понятие «региолект» и определить основные направления исследования региолектов вообще и донецкого региолекта, в

частности. Есть, как минимум, три причины, определяющие актуальность изучения региолектов.

1. Как писал Г.И. Рихтер, рассуждая об особенностях донецкого языкового состояния, «у многих жителей Донбасса, у значительной части его интеллигенции, его учащейся молодёжи выравнивание речи по литературным образцам требует переучивания, преодоления привычных местных особенностей» [28, с. 5]. Учителю русского языка важно знать, какие именно местные особенности речи должны быть исправлены в процессе школьного обучения литературному языку, а информацию о них могут дать только комплексные региолектные исследования.

2. Как утверждает В.А. Маслова, «разработка концепции региональной лингвистики позволит объяснить ряд закономерностей регионального языка и понять особенности региональной языковой личности с учётом культуры, истории, психологии, географии, социальных факторов региона, а также установить региональные ценности, лежащие в основе региональной картины мира» [21, с. 3]. Сейчас унификация народно-разговорной речи вполне очевидна. Но если в ней ещё сохраняются какие-то местные особенности, они, вероятно, лингвокультурно значимы. Почему-то люди всё-таки говорят: *На дороге сплошная **мачмала**, разбитая самим же транспортом* (Живой журнал, Донецк); *В **кайбаше** хранятся личные вещи и суточный паёк трудящихся. Кроме того, там, как правило, не курят* (СловоНово – словарь современной лексики, жаргона и сленга). Это не базовый фонд словаря дончанина: данные слова находятся на его периферии. Но они все-таки характеризуют в той или иной мере особенности местного менталитета, и именно поэтому их и нужно изучать.

3. По мнению Л. Поляковой, «задача филологической регионалистики как отрасли, с одной стороны, филологии, с другой – исторического знания, состоит в системном исследовании литературно-художественных явлений или языковых процессов, генезиса, эволюции региональной субкультуры с использованием филологического инструментария, через постижение особенностей творческой индивидуальности художника» [26, с. 195–196]. Донецкие региональные языковые черты отмечаются в текстах как классиков донецкой литературы Б. Горбатова, П. Беспощадного, А. Парщикова и др., так и в произведениях современных литераторов – В. Русанова, В. Скобцова, М. Панчехиной, А. Ревякиной, А. Савенкова и др., и их появление в произведениях этих авторов значимо.

Лингвистическая регионалистика – молодая наука, которая только формирует свой категориальный аппарат и инструментарий исследований. Многие из её положений ещё не получили достаточного определения. Даже само наименование рассматриваемого ею объекта – «региолекта» – не является общепризнанным. В описаниях современных городских говоров русского языка помимо этого термина используются и другие обозначения: «диалект», «полудиалект», «региональный язык», «язык региона», «городское койне». Часто эти наименования функционируют как абсолютные синонимы. Необходимость в уточнении и специализации терминологии региональных лингвистических исследований, то есть, в сущности, в создании единой терминосистемы лингвистической регионалистики, очевидна. Как пишет И.С. Зварыкина, «современные языковые явления, возникающие на границе между литературным языком и диалектом, являются слишком сложными и многообразными, поэтому их необходимо чётко отграничивать от диалектных явлений, разрабатывая для этого специальную терминологию» [15, с. 32].

Термин «региолект» был введён в русскую социолингвистическую терминологию В.И. Трубинским [29], но стал распространённым благодаря работам А.С. Герда [9; 10].

Сейчас разработку теории региолекта осуществляют Л.А. Грузберг, И.С. Зварыкина, Т.Ф. Новикова, Е.А. Оглезнева и многие другие. Обоснование необходимости выделения региолекта даёт А.С. Гердом: «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определённой территории» [9, с. 13].

Важно установить место региолектов в системе русского национального языка, поскольку, как отмечает Е.А. Оглезнева, для языкознания актуален «вопрос не только о существовании такого языкового явления, как «региолект», или «региональный вариант языка», но и о характере взаимоотношений региолекта с другими вариантами и формами существования языка, а также о составе региональных вариантов русского языка» [24, с. 28]. Осознание этих отличий может быть осуществлено как раз через оценку терминов, использовавшихся для обозначения региональной речи, а также через установление её отличий от смежных явлений.

Регионально маркированная речь города достаточно долго не выделялась из диалектной речи: учёные попросту считали городской говор особой формой территориального диалекта. Например, О.С. Блинова утверждала, что в современных говорах (диалектных) можно выделить диалектно-просторечные (то есть, собственно, городские, поскольку просторечие – это «устная, некодифицированная, общепонятная речь для повседневного общения **преимущественно городского населения** (выделено нами. – В.Т.), не владеющего нормами литературного языка» [7, с. 7]) и собственно диалектные элементы [4, с. 36].

С такой трактовкой сложно согласиться хотя бы потому, что диалект и региолект являются не взаимопроникающими, а сменяющими друг друга явлениями: «На смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [10, с. 23–24]. М.А. Бородина ещё в 1982 году, говоря, правда, о диалектах французского языка, утверждала: «Само собой разумеется, что в последней четверти XX в. речь не может идти о «диалектах», явлении в целом свойственном другой исторической формации, от которой в силу различных условий непосредственных свидетельств (записей) диалектной речи не осталось вовсе или остались единичные свидетельства. Мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь как одну из характеристик «региона» [5, с. 29]. Различие диалектов и региолектов, в связи с этим, значимо не только для регионалистики, но и для классической диалектологии. Например, В.И. Супрун и Е. Брысина, сравнивая кубанскую и донскую речь, отмечают: «На Кубани народная речь постепенно трансформировалась в региолект» [6, с. 97], в то время как донские говоры во многом сохраняют свой диалектный статус: «В силу своей социальной изолированности донские диалекты, будучи престижными, сохраняют наиболее важные особенности традиционной системы» [6, с. 98].

Использование термина «диалект» для обозначения регионально маркированной речи городов нельзя считать убедительным ещё и потому, что он не является универсальным: его нельзя распространить на диффузные региолекты (см. ниже), возникшие на территориях позднего заселения не на диалектной основе, а в результате смешения и последующей унификации наречий мигрантов.

Для обозначения идиомов, не могущих быть определёнными при помощи терминов «литературный язык» и «диалект», в том числе и для обозначения регионально маркированной речи, в 70-е гг. XX столетия вместо термина «диалект»

стали использовать термин «полудиалект»: «Имея в основе своей организации какой-либо конкретный территориальный диалект, полудиалект оформляется в качественно иную языковую структуру под воздействием языка» [16, с. 105]. Однако лингвистами отмечается некоторая семантическая «расплывчатость» данного наименования, которая стала причиной того, что в целом ряде исследований «всё, что не попадало под понятие «диалект», было классифицировано как "полудиалект"» [20, с. 39]. Поэтому термин «региолект», как более определённый, стал активно вытеснять в последние десятилетия как термин «полудиалект», так и все остальные наименования регионально маркированной речи.

Важно отметить особый статус региолекта в современном языковом пространстве. Во многих исследованиях о нём пишут как о современной базовой территориальной разновидности национального языка: «Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что в современном русском языке региолект и является основной формой местной речи» [11], «Можно констатировать, что мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь, которая остаётся одной из репрезентативных характеристик региона. Более того: перерождение диалектов в региональные языки (региолекты) является **одной из существенных особенностей современного языкового развития** (выделено нами. – В.Т.)» [22, с. 126].

Такой статус региолекта вполне объясним: он обусловлен тем, что активная жизнь языка переместилась из деревни в город. Как отмечает А. Мерзлов, «после перестройки, по разным оценкам, до 30 тысяч деревень исчезло, многие обезлюдели, и этот процесс продолжается, к сожалению, катастрофическими темпами» [8]. Мы далеки от представленной в работах некоторых учёных идеи о том, что «современные говоры в традиционном понимании разрушены» [27, с. 121]: исследования наших коллег, например диалектологические экспедиции Волгоградского государственного социально-педагогического университета, показывают, что диалекты ещё живы. Однако то, что статус базовой разговорной разновидности национального языка получил сейчас язык города, – неоспоримый факт.

К сожалению, термин «региолект» не имеет устоявшегося определения. Т.Ф. Новикова замечает: «Насколько привычны и определённы термины «диалект», «полудиалект», «социолект», настолько расплывчато-неопределённы терминологические сочетания "региональный язык", "язык региона", а также термин "региолект"» [22, с. 126].

Наиболее авторитетной и часто повторяемой учёными является дефиниция А.С. Герда, который понимает под региолектом «особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, **с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием** (выделено нами. – В.Т.)» [10, с. 23–24]. Данное определение несколько уточняет Т.В. Жеребило, считающая региолектом «речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [14, с. 300].

Тут очевидны два признака, которыми наделяют региолект и которые всё-таки вызывают у нас сомнения:

- 1) региолект находится между литературным языком и просторечием и не совпадает с ними;
- 2) региолект – это «речь жителей средних и малых городов» (Т.В. Жеребило), а также «поселков городского типа» [10, с. 24].

Если говорить о первом признаке, то учёные в данном случае попросту ищут пространство в структуре национального языка для «нового» типа идиома, стараясь избежать совпадений и обвинений в создании синонимичного и потому избыточного термина. Наши исследования показывают, однако, что обозначенная позиция региолекта сомнительна.

Если принять определение А.С. Герда, следует говорить о том, что у региолекта есть особые носители, которые противопоставляются в том или ином населённом пункте носителям просторечия и литературного языка. В некоторых работах таковые действительно «обнаруживаются». Например, Т.В. Жеребило считает, что «основные носители региолекта – местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» [14, с. 300], в то время как просторечие, вероятно, появляется в речи менее образованных людей. Наш анализ, однако, показал абсолютно обратное: носители всех городских идиомов, в том числе и просторечия, в той или иной мере реализуют в своей речи региональные особенности фонетики, лексики, грамматики и т.д.

Именно социальную, а следовательно, и идиомную многовекторность региолекта имеет в виду Е.В. Ерофеева, когда пишет, что он возникает «при столкновении разнородных языковых образований и имеет социальное расслоение» [13, с. 100]. Мы, однако, позволим себе усомниться в том, что взаимодействие этих разнородных языковых образований «приводит к возникновению некоторой гомогенной языковой структуры, характерной только для данного города» [13, с. 100]. У разных носителей региолекта его черты проявляются по-разному именно потому, что они, как минимум, имеют разный уровень языковой подготовки, разный круг общения и т.д. Но факт остаётся фактом: многие исследователи городской речи говорят о том, что «региолект функционирует на территории региона (или даже нескольких регионов) и **используется всеми его жителями (без социальных, возрастных и других ограничений)**» (выделено нами – В.Т.), в отличие от диалекта, который используется преимущественно сельскими жителями определённой местности (то есть диалект более ограничен локально и функционально)» [18, с. 22].

Иными словами, следует признать, что «вряд ли можно говорить о "носителе региолекта", но в речи представителей любого региона (особенно – в неофициальной, в меньшей степени по причине её контролируемости – в официальной речи) присутствуют регионально окрашенные, типичные для носителей русского языка данного региона черты, в совокупности и составляющие то, что мы называем региолектом» [25, с. 67–68].

При этом, как показало наше исследование, региолектные черты обнаруживаются в речи жителей региона, так сказать, по «социальной убывающей»: их минимальное количество отмечается у тех, кто владеет литературным языком, а максимальное – именно у тех, кто пользуется просторечием. Это опровергает мысль о том, что региолект отделен от просторечия и противопоставлен ему.

Просторечием называют «устную неcodифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык», который «имеет наддиалектный характер» [3, с. 402]. Иначе говоря, просторечие чаще всего определяют как некий аналог литературного языка в том смысле, что оно считается абсолютно идентичным (наддиалектным) во всём пространстве существования русского языка. По мнению Е.В. Черемисиной, региолект и просторечие «бытуют в речи городского населения, но региолект отличается от просторечия следующими особенностями: 1. Принадлежность к определённой территории. 2. Культурная коннотация, оценка с точки зрения культуры: просторечие воспринимается как

нарушение литературной нормы и имеет отрицательную культурную коннотацию, региолект – как территориальная разновидность языка, и его культурная оценка сегодня всё чаще перестаёт быть отрицательной» [32, с. 47].

Оба эти тезиса вызывают возражения.

Во-первых, во многих исследованиях просторечия очень часто говорится о его региональной маркированности. Так, например, рассматривается городское просторечие Санкт-Петербурга [17], Томска [2], Прикамья [12] и т.д. Более того, именно в просторечии, как показали наши исследования, региональные языковые особенности проявляются в наибольшей степени: нами не обнаружено носителей донецкого просторечия, в речи которых не были бы представлены региональные фонетические, грамматические и, конечно же, лексические черты.

Во-вторых, у нас есть сомнения в том, что культурная оценка какого-либо языкового состояния может быть признана дефиниционным критерием, тем более что и просторечие, и региолект в большинстве случаев люди всё-таки определяют как неправильную, некодифицированную, неграмотную речь

Таким образом, представление о региолекте как об отдельном идиоме национального языка вряд ли можно признать удачным, поскольку в этом случае он должен был бы отличаться от других городских идиомов и иметь своих носителей, чего, как мы отметили выше, нами не обнаружено. Наоборот, наше исследование показало наличие вполне очевидных региональных языковых черт во всех разновидностях национального языка в отдельно взятом регионе. Можно, например, говорить о региональном просторечии, о региональном сленге, о региональном профессиональном жаргоне и т.д. Учёные пишут и о существовании регионального разговорного варианта литературного языка, который является «точкой (или, скорее, областью) на оси перехода литературного языка в региолект <...>, по своим характеристикам близкий и литературному языку, и региолекту» [13, с. 100]. Другими словами, региолектные черты могут проявляться и в устно-разговорном варианте литературного языка, который «является единым, но вместе с тем сложным образованием, **варьирующимся на огромной территории** (выделено нами. – В.Т.)» [20, с. 38].

Суммируя вышесказанное, отметим, что в нашем представлении региолект – это не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а **определённая регионально маркированная организация всего языкового пространства региона.**

В разных идиомах, составляющих региолект, удельный вес регионализмов, если обозначать этим термином не только локальные лексические единицы, но и регионально маркированные единицы всех других уровней, варьируется, что согласуется с мнением Н.В. Хорошевой, которая отмечает в отношении регионализмов «их нестабильное и нерегулярное употребление в речи даже одного информанта» [31, с. 33].

В устно-разговорном варианте литературного языка в Донбассе спорадически обнаруживаются лексические регионализмы (например, нами отмечено активное употребление слов *тремпель*, *тормозок*, *лоток* «контейнер для еды» и т.д.), в значительно меньшей мере – фонетические (например, слабая редукция безударного гласного непятого ряда [*заварил*]), и изредка – грамматические (*мы с Донбасса, на Донбассе*). В просторечии и жаргонах количество и значимость всех этих элементов увеличивается. При этом даже в данном случае невозможно говорить об абсолютном единообразии речи всех представителей одного региона: у кого-то регионализмы в речи проявляются в большей мере, у кого-то в меньшей, что и является свидетельством языковой нестабильности региолекта.

Если говорить о втором признаке (региолект – речь средних и малых городов), то и здесь следует сделать некоторые уточнения. Нам несколько непонятно, почему из региолектной зоны выведены большие города. Явные региональные черты имеет, например, речь жителей Москвы, Санкт-Петербурга. Представляется неправильным считать, что эти города не относятся ни к какой региолектной зоне.

Важно отметить ещё один момент, связанный с территорией употребления региолекта: общие региональные языковые черты обнаруживаются не только в идиомах одного города, но и во всём ареале городов, формирующемся обычно вокруг административного центра региона. Региолект не может быть, следовательно, привязан к какому-то конкретному городу. В городе реализуется городской говор, который мы по традиции параллельно назовём городским койне, хотя и осознаём некоторую неточность этого термина. Региолект связан с **регионом**. Следует говорить, скорее всего, о параллелизме корреляций «диалект – сельские говоры» и «региолект – городские (региолектные) говоры» и определять региолект как некоторую надидиомную обобщающую региональную структуру: как диалект – это совокупность однотипных взаимосвязанных сельских говоров, так и региолект – это совокупность взаимосвязанных в первую очередь городских говоров (но в последнее время городская речь становится эталонной и для сельских жителей, переводя их речь из диалектного пространства в региолектное). И этот вывод согласуется с идеей Е.А. Оглезневой: «Современный русский язык демонстрирует множество своих региональных вариантов – региолектов. Основанием для региолектного членения русского языка является наличие общих регионально маркированных языковых черт в том или ином регионе, независимо от городской или сельской языковой среды» [24, с. 68].

Таким образом, региолект является объединением идиомов в двух плоскостях: горизонтальной (объединение говоров населённых пунктов одного географического и социально-политического ареала) и вертикальной (объединение разных идиомов, формирующих говоры этих населённых пунктов: просторечия, жаргонов и т.д.). Такой подход позволяет предложить новую стратификационную модель регионально маркированной системы идиомов национального языка.

Языковыми элементами, определяющими региолект, являются **регионально маркированные языковые явления**, под которыми мы понимаем единицы и языковые (речевые) процессы, отличающиеся от наддиалектных единиц и процессов, представленных в литературном стандарте и в общенациональном фонде просторечия и других идиомов. Например, существование в донецкой речи дублетных заднеязычных – фрикативного [ɣ] и фарингального [h] (единицы) и их чередование в слабой позиции с [x] (процесс) является регионально маркированным языковым явлением, поскольку: а) в литературном языке нормативным (за исключением некоторых ситуаций предписываемого употребления фрикативного) признаётся заднеязычный взрывной [ɣ], чередующийся с [к], б) в просторечии фонема <ɣ> не имеет единого варианта звучания в сильной позиции (она может быть представлена в разных регионах и звуком [ɣ], и звуками [ɣ] и [h]), что подтверждает невозможность трактовки какого-либо из её воплощений как элемента общенационального просторечного фонда.

Наиболее очевидно проявление регионально маркированных языковых черт на лексическом уровне, однако и все остальные уровни также несут в себе региональные признаки: «Развитие языка в его социальной обусловленности в первую очередь проявляется на самом подвижном уровне языковой системы – лексическом. Именно на основе наблюдений за лексикой языка делают выводы о произошедших в языке изменениях. Гораздо более консервативны другие языковые уровни, но и они

реагируют на движение жизни, предоставляя варианты, актуальные для разных коммуникативных сфер и ситуаций, и, как следствие, своей совокупностью определяя состав форм существования национального языка и дифференцируя эти формы» [23, с. 27]. В донецком региолекте, например, обнаруживаются регионально маркированные фонетические черты (упомянутое выше наличие фрикативного [ɣ] и фарингального [h], ослабленная редукция при безударном аканье), грамматические черты (конструкции типа *смеялся с него, я за него тебе говорил*) и т.д.

Минимальной единицей региолектной стратификации является **региолектный идиом (региональный вариант идиома) национального языка**, представленный в том или ином населённом пункте, то есть, например, региолектное просторечие Донецка, региолектный сленг (например, шахтёрский) Макеевки и т.д. На этом уровне решается вопрос о носителе: нет носителя региолекта, но есть носитель региолектного просторечия, региолектного жаргона и т.д. При этом базовым региолектным идиомом мы все-таки считаем региональное просторечие, поскольку языковые навыки носителей всех остальных идиомов формируются именно на его базе.

Базовой единицей региолектной стратификации является **региолектный говор**, представляющий собой объединение региолектных идиомов, функционирующих в пределах одного населённого пункта. Например, донецкий региолектный говор включает просторечие города Донецка, донецкие сленги и жаргоны, донецкие языковые черты в устно-разговорном варианте литературного языка. Основной формой региолектного говора является **городское койне**, то есть региолектный говор города. Но региолектный говор может обнаруживаться и в сельских населённых пунктах, в первую очередь – в посёлках городского типа. В этом случае мы говорим о сельском региолектном говоре.

Региолект мы определяем как новую единицу территориального членения языка, объединяющую общими регионально маркированными языковыми чертами региолектные говоры расположенных рядом и обычно административно объединённых населённых пунктов. Например, донецкий региолект объединяет региолектные говоры Донецка, Макеевки, Горловки, Краматорска, Славянска и т.д., а также региолектные говоры ряда посёлков и сёл Донетчины.

Следует указать на необходимость специализации и использующегося параллельно с термином «региолект» термина «**региональный язык**». М.А. Бородина отмечает: «Насколько интуитивно ясен термин «диалект», настолько же неопределённо ставшее терминологичным словосочетание "региональный язык"» [5, с. 29]. Использовать его в качестве абсолютного синонима термина «региолект» нам представляется неправильным хотя бы потому, что региолекты, в силу того, что они возникают в результате действия процессов унификации народно-разговорной речи, теряют те черты, которые могли бы развиваться в черты самостоятельного языка: «Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении в отличие от диалекта, который в течение определённого исторического периода (например, феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию "язык"» [5, с. 29].

Вполне обоснованно предложение М.А. Бородиной считать региональным языком не отдельно взятый региолект, а систему, объединяющую все региолекты одного языка: «Все региональные говоры объединяются в понятие регионального языка» [5, с. 29]. В этом случае термин «региональный язык» вступает во вполне обоснованную корреляцию с терминами «литературный язык», то есть обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно закреплёнными нормами, и

«диалектный язык», который «представляет собой сложную систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней» [1, с. 10–11]. Данный термин в таком значении становится обозначением явления, которое характеризуется стремлением к унификации: различий между региолектами значительно меньше, чем различий между диалектами, и поэтому вполне возможно использование наименования «региональный язык» как термина, обозначающего целостную систему мало различающихся региональных идиомов русского национального языка.

Необходимо ещё одно уточнение, касающееся роли регионально маркированных языковых черт в структуре региолекта и регионального языка.

Региолект в наших исследованиях – это не просто совокупность языковых единиц и процессов, используемых на данной территории и отличающихся от общенациональных единиц и процессов. В этом случае региолектом закономерно следовало бы называть не столько языковую систему региона, сколько входящие в неё лексические, грамматические, фонетические и т.д. регионализмы. Такой подход, конечно же, возможен: он формирует представление о региональной лингвальной уникальности. Однако он не позволяет рассмотреть местную речь целостно, в совокупности всех присущих ей особенностей, как реализацию структуры русского языка в отдельно взятом регионе. В нашем представлении региолект – это цельная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общеязыковые элементы. Уникальность региолектов создаётся, скорее, не за счёт уникальности конкретных языковых фактов, а за счёт их **«системного калейдоскопа»**, особой регионально маркированной **организации языка**. Региональное и общее формируют единую систему, в которой общее во многом определяется региональным.

Е.А. Оглезнева говорит о трёх источниках формирования региолектов: «1) городская речь, в том числе литературная, как в центральных, так и в провинциальных городах испытывает влияние окружающих город диалектов; 2) русский язык в разных регионах России обладает спецификой вследствие языковых контактов с представителями народов соседних государств и коренных народов; 3) русский язык в регионах отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей и тем самым демонстрирует богатый потенциал своей системы» [24, с. 28]. Все эти процессы формируют **диалектный региолект**, возникающий в результате урбанизации «исконного» региона путём унификационной трансформации функционировавших в нём диалектов под влиянием литературного стандарта. Так формируются региолекты «старых», «диалектных» городов России – Ярославля, Вологды и многих других.

Мы же добавим ещё одну причину возникновения региолектов: взаимодействие на территории позднего заселения языков и наречий мигрантов. Так возникает **диффузный** региолект, минующий стадию диалектного существования. В его основе лежит стабилизационная «революционная» интегративная унификация системы миграционных идиомов: мигранты в процессе создания нового территориального субэтнического единства выбирают, принимают и абсолютизируют те языковые черты, которые либо делают речь удобной, выразительной, либо присущи наиболее авторитетным представителям нового языкового сообщества, либо отражают важные для формирующейся новой ментальности концепты. Именно к диффузным региолектам и относится донецкий региолект.

Если диалектный региолект обладает всё же высоким уровнем **уникальности компонентов**: в нем можно предположить существование базовых черт, которые достались ему в наследство от местных говоров, то диффузный региолект не может

содержать большого количества уникальных черт, поскольку в нём, как уже было сказано, на базовом уровне отмечаются следы языков, диалектов и региолектов тех регионов, которые стали источником миграций. Следовательно, все эти черты в большинстве своём обнаруживаются одновременно и в границах диффузного региолекта, и за его пределами (в исконной зоне – в той местности, откуда, собственно, и прибыли мигранты). В связи с этим для диффузных региолектов главным характеризующим фактором является **уникальность организации системы**: в нем собранные из разных идиомов компоненты сочленяются так, как никогда не сочленялись в исходных языках, диалектах и региолектах.

Конечно же, и в **диффузном** региолекте могут появляться уникальные языковые черты, но их появление обусловлено теми причинами, которые обычно коррелируют с самими причинами миграции. Так, например, причиной миграции в Донбасс было развитие угольной и металлургической отраслей. Здесь создавались новые профессиональные корпорации, а в этих профессиональных корпорациях возникал новый региональный профессиональный жаргон. В силу того, что основу донбасского сообщества составляли семьи людей, связанных с данными профессиональными корпорациями, профессиональные жаргонные слова стали активно распространяться через членов семей, в речи которых происходила дежаргонизация, депрофессионализация жаргонизмов, расширение их семантики. Таким образом, источником уникальности компонентов в промышленных диффузных региолектах является профессиональный жаргон. Именно оттуда в донецкий региолект пришли слова *тормозок*, *коногонка* сначала «лампочка шахтёра», а затем – «лампочка, крепящаяся на голове», *киндейка*, *кайбаш* «сарай» и др.

Исходя из вышесказанного, мы определили следующие наиболее важные на данном этапе объекты описания:

- социально-политические причины возникновения и развития региона: источники и условия миграции в Донбасс (для определения миграционных составляющих языковой системы региолекта);
- языковая политика на территории региона;
- общие особенности региолектной языковой системы:
 - региолектная фонетика;
 - региолектный словарь;
 - региолектная грамматика;
 - региональная топонимия, в том числе и урбанонимия и микротопонимия, как официальная, так и неофициальная и историческая;
- региональная языковая картина мира;
- региональный текст.

Как мы уже говорили выше, лингвистическая регионалистика только формирует инструментарий своих исследований. Однако активно ведущиеся сейчас работы по описанию белгородского, архангельского, тамбовского, дальневосточного и многих других региолектов вселяют надежду в скорое уточнение многих понятий и положений теории лингвистической регионалистики. Как пишет Е.А. Оглезнева, «изучение региолектов представляется весьма перспективным, требующим привлечения разнообразных методов научного лингвистического исследования. Одной из важнейших задач в изучении региональных разновидностей русского языка может стать выявление состава существующих региолектов, их структуры, границ между ними, зон возможного взаимопроникновения и факторов, обуславливающих эти особенности. Конечным итогом такого исследования станет региолектное

картографирование, которое отразит региолектное членение русского языка на определённом этапе своего существования» [24, с. 68]. В дальнейших работах мы предполагаем описать систему донецкого региолекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Введение / Р.И. Аванесов // Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. – М., 1964. – С. 7–28.
2. Банкова Т.Б. Об опыте составления словаря томского городского просторечия / Т.Б. Банкова. – М., 1987. – 31 с.
3. Бельчиков Ю.А. Просторечие / Ю.А. Бельчиков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 402.
4. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика / О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 134 с.
5. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
6. Брысина Е.В. Социальная изолированность диалекта, его престижность и дивергентные процессы в национальном языке / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 94–100.
7. Войлова К.В. Судьба просторечия в русском языке / К.В. Войлова // Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. – М., 2000. – 40 с.
8. Вымирание российской деревни: причины и последствия. – Режим доступа: <https://salt.zone/radio/5523>.
9. Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие / А.С. Герд // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). – М., 1998. – С. 12–13.
10. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С. Петерб. Ун-та, 2001. – 488 с.
11. Грузберг Л.А. Региолект / Л.А. Грузберг // Филолог. – 2010. – № 11. – Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208.
12. Ерофеева Т.И. Локальные лексические элементы в языковом быте города / Т.И. Ерофеева // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1969. – С. 31–42.
13. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект / Е.В. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.
14. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В. Жеребило. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
15. Заварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И.С. Заварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
16. Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты / Т.С. Коготкова // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С. 104–152.
17. Колесов В.В. Язык города / В.В. Колесов. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
18. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С.А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – Белгород, 2017. – С. 14–25.
19. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. – С. 189–199.
20. Ливинская И.В. К вопросу о региональном варьировании национального языка / И.В. Ливинская // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. – 2015. – № 6. – С. 37–42.
21. Маслова В.А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы / В.А. Маслова // Филологические науки: научные доклады высшей школы. – 2015. – № 6. – С. 3–8.
22. Новикова Т.Ф. Проблемы создания словаря языка региона / Т.Ф. Новикова // Мова і культура (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. – Вип. 14. – Т. IV (150). – С. 126–132.
23. Новикова Т.Ф. Теоретико-прикладные проблемы описания современных региолектов / Т.Ф. Новикова // Acta Neophilologica, XIX (1). – 2017. – С. 171–178.
24. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е.А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Благовещенск, 2013. – Вып. 10. – С. 27–37.

- 25.Оглезнева Е.А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта / Е.А. Оглезнева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып. 10. – С. 65–68.
- 26.Полякова Л. Филологическая регионалистика как наука / Л. Полякова // Вопросы литературы. – 2015. – № 3: Май-июнь. – С. 186–201.
- 27.Попов И.С. О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей / И. С. Попов // Теория и практика областной лексикографии. – Л.: Наука, 1984. – С. 116–124.
- 28.Рихтер Г.И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г.И. Рихтер. – Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1958. – 30 с.
- 29.Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления / В.И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 156–162.
- 30.Филин Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка / Ф.П. Филин // Вопросы языкознания. – 1966. – № 4. – С.32–44.
- 31.Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н.В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32–36.
- 32.Черемисина Е.В. О региолекте в современном языкознании Е.В. Черемисина // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, 2015. – С. 45–49.

Поступила в редакцию 26.09.2018 г.

ABOUT “REGIOLECT” NOTION

V.I. Terkulov

In the article the notion of «regiolect» is specified, the place of regiolect in the national language structure and the peculiarities of its formation and organization on particular territory are determined.

Key words: subdialect, idiom, colloquial language, regiolect, regional language.

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru.

Terkulov Vyacheslav Isayevich

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk National University.
Head of Department of the Russian Language.
E-mail: terkulov@rambler.ru.

УДК 81.22

К ВОПРОСУ О СЕМИОТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ТЕКСТА

© 2018. М.В. Балко

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

Статья посвящена рассмотрению семиотической природы текста как сложного феномена, в связи с чем проанализированы дискуссионные вопросы теории текста (его дефиниция, характерные признаки, ключевые научные концепции). Основное внимание уделено структуре текста как сложного знака, его иерархичности. Обосновано мнение о целесообразности употребления термина «мультикодовый текст» вместо «креолизированный текст».

Ключевые слова: текст, семиотика, знак, мультикодовость.

Изучение текста как специфической языковой единицы имеет значительную лингвистическую традицию (В.Г. Адмони, Р. Барт, Л.С. Бархударов, И.Р. Гальперин, В. Дресслер, Ю.Н. Земская, А.А. Леонтьев, Е. А. Селиванова и др.), несмотря на относительную молодость лингвистики текста как отдельного направления языковедческих студий. Вместе с тем на сегодняшний день теория текста остаётся одной из наиболее дискуссионных.

Цель предложенной статьи – рассмотреть знаковую природу текста с опорой на анализ различных подходов к семиотическому исследованию этой языковой единицы.

Исчерпывающее определение текста, его категорий и функций, места в лингвистической системе в современном языкознании не выработано в силу неоднозначности и многоаспектности самого предмета изучения. Констатируем наличие разнообразных, иногда диаметрально противоположных концепций текста. Так, фиксируем точку зрения, согласно которой отрицается необходимость изучения текста как самостоятельной единицы. «Несмотря на некоторые особенности сочетаний предложений в тексте, – утверждает Т.В. Булыгина, – текст всё же не образует... специфической структуры, свойства которой превосходили бы сумму свойств составляющих его предложений» [6, с. 224]. Такое видение природы текста, на наш взгляд, является весьма дискуссионным, поскольку текст как крайне сложное по структуре, функциям, семантике и прагматической направленности явление не может представлять собой лишь сумму свойств составляющих его предложений.

Лингвисты, которые всё-таки признают статус текста как самостоятельной единицы языка, также далеко не солидарны в его определении. Как это часто бывает в языкознании при исследовании сложного понятия, можно выделить широкое и узкое его толкования. Приверженцы узкого видения текста (О.С. Ахманова, И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева и др.) рассматривают его только как воплощённое в письменную форму произведение, полностью исключая устные реализации текстовых структур. «Текст, – акцентирует И.Р. Гальперин, – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединённых разным типам лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определённый модальный характер и прагматическую установку» [8, с. 72]. Текст лингвист предлагает понимать не как «фиксированную устную речь, в которой чаще всего проявляются черты спонтанности, неорганизованности,

непоследовательности, а как особую разновидность языкового творческого акта, имеющую свои параметры, отличные от параметров устной речи» [8, с. 72]. Подобные толкования текста дают и другие исследователи. О.С. Ахманова, например, определяет текст как «произведение речи, зафиксированное на письме» [1, с. 470].

По нашему мнению, ограничивать понятие текста только письменными «произведениями творческого акта» несколько некорректно, так как, во-первых, размывается грань между языковедческим и литературоведческим пониманием текста (произведение как результат творческой работы автора – это всё-таки научная вотчина скорее литературоведа), а во-вторых, вне поля интересов исследователя остаётся колоссальное количество текстов, содержащих интереснейшие языковые факты спонтанной устной речи. Ввиду сказанного принимаем широкое толкование текста, представленное Т.М. Николаевой в большом энциклопедическом словаре «Языкознание», согласно которому текст – это «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [14, с. 507]. Эта последовательность может быть воплощена как в письменной, так и в устной форме. Более того, некоторые учёные, декларируя узкий подход к пониманию текста, в свои дефиниции этого не закладывают (см., например, определение З.Я. Тураевой: «Текст – некое упорядоченное множество предложений, объединённых различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определённым образом организованную и направленную информацию» [18, с. 11]). Завершая обоснование необходимости считать текстами как письменные, так и устные структуры, приведём развёрнутую цитату Л. Блумфилда: «Письмо – это не язык, но всего лишь способ фиксации языка с помощью видимых знаков. В некоторых странах, например, таких, как Китай, Египет и Месопотамия, письменность возникла много тысяч лет тому назад, но для большинства языков, на которых говорят сегодня, она была создана относительно недавно или до сих пор не создана вообще (*и это не значит, что носители таких языков не создают текстов* – М.Б.) (...) На всех языках на протяжении почти всей их истории говорили люди, не умевшие ни читать, ни писать (но они создавали и создают тексты, как и люди, владеющие письменной формой речи – М.Б.)» [4, с. 35].

На сегодняшний день можем говорить о нескольких подходах к изучению текста: собственно лингвистическом (И.Р. Гальперин [8]), гуманитарно-философском (М.М. Бахтин [3]), герменевтическом (Ф. Розенцвейг [16]), семантическом (А. Вежбицкая [7]) и др., среди которых особое место занимает семиотическое толкование текста.

Семиотическая концепция текста в последнее время весьма популярна: текст рассматривают как основополагающее понятие современной семиотики. «Понятие *текст*, – акцентирует Ю.М. Лотман, – употребляется в специфически семиотическом значении и... применяется не только к сообщениям на естественном языке, но и к любому носителю целостного («текстового») значения – обряду, произведению изобразительного искусства или музыкальной пьесе» [12, с. 130]. Таким образом, абсолютно любая знаковая структура может быть квалифицирована как текст, если она обладает целостным значением и функцией. Некоторые исследователи (например, М.М. Бахтин [3]) идут ещё дальше и рассматривают текст, включённый в цепь культуры прошлого, настоящего и будущего, как отражение диалога этого сложного знакового феномена с другими текстами внутри отдельной культуры или между культурами.

Вместе с тем семиотический подход к изучению текста разделяют далеко не все лингвисты. Так, Е.А. Жигарева подчёркивает, что «широкий семиотический подход к

тексту прибавляет неоднозначности в проблему делимитации текста, то есть установления границ текстовой протяжённости и отделения текста от нетекста» [10], поскольку позволяет рассмотреть в качестве текста не только ритуал, обряд, танец, архитектуру, культуру в целом, но и далее «геном человека как текст», «ментальность как текст», «жизнь как текст», в конечном итоге – «мир как текст» [10]. По нашему мнению, подобные утверждения несколько утрированы. Отрицать семиотическую природу текста весьма сложно, да и не нужно.

Как видим из приведённой выше дефиниции Т.М. Николаевой, текст имеет семиотическую природу: является знаком и одновременно сам состоит из знаков. «Текст, – замечает Н.В. Панченко, – есть осмысленная последовательность любых знаков – вербальных, визуальных, аудиальных и пр. – выступающая как целостность для передачи информации различного характера в процессе коммуникации» [17, с. 50].

Текст, как и любой другой знак, есть двусторонняя сущность: имеет план выражения (форму) и план содержания. Ю.М. Лотман метафорически описал это свойство художественного текста. «План не замурован в стену, – подчёркивает учёный, – а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – её реализация. Идейное содержание произведения – структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздаёт образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея не мыслима. Дуализм формы и содержания должен быть заменён понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры» [12]. Замечания Ю.М. Лотмана, на наш взгляд, справедливы не только для художественного текста, но и для текста вообще.

Поскольку текст – сложная языковая единица, его структура характеризуется наличием разнообразных отношений и связей. Несомненно, целое (текст) представляет собой нечто большее, чем простую сумму его компонентов. Взаимоотношения между составляющими такой сложной структуры весьма динамичны. Структурой, по мнению Я. Мукаржовского, «может считаться лишь такой комплекс элементов, внутреннее равновесие которого непрестанно нарушается и снова создаётся и единство которого представляется поэтому комплексом диалектических противоположностей» [13, с. 276]. Элементы такой структуры постоянно находятся в состоянии иерархической перегруппировки. Более того, сложность структуры текста прямо пропорциональна сложности передаваемой информации (чем сложнее информация, тем сложнее вся семиотическая система: ср., сложность информации, передаваемой пословицей и большим художественным произведением, например, романом).

Иерархичность – характерный структурный признак текста как сложной семиотической системы, проявляющийся и в парадигматике, и в синтагматике.

Парадигматическая иерархичность предполагает вычленение в тексте уровней его организации и единиц, их составляющих. Чаще всего выделяют фонетический, лексический, грамматический и т. д. уровни текста, каждый из которых изучают как самостоятельно организованный. По нашему мнению, такой подход к исследованию парадигматики текста является несколько упрощённым, так как не охватывает семантические и прагматические аспекты изучаемого объекта.

Оптимальной видится точка зрения Н.С. Болотновой, которая, исходя из двух основных аспектов изучения текста (лингвистического и экстралингвистического), вычленяет два его универсальных уровня – информационно-смысловой и прагматический [5]. В лингвистическом аспекте она рассматривает несколько подуровней: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический (на информационно-смысловом уровне) и экспрессивно-стилистический и функционально-

стилистический (на прагматическом уровне). Экстралингвистический аспект текста охватывает всё то, что свойственно сознанию автора: тему, идею, образы, факты окружающей действительности, эмоции, принципы построения [5]. Таким образом, Н.С. Болотнова говорит о предметно-логическом, тематическом, сюжетно-композиционном подуровнях (на информационно-смысловом уровне) и эмоциональном, образном, идейном подуровнях (на прагматическом уровне). При этом тексты разных стилей могут реализовывать не всю парадигму подуровней (так, например, официально-деловые тексты не содержат образной информации, поэтому образный подуровень остаётся незадействованным).

Синтагматическая иерархичность обеспечивает дополнительные структурные связи между различными текстами на основе действия закона эквивалентности, согласно которому «два знака должны быть тождественны и в то же время различны в том или ином отношении» [17, с. 52] (ср. цикл стихов, женские романы, служебные записки т. д.).

Говоря о тексте как языковой единице семиотической природы, нельзя не упомянуть о типологии знаков. Заслуживает доверия концепция Ч. Пирса, который на основе противопоставления смежности и сходства, а также фактичности и условности различает индексные, иконические и символические знаки [15].

Индексные (указательные) знаки предполагают наличие фактической смежности между планом содержания и планом выражения в пространственном и / или временном отношениях, например: *Вступительная кампания в учреждениях высшего образования ДНР пройдёт с 25 июня по 31 июля. Об этом ДАН 28 мая сообщили в пресс-службе министерства образования и науки Республики. «В ДНР вступительная кампания в учреждения высшего профессионального образования начнётся 25 июня и продлится до 31 июля», – сказала собеседница агентства. В Минобрнауки добавили, что работа приёмных комиссий будет организована во всех 18 вузах Республики. Что касается приёма документов на поступление в учреждения среднего профессионального образования, то они будут приниматься с 1 июля по 15 августа (Донецк вечерний. – 29.05.2018).*

В основе иконических знаков лежит принцип подобия (план содержания и план выражения схожи друг с другом в том или ином отношении), например: *Пельмени «премиум» класса. Фарш для этих пельменей готовится только из охлаждённого мяса (свинины и говядины), свежего лука, натуральных специй. Мука высшего сорта с добавлением куриных яиц и рафинированного подсолнечного масла. В пельменях не содержится сои, консервантов и ГМО. Соотношение фарш/тесто составляет 50%:50%. Состав: мука в/с, мясо свинины охлаждённое, вода питьевая, мясо говядины охлаждённое, лук свежий репчатый, соль поваренная пищевая, яйцо куриное, масло подсолнечное, сахар-песок, перец черный молотый. Вес: 5 кг. Срок хранения: 6 месяцев при температуре минус 18–20 °С (<http://www.hercules.ua/product/index.php?pid=214>).*

Особенностью символических знаков является то, что план содержания и план выражения совершенно условны, а не фактуальны, например:

*Родная Академия, виват, виват, виват!
С надеждой на тебя и гордостью глядят
Твои студенты и профессора.
Да здравствует наш вуз! Виват! Ура!*

(http://www.dsum.org/index.php?option=com_k2&view=item&layout=item&id=22&Itemid=173).

Как видим, текст целиком может представлять собой один из видов знаков, но в то же время он является сложным семиотическим явлением, совмещающим в себе

свойства всех трёх типов знаков. Поэтому целесообразнее говорить о преобладании одного из типов в том или ином конкретном тексте.

Кроме названных типов, тексты нередко могут содержать также метазнаки или сами являться метазнаками, основное назначение которых – описывать другие знаки-объекты.

Таким образом, текст как сложное образование, включающее множество различных знаков, представляет собой гетерогенный объект.

Гетерогенность текста объясняется иерархичностью его организации (он состоит из уровней различной природы и объединяет знаки всех возможных или нескольких видов). Даже традиционные вербальные тексты часто не однородны по своему составу: они могут включать иноязычные вкрапления, что также является совмещением нескольких кодов. Но наиболее ярко гетерогенность проявляется в текстах, содержащих невербальные компоненты (рисунки, схемы, фотоизображения, нотные записи и т. п.).

Текстов, для которых вербальная форма самодостаточна, не так много (особенно в современном мире, насыщенном разнообразными источниками информации и техническими возможностями для их создания). Передача информации всё чаще ориентирована на тексты, в которых словесные и несловесные составляющие образуют единое целое. Для обозначения таких сложных структур некоторые исследователи используют термин «креолизированный текст» (Л.В. Дубовицкая [9], Ю.А. Сорокин [19] и др.).

Креолизированные тексты определяются как такие, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели язык)» [19, с. 180; 11], например, комиксы, афиши, транспаранты, карикатуры и под.

Термин «креолизированный текст», по нашему мнению, не вполне удачен, поскольку не является однозначным. Под креолизацией понимают «формирование языка на основе пиджинов в условиях ограничения контактов носителей языка-источника с носителями других несхожих с ним языков» [20, с. 88]. В гетерогенных текстах наблюдаем «смещение» совершенно иного характера, в связи с чем считаем целесообразным употребление термина «мультикодовый текст» [2]. Эта номинация как нельзя лучше отражает природу анализируемых текстов.

Таким образом, семиотический подход к изучению текста как сложного лингвистического феномена является оправданным и даже необходимым. Знаковая природа текста не вызывает сомнений, и применение семиотической методологии к его исследованию видится весьма перспективной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия., 1969. – 608 с.
2. Балко М.В. Мультикодовость как текстовая семиотическая категория (на примере славянской визуальной поэзии эпохи барокко) / М.В. Балко // Наука и мир в языковом пространстве : [сб. науч. тр. II республ. оч.-заоч. науч. конф.]. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 41–46.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
4. Блумфилд Л. Язык [перевод с англ. Е.С. Кубряковой, В.П. Мурат; под ред. и с предисловием М.М. Гухман] / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
5. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пос. / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 520 с.
6. Булыгина Т.В. О границах между сложной единицей и сочетанием единиц / Т.В. Булыгина // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 208–272.

7. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание [перевод с англ. отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой] / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
8. Гальперин И.Р. О понятии «текст» / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 68–77.
9. Дубовицкая Л.В. Феномен креолизованного текста (на материале креолизованных текстов письменной коммуникации): автореф. дис. канд. филол. наук (10.02.19 – теория языка) / Л.В. Дубовицкая. – М. : Московский гос. обл. ун-т, 2013. – 21 с.
10. Жигарева Е.А. Текст как семиотическая / Е.А. Жигарева // Вестник Актыбинского университета им. С. Баишева. – 2009. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/12371> (дата обращения: 02.09.2018).
11. Кучина С.А. Связность вербальных и невербальных компонентов в электронных художественных текстах: синтаксический аспект / С.А. Кучина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 96–101.
12. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 472 с.
13. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М.: Искусство, 1994. – 606 с.
14. Николаева Т.М. Текст / Т.М. Николаева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
15. Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculative» / Ч.С. Пирс // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд. – М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. – 702 с.
16. Розенцвейг Ф. Новое мышление / Ф. Розенцвейг // Махлин В. Я и Другой (истоки философии «диалога» XX века): материалы к спецкурсу. – СПб.: Русский христианский гуманитар. ин-т, 1995. – С. 92–115.
17. Теория текста: учеб. пос. / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 132 с.
18. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): учеб. пос. для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
19. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
20. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пос. / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

Поступила в редакцию 05.09.2018 г.

SEMIOTIC ESSENCE OF THE TEXT

M.V. Balko

The article deals with the semiotic nature of the text as a complex phenomenon. Some debatable issues of the text theory are considered, among which are the definition of the text, characteristic features of the text, some key theoretical concepts related to the problem discussed. A special attention is paid to the structure of the text as a complex sign, as well as to its hierarchy. The conclusion is made that the term “a multicode text” seems to be more consistent and logical than the term “a creolized text”.

Key words: text, semiotics, sign, multicode.

Балко Марина Владимировна.

Доктор филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».

Профессор кафедры краеведения.

E-mail: marina.balko1978@gmail.com

Balko Marina Vladimirovna.

Doctor of Philology, Docent.

Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic.

Professor of the Local History Department.

E-mail: marina.balko1978@gmail.com

УДК 821.133.1.05

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ ПОРОЖДЕНИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ В РОМАНЕ Ж. ПЕРЕКА «ВЕЩИ»

© 2018. А. Я. Белых, Т. Н. Глоба

Статья посвящена природе лингвокогнитивного механизма формирования имплицитных смыслов в романе Жоржа Перека «Вещи». Анализируются авторские особенности создания данного механизма, исследуется роль интерконтекстуальности художественного текста как игрового диалогического взаимодействия автора и читателя, основанного на актуализации имплицитных смыслов в новом соответствующем интертексте.

Ключевые слова: лингвокогнитивный механизм, имплицитные смыслы, интерконтекстуальность, игровое взаимодействие, интертекст.

Современный этап развития общества характеризуется всё более усиливающимся вниманием к вопросу власти вещей над человеком, к проблеме появления нового общества потребления и нового человека-потребителя (*le consommateur est né, la consommation sans but est née*). Французский писатель, социолог по образованию, кинорежиссер по призванию Жорж Перек (1936–1982 г.) чутко уловил новые взаимоотношения между человеком и предметами материального мира, новые современные функции вещей от культурологической, сюжетно-композиционной, характерологической до воображаемой, символической. Происходит символизация вещей, фетишизация материальных благ. Художественное произведение «Вещи» («*Les choses*») Ж. Перека – это определенное художественное исследование общественно-психологического феномена обезличивания человека, превращения его в потребителя. Данное произведение можно рассматривать как сложное коммуникативное и психологическое взаимодействие писателя и читателя, как интенциональный процесс, включающий эксплицитную информацию (жизнь героев в плену богатого рекламного мира) и имплицитную информацию (итог жизни героев), требующую «интеллектуальной» степени проникновения в подтекстовое социальное исследование, разгадки особой «зашифрованности» текста.

Актуальность данной работы обусловлена, с одной стороны, большим интересом к избранной для рассмотрения проблематике эксплицитности и имплицитности в художественном дискурсе, с другой стороны, недостаточной разработанностью специфики данной проблемы в различных дискурсивных практиках. Рассмотрение вопросов, связанных с исследуемой тематикой, имеет как теоретическую, так и практическую цель. Результаты могут быть использованы для разработки стратегий смыслового чтения, анализа художественного текста, способов выражения имплицитной информации, а также при подготовке курсов и семинаров по французскому языку. В качестве **объекта** изучения выступает художественный дискурс романа Ж. Перека «Вещи». **Предметом** анализа является формирование в художественном дискурсе Ж. Перека имплицитных смыслов, интерпретируемых читателем на основании своей когнитивно-коммуникативной и языковой компетенции.

Цель данной работы заключается в исследовании особенностей авторского художественного дискурса для выявления и интерпретации имплицитных пропозиций и обобщений в «формуле счастья» героев романа Ж. Перека «Вещи» («*Les choses*»).

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

- комплексно проанализировать авторскую модель порождения имплицитных смыслов в художественном дискурсе Ж. Перека;
- выявить роль интерконтекстуальности текста при восстановлении имплицитной информации;
- рассмотреть выявленные особенности модели механизма имплицитных смыслов с точки зрения их воздействия на «смысловые проекции» в сознании читателя.

В исследуемом художественном произведении «Вещи» нет прямых методов «нравственно-эстетического» приговора власти вещей над человеком. Раскрытие этой темы усложняется и углубляется введением в роман нового метода художественного повествования, который является доминантой модели механизма формирования имплицитных смыслов в романе «Вещи». Анализируемая модель представлена в художественном тексте несколькими тактиками автора:

- эксплицитное описание истории жизни молодой супружеской пары Жерома и Сильвии, в котором автор реализует только когнитивный информационный уровень воздействия на читателя;
- подтекстовое содержание этой истории, в котором выражено субъективное мнение автора, оправдывающего, в какой-то степени бессознательно, своих героев;
- эффективный и коннотативный уровень воздействия на адресата актуализируется с помощью имплицитных смыслов, которые предстоит разгадать читателю, формируя свои «смыслы», свои пропозиции и обобщения.

И в этом тактическом выборе сила и эффективность избранного Ж. Переком метода, пути реализации концептуальной информации, стратегическая успешность коммуникации между писателем и читателем достигается благодаря оригинальному авторскому стилю (*style pérequien*), который служит триггером к переосмыслению текста, вызывает эмоциональный отклик у читателя. Стиль канцелярского «протокола» жизни героев (*d'une histoire des années 60*) – это художественный эксперимент автора, своеобразный социологический анализ наблюдателя, который основан на следующих принципах речевого общения с читателем, принципах, устанавливающих основной тон повествования и текстовую организацию:

- фактологическая убедительность, конкретность, обстоятельность, документальность. Изложение ведется протокольным стилем, имеет форму логического официального почти исчерпывающего отчета о жизни Жерома и Сильвии, о предметах в идеальной квартире, о которой мечтает супружеская пара;

– индивидуальность вещей, их персонификация, автор-повествователь, но функции рассказчика передаются вещам и нетрудно угадать, в чем состоит счастье героев: *terre de bonheur, un univers de couleurs un peu passées, le coin des bibliothèques, la discothèque, le secrétaire, la table basse entre les deux canapés, le bois poli, la soie lourde et riche, le cristal taillé, le cuir assoupli, elle serait havre de paix* [1, p. 27];

– существование вещей вне времени и пространства: *des albums, des yeux de cartes, des pots, des colliers, des pacotilles, une vieille armoire de chêne et deux valets de bois et de cuivre, un petit fauteuil craud etc.* [1, p. 27]. Такое накопление вещей, модных и старинных, свидетельствует об истинных интересах героев. Вещи создают героев, их воспитывают, характеризуют;

– овеществление героев произведения, сначала представленных местоимением «они». Вещь, вещный мир становится символом существования супружеской пары. Они, «ils sont pris au piège» *des choses* до такой степени, что сами стали «героями-вещами». «Они», Жером и Сильвия, живут в мире «Conditionnel», «du conditionnel du

rêve» вне современного мира: leur vie serait..., ils auraient..., ils rentreraient..., ils se prépareraient..., ils mettraient..., ils poseraient etc. [1, p. 110]; в мире Imparfait, в мире d'une durée de successions: ils finissaient ..., ils grignotaient..., ils allumaient..., ils promenaient..., ils se regardaient..., ils se promenaient..., ils se regardaient..., ils marchaient [1, p. 67] ;

– вынесение главного обобщенного концепта «вещи» («Les choses») в сильную позицию – заглавие произведения. В этом концепте сконцентрирована смысловая и эстетическая информация. Вещи составляют «формулу» счастья героев [2, p. 9];

– скрытая ироничность, которая является субъективным «кодом» писателя, это особый прием, рассчитанный на игру с читателем. Это загадка, которую он должен разгадать. Какое удовольствие для «серых клеточек» читать следующее перечисление нужных и ненужных вещей: «il y eut la lessive, le linge qui sèche, le repassage. Le gaz, l'électricité, le téléphone. Les enfants. Les vêtements et les sous-vêtements. La moutarde. Les soupes en sachets, les soupes en boîtes. Les cheveux: comment les laver, comment les teindre, comment les faire tenir, comment les faire briller ... la politique, les autoroutes, les boissons alcoolisées, les eaux minérales, les fromages et les conserves, les lampes et les rideaux, les assurances, le jardinage. Rien de ce qui était humain ne leur fait étranger » [1, p. 45]. В этой последней фразе – «ничто человеческое им не чуждо» – ироничный намек, имплицитный смысл для читателя. Многочисленные перечисления порождают иронические интонации у Ж. Перека и вызывают определенные ассоциации у читателя;

– десюжетизация, несоответствие логической цепи построения, образуя неожиданный сюжетный ход. Сюжетно-композиционная линия строится на трёх направлениях: la vie à Paris – 10 épisodes; la parenthèse tunisienne – 4 épisodes et épilogue. И собственно эксплицитная информация начинается только с третьего эпизода. «Они» наконец-то получили имена – Жером и Сильвия, автором дана самая общая характеристика своих героев: «Jerôme avait vingt-quatre ans, Sylvie en avait vingt-deux. Ils étaient tous deux psycho-sociologues. Ils auraient aimé, certes, comme tout le monde, se consacrer à quelque chose ... Hélas, ils ne s'en connaissaient qu'une: celle du mieux-vivre, et elle les épuisait» [1, p. 41]. Но мечты, заботы, огорчения, радости супружеской пары уже не очень интересуют читателя. Их внимание привлекают другие герои-вещи, описанные в первом и во втором эпизодах, журнал «Экспресс», появившийся в четвертом эпизоде «qui, lui seul, correspondait à leur art de vivre» [1, p. 53], диван Chesterfield, мечта Жерома и Сильвии: «L'Express y rêvait avec eux.» [1, p. 55], дорогие английские туфли, приобретенные Жеромом. Конфликт обозначен. И читатель должен объединить все сюжетные линии, имплицитные смыслы и сделать вывод;

– смысловая двуплановость, две стороны одного процесса символического осмысления мира вещиизма, обмен скрытыми мыслями (писатель ↔ читатель) способствуют созданию у читателя своих «смыслов» – следовать логике здравого смысла, логике антирекламного воздействия на сознание;

– стандартизованность языковых средств. Все языковые средства подчинены определенной задаче: только сообщить и вызвать определенную эмоциональную реакцию у читателя. Поэтому в описи предметов в квартире (первый и второй эпизоды) встречаются только конкретные и вещественные существительные, что представляет собой особую стилистическую ценность стиля протокола, стиля инвентаризации. Существительные сочетаются с прилагательными, иногда с количественными числительными, они помогают создать зримые картины о квартире, о предметах. Стандартизованность языковых средств представлена в романе следующими конструкциями: Art. + Adj. + Subst. + Adj. (une petite table basse, un grand miroir orientale, une longue table lorraine); Art.+ Subst. + de + Subst. (un agenda de cuir, la tenture

de cuir, un tapis de prière); Art.+ Adj. + Subst. + de + Subst. (une vieille armoire de chêne, un gros divan de cuir, un petit fauteuil de cuir); Adj.N.C. + Subst. (trois tapis, deux bibliothèques, trois clous, deux fauteuils).

Итак, в символике канцелярского дискурса Ж. Перека представлена авторская организация имплицитных смыслов, выражающих идейно-художественное смысловое содержание романа «Вещи». Это сфера речевой коммуникации со своим стилем, принципами, языковыми средствами, которая обеспечивает многоуровневость прочтения произведения [3, с. 149]. Жорж Перек не создал идеального решения для своих героев, но и не «приговорил» их, он не знает, чем закончится эта история. Такая идейно-тематическая открытость художественного текста оставляет широкое интерпретационное поле для читателя, задача которого – «досоздать» мир Жерома и Сильвии, актуализируя имплицитные смыслы, возникшие, возможно, помимо воли и замысла автора. Жорж Перек дает слово своим читателям, поднимая их на новый концептуальный, декодирующий уровень понимания романа «Вещи», в котором нет лингвистических экспериментов, сюжетов и энциклопедических сведений. Есть инвентаризация пространства: диваны, шкафы, шторы, люстры, вазы, книги, их цветовая гамма и т. д. Есть художественная игра, выступающая в роли оригинального диалога автора с читателем: адресант протоколирует, адресат сам решает, что с этим материалом делать. Эту литературную коммуникацию можно представить в виде следующих оппозиций:

– Я автор со своей субъективной логикой наблюдателя ↔ Я читатель со своей субъективной логикой восприятия;

– Я автор, создатель механизма имплицитного воздействия на читателя ↔ Я читатель интерпретатор авторских смыслов, создатель своих «смыслов»;

– Я автор имплицитной структурной и смысловой игры с читателем ↔ Я читатель, создатель игровой тактики на основе умозаключений, «категоризаций».

Суггестивность авторского художественного текста стимулирует читателя к размышлениям, порождая определенные «ассоциативные и коннотативные значения».

Такая интертекстуальность литературного произведения Ж. Перека (intertextualité), под которой мы понимаем прежде всего коммуникативно-ироничную игру писателя с читателем, пробуждает его скрытые резервные возможности, воздействует на его чувства, эмоции, создает условия для конструирования собственного интертекста. Нужно отметить, что игра с читателем как эффективный художественный прием широко представлена в литературных шедеврах, таких как «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, поиски причины, по которой герой романа совершает убийство; «Евгений Онегин» роман-загадка А. Пушкина; «Герой нашего времени» М. Лермонтова, герой-загадка, которого читатель готов осудить, но не решается; «Война и мир» Л. Толстого, интересы, стремления героев разных поколений; и т. д. Жорж Перек представил свою игру с читателем, создавая сложные переплетения взаимоотношений через название романа «Вещи», через трансформацию героев – просто «они», затем только Жером и Сильвия без фамилии; персонификацию вещей и, конечно, новаторство в жанре, жанровое определение литературного произведения.

Игра с читателем начинается именно с названия и жанрового определения романа как истории поколения 60-х, что сразу включает читателя в контекст и подтекст художественного произведения. Эта импровизированная, имплицитная, изящная игра распадается на собственное слово писателя – художественный текст и слово читателя – интертекст [4, с. 53]. Неорганический смысловой потенциал романа «Вещи»

высвобождает творческий потенциал читателя, дает возможность разобраться в самом себе. Ключевым словом в этой игре является слово «вещи» как знак рабства, «вещизма», духовной смерти. Кульминацией становится отсутствие сюжета, завязки, развития, развязки. Но есть описание вещей, они живут, завоевывают пространство и время своим цветом (*brun, ocre, fauve, jaune, orange presque criard*), блеском (*le bois poli, la soie lourde et riche, le cristal taillé, le cuir assoupli*) [1, p. 27], количеством, их в квартире Жерома и Сильвии (187 предметов).

Задача читателя – заставить вещи замолчать, отойти на 2-й план, вернуть к жизни Жерома и Сильвию. Но возможны и другие решения заданного Переком кроссворда, на авторский эксперимент читатель отвечает своим экспериментом, своим интертекстом, своей структуральной и смысловой игрой [5, p. 52]. Герменевтическая тактика адресата базируется на актуализации возникших в его сознании аллюзий, которые определяются, прежде всего его культурно-историческим опытом, фоновыми знаниями, его интересом к мозговой игре, парадоксально-ироничным восприятием окружающей среды [6, p. 94]. Данная тактика творческого переосмысления романа Ж. Перека «Вещи» – знак множественности решения проблемы власти вещей над человеком, в частности вскрываемый читателем в своем интертексте антирекламный смысл содержательно-имплицитной информации авторского текста (не вещи сами по себе, а их количество, не герои, а отсутствие истории их взаимоотношений, условно-причинно-следственной связи: если ... то, скрытая ирония Ж. Перека). Читатель не сразу осознает осуществляемое над ним воздействие (антирекламный смысл «формулы счастья» Жерома и Сильвии), что обусловлено сокрытием истинных целей автора, о которых, возможно, он и сам не подозревает. Но постепенно используемые французским писателем-новатором вышеуказанные тактики и приемы целенаправленно воздействуют как на сознание, так и на подсознание воспринимающего информацию. Жорж Перек манипулирует, играет подачей информации, а у читателя сохраняется иллюзия самостоятельности принятых решений, конструирования ассоциативной цепочки, постижения интенционального авторского смысла произведения.

Происходят «переключки» с автором на уровне заголовка, имплицитных структурных и смысловых смыслов, их модификаций. Читателю интересно и важно строить и наращивать свои смыслы, создавать интерконтекстуальные фреймы на основе определенных категоризаций, умозаключений: категоризации-идентификации авторского текста (понять осмыслить роман Ж. Перека как игру, шараду, загадку, кроссворд); категоризаций-представлений о героях-куклах, которых за веревочки дергает журнал «Экспресс», об их квартире-мечте, этом вещевом складе, в котором так мрачно, грустно, бесперспективно т.д.; категоризации-оценки (эмоциональное отношение к автору, тексту: любопытство, удивление, желание включиться в игру, решить по своему ситуацию, созданную французским писателем, поставив себя в позицию согласия несогласия с автором).

Мыслительные образы (фреймы), сформированные в результате системы действий, применяемые реципиентом в процессе понимания романа Ж. Перека, могут, по нашему мнению, реализоваться на уровне драматического интертекста, в основе которого лежит теория «читательского отклика» [7, p. 195], драматическая составляющая которого придает особенный специфический эффект в выявлении имплицитных смыслов, обосновании антирекламного подтекста романа Ж. Перека «Вещи».

Таким образом, французский писатель Ж. Перек, создав свое оригинальное социологическое исследование современного общества потребления, бесплотных, безликих персонажей Жерома и Сильвию, пленников этого мира рекламы («*milieu de la*

publicité»), вручил это произведение читателю, сделав его главным героем, активным участником своей игры, игры равных по интеллекту и художественному вкусу. Игровая стратегия Ж. Перека расширяет систему диалогического когнитивно-прагматического взаимодействия с читателем, рождает ответное «ироническое прочтение» романа «Вещи», которое позволит в полной мере понять, оценить художественное произведение и, главное, расшифровать ходы автора. И такое взаимодействие на герменевтическом, эвристическом и психологическом уровнях – это попытка переосмысления авторского текста с целью извлечения нового смысла, это поиск и познание самого себя. Читатель готов поиграть: рассмотреть, присмотреться, попробовать понять, почувствовать и вскрыть имплицитные смыслы романа Ж. Перека «Вещи»: вещи становятся аллюзией на духовную опустошенность поколения 60-х гг. и современного общества. Герои Ж. Перека проиграли, став частью бездушного рекламного мира, Парижа-искусителя. Но читатели романа «Вещи» выиграли, научившись через эмоциональную игру с автором произведения воздействовать на свое духовное пространство, свою систему ценностей, взглядов, личностных ориентиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Perec G. Les choses. Une histoire des années soixante / Georges Perec. – М. : Прогресс, 1979. – 142 p.
2. Camproux Ch. La langue et le style des Choses de Georges Perec / Charles Camproux // Les Lettres Françaises. – 1966. – № 1123. – P. 10–15.
3. Воробьева С. В. Логика и коммуникация: пособие / С. В. Воробьева. – Минск : БГУ, 2010. – 327 с.
4. Ермакова Е. В. Восприятие имплицитности в художественном тексте / Ермакова Елена Валентиновна // Известия Саратовского университета. – 2009. – С. 52–55.
5. Hirvela A. Reader-response theory and ELT / A. Hirvela // ELT Journal. – 1996. – V. 50/2. – P. 50–55.
6. Iser W. The Implied Reader / W. Iser. – Baltimore, 1974. – 178 p.
7. Elliot R. Encouraging reader-response to literature in ESL situations / R. Elliot // ELT Journal. – 1990. – V. 44/3. – P. 191–198.

Поступила в редакцию 05.09.2018 г.

INDIVIDUALLY-AUTHOR'S MODEL OF GENERATION OF IMPLICIT MEANING IN THE NOVEL BY G. PEREK «THINGS»

A. Y. Byelykh, T. N. Globa

The article is devoted to the nature of the linguocognitive mechanism of formation of the implication in the novel by G. Perek "Things". The author's features of creation of this mechanism are analyzed, the role of intercontextuality of a literary text as a dialogic interaction between the author and the reader is studied, based on the actualization of implicit meanings in the new corresponding intertext.

Key words: linguocognitive mechanism, implicit meanings, intercontextuality, game interaction, intertext.

Глоба Татьяна Николаевна.

Кандидат педагогических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры романской филологии.

E-mail: tat-globa@yandex.ru

Globa Tatyana Nikolayevna.

Candidate of Pedagogical Sciences.

SEI HPE «Donetsk National University».

Associate Professor of Romance Philology Department.

E-mail: tat-globa@yandex.ru

Белых Алла Яковлевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Старший преподаватель кафедры романской филологии.

E-mail: kafedra.romanskih@mail.ru

Byelykh Alla Yakovlevna.

SEI HPE «Donetsk National University».

Senior Lecturer of Romance Philology Department.

E-mail: kafedra.romanskih@mail.ru

УДК 81'373 : 811.161.1

НОВОСТНОЙ ТЕКСТ: ПРИЗНАКИ, СТРУКТУРА, ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕССЫ ДОНБАССА)

© 2018. А.Н. Осипова

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»

В статье анализируется новостной текст как специфическая жанровая разновидность современной прессы. В частности, рассмотрены признаки новостного текста, его структура и лексико-грамматические особенности. Отдельное внимание уделено понятию новостной ценности. Все теоретические положения проиллюстрированы примерами из периодических изданий Донбасса.

Ключевые слова: новостной текст, новостная ценность, признаки новостного текста, лексико-грамматические особенности новостного текста.

На сегодняшний день изучение медиатекста (его структурных, функциональных, прагматических и др. аспектов) является актуальным и чрезвычайно важным направлением лингвистических исследований, поскольку в нынешний век стремительного развития медиаиндустрии постоянно появляются новые и видоизменяются существующие публицистические жанры. Современное языкознание, безусловно, не может не принимать во внимание эти процессы; более того, в последнее время фиксируем оформление отдельного направления лингвистических исследований – медиалингвистики (труды А. Белла, Т.Г. Добросклонской, В.Г. Костомарова и др.).

Медиатексты сегодня весьма разнообразны как по форме, так и по содержанию [6]. Вместе с тем, на наш взгляд, следует говорить о некоторых базовых текстах средств массовой информации (СМИ), среди которых выделяются новостные тексты. Изучение их структурных и собственно языковых особенностей является целью предложенной статьи.

Тексты новостей считаем базовыми в области масс-медиа с опорой на следующие их признаки:

- наиболее полная реализация информативной функции через сообщение фактов;
- следование определённому формату (схеме расположения компонентов текста) независимо от вида СМИ;
- приоритет тем (топиков), регулярно освещаемых в СМИ, таких как экономика, политика, образование, спорт, культура;
- наличие устойчивых лексико-грамматических признаков, общих для всех новостных текстов (клишированные словосочетания, фразы-скрепы, ссылки на источники информации, фразы подводки к новостям и под.);
- исключительная роль в формировании национального культурно-идеологического контекста определённого коллектива через толкование не только предоставляемой информации, но и оценку той или иной системы ориентиров [3];
- усиление значимости текстов новостей в общем потоке массовой информации благодаря их частой воспроизводимости (сообщение о каком-то событии распространяется одновременно по нескольким каналам в самых разнообразных вариантах).

Считаем заслуживающим доверия подход Г.В. Лазутиной и С.С. Распоповой, которые подчёркивают, что «в соответствии с логикой предметно-функционального подхода ... новость есть особый феномен действительности», описывающий «то, что возникло, произошло, то, чего не было, а теперь есть, – результат изменений, случившихся в жизни» [4, с. 85]. Новость может быть представлена в различных формах, основными из которых можно считать событие (действие, происшествие, мероприятие) и подведение итогов какой-то деятельности (доклад, презентацию и под.). Общим при этом является установление того, что в объективной действительности произошло событие, меняющее ранее сложившееся положение дел.

Новостной текст, будучи сложным в структурном и содержательном аспектах произведением, не является простым набором фактов. Его следует рассматривать как «продукт, системно разработанный организационными структурами в результате применения профессиональных, компетентных умений и навыков» [2, с. 164]. При создании новостных текстов обязательно учитывается целый комплекс факторов, таких как цель, характер аудитории, канал передачи, возможности обратной связи и др. [7]. В результате этого процесса реципиент получает вторичную (переработанную) информацию.

Значение новостных материалов в современном информационно насыщенном мире огромно, поскольку именно они формируют информационное пространство и активно влияют на его развитие.

Для характеристики содержательной составляющей новостных текстов учёные в области масс-медиа и PR нередко используют понятие новостной ценности. Если задать себе вопрос, какое количество событий, происходящих ежедневно в той или иной стране и мире в целом, освещаются СМИ, то ответ будет очевиден – очень незначительное. Журналисты уделяют внимание лишь тем событиям, которые обладают новостной ценностью. Последняя детерминируется целым рядом факторов, а именно:

- актуальностью (новости должны быть максимально свежими, поскольку реципиентам новостного текста интересны сообщения о самых последних событиях);
- пространственной и/или психологической близостью к получателю информации (новости о событиях, происходящих в близости от адресата – в его государстве, регионе, городе и т.д., более ценны, чем те, которые освещают события, происходящие далеко от знакомой территории);
- масштабностью (в новостях, как правило, рассказывают об известных людях: главах государств, крупных политиках и бизнесменах, выдающихся артистах и спортсменах – или крупных катастрофах, конфликтах и под.);
- значимостью возможных последствий для массовой аудитории (новости предпочитают события, непосредственно влияющие на жизнь адресатов информации, например, инфляцию, рост или снижение цен, повышение налогов, погодные аномалии и под.);
- эмоциональностью (новости нередко представляют собой сообщения, вызывающие у адресата широкий спектр эмоций: сочувствие, восхищение, умиление, жалость, и т. д.) [1].

Новостные тексты прессы Донбасса в полной мере, на наш взгляд, обладают новостной ценностью, о чём свидетельствуют их заголовки. В подтверждение этого утверждения проанализируем новостную ценность некоторых материалов газеты «Донецк вечерний»:

- заметка «Глава ДНР поздравил горняков ГП «Торезантрацит» с миллионной тонной угля» (20.06.2018) характеризуется актуальностью, пространственной и

психологической близостью к получателю информации, масштабностью, эмоциональностью, значимостью возможных последствий для массовой аудитории;

- статье «От Москвы до самых глубин» (16.05.2018) свойственна актуальность, пространственная и психологическая близость к получателю информации, значимость возможных последствий для массовой аудитории, эмоциональность;

- заметке «Лесной ресурс Республики будет восстановлен» (25.04.2018) присущи такие свойства, как актуальность, пространственная и психологическая близость к получателю информации, масштабность, эмоциональность, значимость возможных последствий для массовой аудитории и т. п.

Считаем целесообразным, следом за А.А. Шумовичем, рассматривать новости как специфический информационный жанр прессы, что подтверждается наличием следующих составляющих (по В.Б. Шкловскому): предмет (последние события, отобранные в соответствии с новостной ценностью), функция (акцентирование внимания широкой общественности на определённых аспектах реальной действительности), метод (лаконичное изложение сути происшествия).

Структура новостного сообщения универсальна. Она охватывает шесть основных обязательных и/или факультативных категорий тематической организации текста [5, с. 175]:

- краткое содержание (заголовки и подводку),
- главное событие,
- фон,
- контекст,
- историю,
- комментарии (оценку и перспективы).

Лексико-грамматические особенности новостного текста, несмотря на некоторые различия в зависимости от вида СМИ в аспекте канала (телевидение, радио, пресса, Интернет) и формата, во многом определяются традицией, сформированной именно печатными изданиями. Кроме того, эти особенности отражают такие качества новостного текста, как информативность, динамичность, стремление к объективности изложения информации. Целесообразно говорить о семи основных лексико-грамматических признаках новостного текста:

1. Широкое употребление лексики с общественно-политической семантикой: *Как отметил глава администрации Киевского района Валентин Левченко, в прошлом году одним из основных направлений деятельности районных властей оставалось восстановление разрушенного жилья* (Донецк вечерний. – 28.03.2018); *В городе Турине 14 декабря состоится открытие представительства ДНР. На церемонию пригласили депутатов от различных партий парламента Италии* (Макеевский рабочий. – 13.12.2016); *Исполняющий обязанности министра транспорта ДНР Игорь Андриенко посетил с официальным визитом Республику Южная Осетия во время празднования 27-летия провозглашения государства* (Голос Республики. – 27.09.2017) и т. п.

2. Значительная клишированность речи, то есть наличие регулярно воспроизводимых сочетаний слов: *В свою очередь Игорь Андриенко заверил, что в Донецке приветствуют сложившиеся отношения между главами двух Республик и нацелены на совместную работу по всем направлениям* (Голос Республики. – 27.09.2017); *В ходе обсуждения этой темы заместитель главы администрации Амвросиевского района Лариса Кузьо предложила составить коллективное обращение*

руководителей сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств в соответствующие министерства для рассмотрения вопроса о введении режима ЧС (Новый луч. – 04.07.2018); и др. По мнению Т. Г. Добросклонской, новостной текст является «одним из самых предсказуемых в плане использования языковых средств типом медиа-текстов» [1], поскольку состоит из устойчивых текстообразующих компонентов, которые регулярно повторяются в однотипных текстах.

3. Использование фразеологических единиц различных видов (как собственно идиоматических, так и сочетаний слов с низкой степенью семантической спаянности компонентов): *Вторая жизнь шахтоуправления* (Голос Республики. – 17.09.2017); *В преддверии жаркой поры* для аграриев нашего района состоялась встреча главы администрации Амвросиевского района Николая Тарасенко с представителями сельскохозяйственного сектора (Новый луч. – 04.07.2018); *Торжества начались с праздничного шествия по улице Артема, в котором приняли участие около десяти тысяч человек* (Донецк вечерний. – 11.04.2018) и т. д.

4. Употребление значительного количества сложных и сложносокращённых слов: *Также напоминаем, что сохраняется вероятность проявления диверсионно-разведывательной деятельности и совершения терактов на территории района* (Новый луч. – 07.04.2018); *ДФС приостановила свою работу из-за обстрела* (Макеевский рабочий. – 22.05.2017); *Об этом в эксклюзивном комментарии пресс-службе парламента рассказал заместитель председателя Комитета Владислав Бердичевский* (Голос Республики. – 01.10.2017) и др.

5. Больше, в сравнении с другими видами медийных текстов, количество глагольных словосочетаний (увеличение удельного веса глагольной синтагматики): *Со дня образования Министерства и по сегодняшний день подразделениями МЧС ликвидировано 18 тысяч 876 пожаров, в том числе – 780 пожаров вследствие попадания взрывоопасных предметов в период ведения активных боевых действий на территории Республики* (Голос Республики. – 01.10.2017); *Мероприятие с участием спортсменов с подконтрольных Киеву территорий Донбасса (Гуманитарная программа по воссоединению народа нашего края в действии) получилось ярким и запоминающимся, а победители и призеры разделили между собой солидный призовой фонд в 800 тысяч рублей* (Донецк вечерний. – 28.03.2018); *Медики Волновахского района Донецкой области сообщили о поступившем к ним 11-летнем мальчике, которого ударило током* (Макеевский рабочий. – 22.05.2017) и под. Эта особенность новостных текстов объясняется их основным содержанием – представлением событий, произошедших в действительности. Поскольку именно глагол является носителем предикации (выражает связь высказываемого с действительностью), глагольные словосочетания в новостных текстах занимают более заметное место, чем в медийных материалах, направленных на оценку или описание.

6. Широкое употребление пассивных глагольных форм и безличных конструкций: *Так, 3 января с 8:00 до 17:00 будет отключено энергоснабжение практически во всем Никитовском районе* (Макеевский рабочий. – 27.12.2016); *Хочется отметить, что данное спортивное мероприятие посетили руководители профильной федерации и министерства, а также представители городских и районных властей* (Донецк вечерний. – 18.04.2018); *По направлениям онкологии в целом медпомощь оказана 80 пациентам* (Голос Республики. – 01.10.2017); *В этом году ранние зерновые посеяны на площади 12 251 га, что на 30 % выше, чем в прошлом* (Новый луч. – 07.04.2018) и др. Пассивизация новостного текста связана, на наш взгляд, со стремлением к максимально объективной подаче информации.

7. Последовательное употребление текстообразующих компонентов, оформляющих ссылки на источники информации (характерные вводные сочетания слов, прямая и косвенная речь): *По мнению руководителей сельхозпредприятий, ситуация крайне неблагоприятная* (Новый луч. – 04.07.2018); *Он [Кучма] заметил, что по желанию одного Киева невозможно существующий ныне формат подвергнуть изменениям* (Макеевский рабочий. – 13.12.2016); *«Я повидал много шахт, горизонтов и забоев, и хочу сказать, что горняки шахтоуправления молодцы, отлично подготовились, горизонт готов к эксплуатации, к продуктивному труду. Можно приходить на предприятие и зарабатывать для своих родных и близких», – рассказал о своих впечатлениях член госкомиссии, генеральный директор ГП «Макеевуголь» Тарас Сидоренко* (Голос Республики. – 17.09.2017) и под. Наличие в новостных текстах подобных компонентов свидетельствует об их многослойности. «Сама словесная ткань новостей, – замечает Т. Г. Добросклонская, – представляет собой последовательное соединение отдельных текстовых сегментов слов ведущего (в данной случае автора – А.О.), репортажей корреспондентов, высказываний интервьюируемых» [1]. Кроме того, употребление компонентов, указывающих на источник информации, обусловлено также стремлением к нейтральному и максимально объективному изложению информации. Доверие читателей к сообщениям, содержащим цитаты и ссылки на многочисленные источники, увеличивается в разы.

Таким образом, новостной текст представляет собой уникальное с точки зрения структуры и наполнения произведение. Современная пресса Донбасса продуцирует огромное количество текстов этого жанра. Они актуальны и востребованы читателями. Более того, динамика событий в регионе высока, что создаёт предпосылки для обновления новостей ежедневно. В связи с такой ситуацией новостной текст как жанровая разновидность печатной журналистики Донбасса постоянно развивается и определяет весьма перспективное направление научных исследований.

СПИСК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т.Г. Добросклонская. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 264 с.
2. Измаилян Д.Б. Особенности производства новостных текстов массовой информации / Д.Б. Измаилян // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурные коммуникации. – 2011. – № 2. – С. 163–169. В этой связи закономерен спор о том, насколько значимо для новостного текста следующее ограничение – «доведение информации до адресата о том или ином вопросе, событии, без особого углубления в его суть» (Темникова Л.Б., Вандышева А.В. Жанровые системы в современном медиа- и интернет-пространстве // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С.97-100. С.98. См. также: Олейников С.В. Коммуникативные стратегии СМИ Приднестровья: от патернализма к паритету // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С.118-122).
3. Кочаровская Е.В. Новостные тексты испанских СМИ в национально-культурном аспекте / Е.В. Кочаровская, Э.А. Вишнякова // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: [материалы междунар. науч. конф. студентов и молодых учёных / под общ. ред. С.В. Беспаловой]. – Донецк: ДонНУ, 2017. – С. 164–166.
4. Лазутина Г.В. Новостная журналистика в свете предметно-функционального подхода к дифференциации жанров / Г.В. Лазутина, С.С. Распопова // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. – 2008. – № 5. – С. 82–98.
5. Мельникова Е.А. Тематизация информационного сообщения в новостном тексте / Е. А. Мельникова // Языковой дискурс в социальной практике: [сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.А. Комина]. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2015. – С. 173–177.
6. Перепеченов А.В. От текста-источника к новостному тексту: стратегии обработки информации (на материале французской прессы) / А.В. Перепеченов // Романистика в эпоху

полилингвизма : [материалы междунаrod. науч.-практ. конф.]. – М. : Московский гос. лингв. ун-т, 2017. – С. 410–417.

7. Шумович А.А. Новостной текст в системе публицистических жанров / А.А. Шумович // Достижения вузовской науки. – 2014. – №. 13. – С. 27–30.

Поступила в редакцию 23.07.2018 г.

NEWS TEXT: CHARACTERISTIC FEATURES, STRUCTURE, LEXICAL AND GRAMMATICAL PECULIARITIES (ON THE MATERIAL OF THE PERIODICALS OF DONBASS)

A.N. Osipova

The article analyzes the news text as a specific genre of modern press. Characteristic features of the news text, its structure and lexical, and grammatical features are considered. A special attention is paid to the notion of news value. The theoretical assumptions are illustrated by the examples from the periodicals of Donbass.

Key words: news text, news value, characteristic features of a news text, lexical and grammatical features of a news text.

Осипова Анна Николаевна.

Кандидат наук по государственному управлению.
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».

Доцент кафедры краеведения.

E-mail: osipova.anna.52@mail.ru.

Osipova Anna Nikolaevna.

Candidate of Science in Public Administration.

Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic.

Assistant Professor of Local History Department.

E-mail: osipova.anna.52@mail.ru.

УДК 811.161. 1*27(470.325)

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДОНБАССА

© 2018. *Н.П. Курмакаева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена экспликации и анализу словесного и смыслового потенциала, которым обладают компоненты региональной языковой картины мира, сформировавшейся в сознании жителя Донбасса как региональной языковой личности (РЯЛ). Одновременно уточняются базовые понятия и термины, в частности «донецкий региолект». Выявляются ценностные категории. Вскрывается непосредственная зависимость по линии: РЯЛ Донбасса – донецкий региолект – донбасская ментальность.

Ключевые слова: вербально-семантический потенциал, донецкий региолект, ментальность, региональная языковая картины мира, региональная языковая личность Донбасса, ценностные категории.

С развитием лингвистического учения в русле антропоцентрической парадигмы проблема языковой личности заняла в нем одно из приоритетных мест. В настоящее время лингвистика переживает период активного осмысления роли в языке не столько «человека говорящего вообще», сколько реального, конкретного индивида с его лингвокультурным потенциалом и собственным мировосприятием (см., например, работы Э.В. Акаевой, М.С. Бакановой, С.П. Лопушанской, Е.Г. Малышевой, Н.Г. Мартыненко, Н.Н. Меньковой, Е.А. Оглезневой, Т.В. Романовой, Л.А. Шкатовой и мн. др.).

Одновременно складывается всё более чёткое понимание того, что знания о русском национальном языке не могут считаться полными без учёта его региональных разновидностей – региолектов. Для этого должны были возникнуть объективные предпосылки и они появились: наступило время переосмысления взаимоотношений между «метрополией и регионами» [16], переоценки роли региональной науки, региональной культуры, региональной личности в поликультурном пространстве страны [11; 17]; в учебные программы введены курсы по изучению культуры регионов, в их числе лингворегионоведение – раздел науки о языке, целью которого является изучение языковой ситуации конкретного региона, «отмеченного лингвокультурной спецификой» [10, с. 3]; получает развитие «регионимика» как одно из частных направлений лингворегионоведения [1]; в научном сообществе ведется активный поиск соответствующего термина для наименования феномена языка региона (ученые из Донецка намерены отстаивать уже заявивший о себе термин «региолект» по аналогии с диалектом и социолектом, см., например, [3, а также: 11, с. 36–42 и далее; 13, с. 558–559]). Не сложилось и единого мнения об объеме и границах данного явления.

На наш взгляд, необходимо согласиться с Т.А. Голиковой в том, что «региональный язык ни в коем случае не сводим к совокупности регионализмов, под которыми обычно понимаются слова различных сфер функционирования, зафиксированных только в памятниках отдельных территорий», а также слова, демонстрирующие «нерегулярные отклонения, противопоставляющие обиходно-разговорную речь разных регионов государства». Его даже нельзя, по мнению ученого, сводить «к совокупности этнотекстов данного этноса».

«Региональный язык – это система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе» [2, с. 81].

Думается, что правильнее и точнее под региолектом понимать языковую ситуацию, сложившуюся в определенном регионе и включающую целую систему вербально-смысловых особенностей (фонетических, орфоэпических, лексических, фразеологических, грамматических), социокультурных речевых символов и вербальных когнитивно-прагматических маркеров. Внутренне система эта сложна и многослойна. В ней можно выделить регионализмы (общеупотребительные слова и выражения с региональной актуализацией), регионимы (онимная лексика регионального значения) с разновидностью региоурбанонимов (народных наименований внутригородских топографических объектов), региолектизмы (пласт региональных слов, эквивалентных диалектизмам и городскому просторечию в общенациональном языке, со спецификой фонетико-морфологического и стилистического порядка), региожаргонизмы (местные жаргонные слова), региопроефессионализмы (разговорно-профессиональные слова и выражения; в Донбассе, например, они сложились в результате процесса, когда речевая маркированность шахтеров и металлургов «вырывается» за пределы профессиональной среды и становится принадлежностью более широкого социума).

Исходя из произведенного анализа собранного эмпирического материала (слова, тексты, данные анкетирования), мы пришли к убеждению, что региональная языковая личность – это не когнитивная метафора, а вполне сложившийся феномен со своим ментально-лингвальным комплексом, языковым поведением, ассоциативным пространством, со своим мировидением (языковой картиной мира), орудием мышления которой является живая разговорная речь – региолект. Об этом свидетельствует теперь уже достаточно солидное количество исследований, например, работы М.В. Власковой, С.В. Гановой, А.С. Герда, Т.А. Голиковой, Е.А. Оглезневой, И.И. Просвиркиной, В.И. Теркулова и др. лингвистов.

В одной из своих первых работ по данной проблеме мы отметили: «Региональная личность в ее современном понимании – это не серый, безликий провинциал с узким кругозором и скудным запасом не вполне литературных слов (хотя и таких значительное количество). В истории цивилизованного мира ее представители неоднократно поднимались на большие высоты, не забывая о своем происхождении. <...> А если помнить, что величие твоей родины “определяется величием поступков ее представителей и могуществом духа всего народа” [9, с. 107] в самые ответственные моменты ее истории, то региональная личность наполняется особым содержанием, приобретает отнюдь не периферийную значимость. И тут на память приходят имена знаменитых шахтеров Н.А. Изотова, А.Г. Стаханова, И.И. Стрельченко, машиниста П.Ф. Кривоноса, трактористки П.Н. Ангелиной, педагога-новатора В.Ф. Шаталова, звезды мирового балета В.Я. Писарева – список бесконечен, как бесконечна самоотверженность носителей этих фамилий. Неоценим их вклад в развитие того дела, которому он посвятили и отдали свою жизнь, прославляя своим героическим трудом и талантом в том числе и донецкую землю» [6, с. 9–10].

Вот почему появилась необходимость дополнить структуру национальной русской языковой личности, о которой начали говорить еще в конце XIX века И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня и др., «регионоведческой компонентой» [15, с. 81–82] и активизировать работу по ее изучению и осмыслению. Выдвинутые В.К. Харченко аргументы в пользу объективации и наполнения содержанием понятия «региональная языковая личность» (далее – РЯЛ) представляются убедительными и

актуальными в современном сообществе, давно и упорно ищущем национальную идею. Эта мысль находит отклик и поддержку на всем русскоязычном пространстве. Так, ученые с Северного Кавказа справедливо отмечают: «В каждом региональном социуме исторически складывается определенная мировоззренческая традиция, формирующая местный ракурс картины мира» [1, с. 12]. Сформулированный уже в XX в. термин «региональная языковая личность» предельно точно отражает суть его носителя, творца. В упомянутой выше публикации мы предложили «образ региональной языковой личности дополнить некоторыми важными, на наш взгляд, компонентами»: текстоцентризм и персонизм регионоведческого плана, историко-географическая осведомленность в пределах малой родины, лексико-фразеологическая и грамматико-стилистическая маркированность речи и/или компетентность в ее нюансах» [6].

Языковая способность и речевая деятельность РЯЛ, как правило, демонстрирует специфический способ отражения действительности, который проявляется в избирательной вербализации ценных для социального опыта данного языкового коллектива значений и смыслов на фоне тотальной вербализации общенационального ментально-лингвального опыта.

В этом отношении Донбасс – уникальное региональное пространство, а его житель – образец неподражаемой региональной личности: это сплав русской культуры с восточно- и центральноукраинской, а также с греческой и татарской, русского языка с украинским, русских диалектов с украинскими, городского просторечия с общим жаргоном, шахтерских профессионализмов с современным молодежным сленгом. Исконные и привнесенные культурно-языковые традиции в своем позднем смешении сформировали тот особый духовный потенциал, который можно назвать интернациональной поликультурой. Особенно выразительно это эксплицируется в языковой картине мира РЯЛ Донбасса. Вот как во время Великой Отечественной войны наш земляк, известный русский писатель Борис Горбатов в своих знаменитых «Письмах к товарищу» доверительно и страстно признавался в любви к Донбассу, своей малой родине: «Родина! Большое слово... Но для каждого человека Родина начинается в том селении и в той *хате*, где он родился. Для нас с тобой — за Днестром, на *руднике*, в Донбассе. Там наши *хаты*, под седым *очеретом* — и твоя, и моя. Там прошумела наша веселая юность — и моя, и твоя. Там степь бескрайна, и небо сурово, и нет на земле парней лучше, чем донбасские парни, и заката красивей, чем закат над *копром*, и запаха роднее, чем горький, до сладости горький запах угля и дыма. Там мы родились под дымным небом, под *глеевой* горой; там до сих пор звенит серебряной листвою тополь, под которым ты целовал свою первую девушку; там мы плескались с тобой, товарищ, в мелком *рудничном ставке*, и никто меня не уверит, что в море купаться лучше. Но и спорить об этом не буду ни с одесситом, ни с севастопольцем. Каждому — свое» [7, с. 96].

Как известно, человеческие способности, в том числе и речевые, формируются в процессе социализации и инкультурации индивида; «в процессе социализации осуществляется трансляция культуры, и именно трансляция культуры представляет собой “содержание” процесса социализации» [5, с. 44]. Человек рождается и воспитывается в семье, которая уже имеет сложившиеся традиции — культурные, поведенческие, языковые, переданные ей предшествующими поколениями, и ребенок их впитывает. В детстве складываются основные представления об окружающем мире и вербализуются на уровне примитивной наивной языковой картины мира, которая может содержать весьма своеобразные приметы регионального дискурса. Приведем пример из подслушанного разговора взрослого с 6-летним ребенком (Донецк): — *Вырастешь – шахтером станешь?* – *Нет, у меня дедусь шахтер, а баба Галя говорит:*

хватит нам одного слуги Шубина. – Не понял, какого Шубина? – Ну ты что, не знаешь, кто хозяин шахты?

Диалог можно считать показательным в плане дискурсивной реализации стойкого народного (шахтерского) поверья о том, что в шахте живет горный дух, хозяин шахты, Шубин, незримо присутствующий во время работ и якобы нередко помогающий шахтерам избежать трагедий либо, наоборот, жестоко наказывающий за пренебрежение к нему. Потому фразу *задобрить Шубина* в значении 'оставить часть шахтерского «тормозка» в шахтных выработках для горного духа', прозванного Шубиным, в существование и помощь которого до сих пор верят шахтёры, понимают в Донбассе даже дети. В шахтерских семьях легенды о «добром Шубине» усваиваются с малых лет и, соответственно, включаются в коммуникативный бытовой дискурс. Тем самым индивид получает доступ к конвенциональной, выработанной данной культурной традицией региональной картине мира, т.е. овладевает системой концептов и стереотипов окружающей ближайшей к нему реальности.

О том, как эти стереотипы работают в дальнейшем, ответ нередко находится в региональной поэзии. Так, у Игоря Лысого читаем:

*Мы каждый день уходим в бой
Под землю в угольную лаву.
Плечом к плечу плотнее строй,
Нам жизнь дана не для забавы.
Святой Варварой живы мы,
Покуда есть о ком молиться.
И Шубин нам споёт из тьмы,
И флягу даст воды напиться [с. 185].*

В тексте упоминается еще и святая великомученица Варвара, заступница шахтёров, также занимающая заметное место в пантеоне символов РЯЛ Донбасса. В шахтерском сообществе считается, что она оберегает их от внезапной и насильственной смерти.

Таким образом, особенность определенных единиц региолекта (лексем-символов) заключается в том, что они хранят смыслы и образы вещей, явлений, признаков, действий, имен в специфической внутренней форме слов и выражений, до конца понятных только жителям определенного региона (возможно, некоторых, но не всех регионов). Донецкий региолект уникален тем, что являет собой во многом символический код мышления его носителей, детерминированного отличными от других регионов условиями жизни, способом бытия и, соответственно, по-своему выражаемым отношением к окружающей действительности. Так, вряд ли где-то, кроме Донбасса, можно услышать выражение *судьба коногона*, потому что оно применимо к ситуации гибели шахтёра во время подземных работ. Во многих населённых пунктах Донбасса и в самом Донецке до сих пор, как символы прошлой убогой дореволюционной жизни, сохранились говорящие названия старых посёлков: *Соловки, Нахаловка, Собачёвка, Кабыздоховка, Шанхай*. В этих словесных образах не только заключен специфический способ видения окружающего мира, но и отразились умонастроения, оценочно-критическое восприятие и соответствующее отношение к действительности. Региональная ментальность – это ощущение мира вокруг тебя, в твоём ближайшем социуме. В подобных названиях оно отражает малопривлекательность той действительности. Но мир вокруг менялся, регион вместе со страной пересматривал приоритеты, ментальность тоже подвергалась трансформации. На примере регионального урбанонимного корпуса г. Донецка можно увидеть, что в нем закрепляются названия, связанные либо с историческими лицами и

деятелями региона (*Боссе, Засядько, Ларинка, Петровка, Смолянка*), либо с географическими и прочими особенностями местности (*Ветка, Запореваляная, Застанционный, Текстиль, Трудовские, Яма*), либо включают фантазийный компонент (*Солнечный, Широкий, Голубой, Мирный, Раздольный*).

В монографии «Донецкий региолект» мы обратили внимание на одно слово-стимул, символизирующее в целом Донбасс и являющееся своеобразным ядром в лексиконе донецкого региолекта – это лексема-регионализм *террикон*: «Находясь в этом регионе, вы услышите: *жить под терриконом / у террикона / между терриконами; подняться на террикон / спуститься с террикона / проезжать мимо террикона / свалиться с террикона; несет (пыль) с террикона / наносит (в огород) ливнями породу с террикона* и т. п. На какую-нибудь нелепость русский из метрополии скажет: «*Ты что, с луны / с дуба упал?*», а житель глубинки Донбасса наверняка произнесет: «*Ты что, с террикона свалился?*». Выражение «*с террикона не увидеть*» обозначает почти то же, что «*слона-то я и не приметил*»; а в некоторых шахтерских поселках глагол *похоронить* заменяется на выражение *отнести за террикон* (когда террикон разделяет поселок и кладбище, вырос на пути к кладбищу)» [3, с. 119–120].

Не обходят ставший маркером пейзажного своеобразия нашего региона *террикон* и местные поэты. Например, Виктор Шутов:

*Мой шар земной – плане та малая,
Отцовский край – родной Донбасс
С его делами небывалыми,
С его житьем не на показ.
В ладу с вселенскими законами,
Не нарушая ход планет,
Мой край, вздымаясь **терриконами**,
Берет из недр тепло и свет;*

или Валерий Герланец:

*Племён степных здесь раздавался глас,
Коней в аллюр пускавших по приволью.
Спустя века обрёл ты новый вид:
Повсюду домны, трубы, **терриконы**.*

или Анна Ревякина:

*Это поле – ржавчина старых битв.
Что посеет ветер степей разъятых?
Террикон лежит, словно мертвый кит,
Облака плывут, облака из ваты.*

Достаточно своеобразная картина мира оказалась сформированной в процессе отличной от других регионов социализации и инкультурации РЯЛ Донбасса. Она не просто несет на себе национально-культурный отпечаток «в виде наиболее общих представлений о мире» [14, с. 72], она – отражение особой модели регионального мышления, особого языкового сознания; отражение в зеркале языка жизни определенного русскоговорящего региона с промышленной доминантой. А еще она манифестируется колоритной речевой тропеичностью:

*Антрацитный, коксовый, чугунный
Край ты мой, звенящий на заре!
Золотое колесо фортуны
Крутится на стареньком копре... (В. Калиниченко)*

Различия в образах мира и в концептуализации реалий действительности у людей, живущих в России и в Донбассе, бывают значительными из-за несовпадающих в некоторых случаях (принципиальных для РЯЛ) моделей мышления. Промышленной основой Донбасса всегда были угольная и металлургическая отрасли, большая часть населения трудилась именно там. Соответственно, и сознание, и языковое мышление, и речевой дискурс, и языковая картина мира РЯЛ «заточены» на специфическое восприятие слов и выражений типа *балда, брошенная выработка, закоперщик, клеть, копер, лава, ламповая, подземный (рабочий), порода, прорубать ствол, прокат, работать на горизонте, разрабатывать пласт, тормозной, шахтерка* и многие др., которые демонстрируют дискурсивную вариативность в национальном русском языке и донецком региолекте. В последнем они представляют массив шахтерских профессионализмов, в большинстве своем вышедших за пределы узкой речевой специализации. Любопытно, что многие из них маркируют поэтический идиостиль РЯЛ Донбасса, где вербализуется концептуальная картина шахтерского мира через поэтическую метафору, как, например, это отражено в стихотворении В. Демидова «Шахтеры»:

*Сдается нам земная твердь.
Мы рубим в недрах уголь пламенный.
Нас каждый день уносит клеть
Из века атомного в каменный.
Пути шахтера не просты.
Мы пробиваем лавы длинные
И поднимаем не пласты,
а солнца залежи целинные.
И поминутно у копра
По рельсам гулким и обкатанным
Оно выходит на-гора
Из века каменного в атомный.*

Абсолютно справедливы слова В.В. Колесова о том, что «каждое слово пахнет профессией». Донецкий региолект даёт тому подтверждение. Когда *рубать уголёк* стало повседневным образом жизни человека в Донбассе (*Уголь рубаем, а хлеба не знаем*), глагол интенсивного действия *рубать* (местный вариант общеупотребительного *рубить*) и его производные активизировались в речи жителей региона, всё более расширяя семантическую структуру: *рубать капусту на зиму* (заготавливать); *нарубай колбаски к обеду* (нарежь); *нарубался* (имеет два значения: 1) наработался; 2) наелся); *подрубывать со стола* (доедать за кем-либо); *врубливаешься в проблему* (понимаешь; включаешься). С одной стороны, в корне *руб-* совместно с суффиксом *-а-* (*-ыва-* / *-ива-*) резче проявляется сема интенсивности, напряженности производимых действий, требующих определенных усилий, больше экспрессии, чем в нейтральном варианте, а с другой стороны, в условиях современного расширенного применения в бытовой сфере эти словоформы приобретают шутиливую экспрессивно-оценочную коннотацию. Изучая региолект, убеждаешься: роль языка в процессе формирования ментальности существенна.

Отношение к труду, к человеку по его труду закреплено в таких антонимических парах, как *жилиться* (напрягаться) – *бить байдыки* (то же, что *бить баклуши*); *бокопор* (то же, что *бракодел*) – *выгудзёльщик* (тот, кто делает что-либо тщательно); *постряпушливая* – *лодарька* (обычно о замужних женщинах). Имеет место явление энантиосемии: *забутить* (и производное *забутка*) – в общеупотребительном: ‘забить камнями’; ‘залить бутовым раствором’; ‘заливка’; в языке шахтёров это обозначает

‘выгрести вручную, вычистить уголь из труднодоступных мест с крутым откосом’; квазиэнантиосемии: *проходчик* – ‘рабочий, производящий проходку в шахте’; в региолекте: ‘бомж’. Это свидетельствует, что труд для жителя Донбасса стал мерилом всего: *Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь; В шахте, ребятаки, не играют в прятки.*

«У русского человека, – пишет В.В. Колесов, – в центре внимания находится не факт или идея, а конкретное дело, воплощенное в слове [4, с. 58]. В донецком региолекте это находит подтверждение в большом количестве слов, имеющих явно производственную основу: *врубаться*: 1) проф.: сделать вруб; 2) включаться; 3) понимать; *забуриться*: 1) проф.: углубиться в породу, сверля ее буром; 2) погрузиться в работу; 3) заблудиться, попасть не туда; 4) погрузиться в веселье; *замахаться*: 1) проф.: устать, махая всю смену киркой (кайлом); 2) устать от любой работы или суеты; утомиться и мн. др.

РЯЛ – хранитель и носитель языковой памяти поколений, создававших экономическую мощь и уникальную культуру региона. Одна из деталей языкового воплощения особого отношения жителя Донбасса к плоду его и его предков непосильного, тяжелейшего труда – это слово *уголёк*. В устах угледобытчика это не то же самое, что в лексиконе человека иного региона. За диминутивной формой кроется семантика положительной оценки, а на прагматическом уровне эксплицируются уважение, благодарность, выражение высшей похвалы и значимости, на культурологическом проступают народно-фольклорные мотивы (безусловно, напрашивается вполне уместный ассоциативный ряд: *хлебушек, силушка, водица*). Примеры из художественной литературы: – *Этот знает, где берут уголёк!* (П. Байдебура); *Здесь уголёк замешан на крови* (В. Руденко).

Немалозначимым компонентом структуры современной РЯЛ Донбасса следует считать уровень и качество получаемых (полученных) в результате обучения объективных знаний, совокупность которых «представляет собой некоторую определенным образом структурированную и иерархизированную систему» [5, с. 52], например: географические названия (*Дикое поле, Великоанадолье, Хомутовская степь*), социокультурные объекты (*монумент Саур-Могилы, музей Арт-Донбасс, Пальма Мерцалова*), исторические факты (*Донецко-Криворожская республика*), региональная персонификация (*Артем, Макар Мазай, Паши Ангелина, Вадим Писарев*), художественные тексты («*Живет Донбасс!*», «*Всем смертям назло*»), их авторы и герои (*Павел Беспощадный, Владислав Титов; Сергей Петров, молодоговардейцы*), прецедентные тексты (*Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано*), народные наименования мест и объектов (*Бутовка, Ветка, Макаронка, Смолянка*) и мн. др.

Важная категория РЯЛ – ее ценностные ориентации, которые обнаруживаются как в идеалах и убеждениях (*Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано*. П. Беспощадный), так и в поведенческих нормах, в поступках (*Донбасс порожняк не гонит; В шахте, ребятаки, не играют в прятки*). В Донбассе важнейшей ценностью с самого начала его формирования как промышленного региона был манифестирован труд, в первую очередь – шахтерский, самый тяжелый, но и самый уважаемый. В культурной памяти социума это «запрограммировалось» в виде суждений (или убеждений), а в речевом дискурсе воплотилось во множестве паремий: *Шахтерский забой – фронт передовой; Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был? Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Будь в лаве как в бою, прославь родину свою* и др.

На определенном этапе развития РЯЛ эти ценностные ориентиры становятся стереотипами ее поведения и мировосприятия: трудолюбие, упорство, смелость, отвага, патриотизм, коллективизм и др. Им придается важная интегративная функция, они объединяют общество, определяют общественный порядок. Через такие послы-стереотипы, идущие от старшего поколения, молодежи передается сигнал, сообщается информация о правильных, желаемых в данном социуме, требуемых общей культурой региона формах поведения.

К манифестированным формам ценностных категорий РЯЛ относятся так называемые тексты культуры – прецедентные тексты (а также имена, ситуации, высказывания). Например, в народной памяти символом героического труда продолжают оставаться Алексей Стаханов и Паша Ангелина, потому можно услышать донбасский вариант известных выражений: *А работать за тебя Стаханов будет? Пашет, как Паша Ангелина*. Вокальные данные абитуриента в консерватории охарактеризовали так: *Конечно, не Соловьяненко, но что-то такое есть*. О положительном исходе событий у нас обязательно скажут: *Всё будет Донбасс!* А во время застолья не забудут поднять тост: *За вас, за нас и за Донбасс!*

Безусловными ценностями признаны историко-географические артефакты и объекты донецкого края, несущие мощную культурную компоненту в формирование РЯЛ, о чем не забывают донбасские поэты:

В краю отцов, в пространствах Дикополья

Я хлеб и слово отыщу, как долю.

Саур-могила, Бахмут и Азовье

Откликнутся во мне былинным зовом (Виктор Руденко).

В структуре РЯЛ всегда конкурируют прагматические ценности (их результат – извлечение пользы) и идеологические (результат – нормы поведения). Судя по сложившейся ситуации в Донбассе да и по приведенным примерам, последние явно оказались преобладающими. Наверное, неспроста о людях этого края когда-то было сказано: «это люди какой-то безумной, бешеной отваги, ставящие на карту жизнь из-за самого ничтожного пустяка, из-за ничего. Из удали они спускаются в шахту без бадьи, просто по разделам ствола, ежеминутно рискуя сорваться и полететь вниз; динамит они носят в карманах, как табак» (В. Вересаев. Запальщик [7, с. 119]).

В русской философской мысли принято выделять лень как неотъемлемое свойство русского характера, трудолюбие оценивалось очень противоречиво (В.О. Ключевский, Г.Л. Тульчинский и др.), однако никто не опровергает, что «из духа земли вырастает душа народа». А если эта душа формируется в прямом смысле под влиянием «духа земли», в глубине земной тверди? Невозможно говорить о лени того народа, который дал А. Стаханова (*А работать за тебя Стаханов будет?*) и П. Ангелину (*Пашет как Паша Ангелина*), который первым *забахкал* касками по асфальту, добился *регрессных* и *копытных*, заставив уважать свой труд, который помнит сам и передает наследникам: *Будь в лаве как в бою, прославь родину свою*. Донбасский характер и сейчас проверяется на прочность. Как никогда актуальными снова стали слова П. Беспощадного: «Донбасс никто не ставил на колени и никому *поставить не дано*».

Однако в характере донбассовца – жизненные сложности и противоречия преодолевать через ироническое отношение даже к самым мрачным реалиям действительности, через высочайшую способность к самоиронии.

Лучшей иллюстрацией всегда служат народные выражения, закреплённые в региональном дискурсе, в пословицах и крылатизмах. «Донбасс порожняк не гонит» —

это ведь сейчас не столько о высокоинтенсивном и эффективном труде рабочего класса региона, как было в недавнем прошлом, сколько о его внутреннем ментальном стержне, о духе, характере и отношении к любому делу, к слову, к поступку, к окружающей действительности. Так называемый «кулёр лёкаль» (фр. *koulor local* – «местный колорит») сквозит в большом количестве шутивно-ироничных фраз, свидетельствующих об одной из важных особенностей донбасской ментальности – о терапевтическом значении смеха в жизни этого сурового народа. Их смысл раскрывается целиком для тех, кто владеет культурно-региональными фоновыми знаниями: *Привет с Караванной; Караванная по нему скучает* (о психических странностях человека, о неадекватном поведении; Караванная – улица, на которой расположена психиатрическая больница в Донецке); *Пора на Грабари / на Мушкетово / на Щегловку* (названия поселков в черте Донецка, где расположены известные кладбища); *Дальше Щегловки не отвезут* (об отсутствии страха перед смертью; Щегловское кладбище расположено на одной из отдаленных окраин Донецка); *Счастье не за горами, оно – за терриконами* (двузначная шутка: то ли счастье нужно искать в Донбассе, то ли вырвавшись за его пределы).

Тяжелый, смертельно опасный труд шахтёра, на который отваживались далеко не все, выкристаллизовывал и особый донбасский характер, причём не только у самого шахтёра, но и у членов его семьи. Многие можно почерпнуть их художественных текстов. У поэта В. Калиниченко есть стихотворение «Пласты» о шахтерском труде в забое, о разработке угольного пласта, о «характере» этого пласта, который «как человек: сегодня щедр, завтра же прижмистей главбуха, но главное – бессмертен, как Кощей» и с которым «каждый день – борьба. И – кто кого». А вывод логически безупречен: *И там, на дне рискованного колодца, / В самих себе мы открываем пласт. / Он у людей характером зовётся.*

Только в языке РЯЛ Донбасса в результате подсознательных психических процессов факты социально-бытового плана, проявлений человеческого характера, поступков манифестируются в словесные образы, несущие печать отличия от общепринятых номинаций и коннотаций. «У тебя <...> вместо сердца кусок угля», – упрекает жена мужа-шахтёра в рассказе В. Гроссмана «Жизнь». «Ты что, с террикона свалился?» – вопрошает современный персонаж. За словесным творчеством РЯЛ, воплощенным в разных языковых формах, стоит народная мудрость, его сознание, его духовный мир, его ментальность.

Наибольшую ценность в точки зрения как лингвистики, так и культуры, безусловно, представляют в речи региолектоносителя региолектизмы – лексико-фразеологические единицы, характерные для представителей определенного региона проживания и отличные от их эквивалентов общенационального употребления.

Их возникновение и накопление в региолекте связывают с «непосредственным речевым воздействием», «социокультурными стереотипами общения», «стихией живого языка» [11]. Имеется в виду систематическое и последовательное «впитывание» индивидом всей вербальной информации из окружающего мира, весь аудиоряд, в котором дискурсивным маркером необщенационального становятся специфические лексемы нередко диалектные по происхождению или заимствованные из украинского языка (*гарбуз* – тыква, *жерделя* – абрикос, *жуужалка* – остатки сгоревшего угля, *насыпать (борца)* – налить; *сёрпать* – шумно хлебать, *херишук* – бутылка (1,5 л.), и др.); их морфолого-синтаксические формы (*игратся* вместо *играть*, *скупился за юшкой* вместо *соскупился по бульону*; *дивлюсь с вас* вместо *удивляюсь вам*); ненормативное словообразование (*бабский* – бабий, *вырубивать* – рубить, *гуска* –

гусыня, досточка – дощечка, кутенята – кутята, лодарька – ленивица, морква – морковь, поманул – поманил, свекруха – свекровь, свинячий – свинский, щавлевый – щавелевый и др.); местная фразеология: *байдыки бить* – бездельничать, *губы копылить* – сердиться или обижаться, *паморки / баки забивать* – морочить голову, *с террикона свалиться* – с луны свалиться, а также ряд других признаков, которые глубоко и подробно должны изучаться на уровне лингворегионоведения.

Надо признаться, что даже в речи современного достаточно образованного человека проскальзывают слова типа *метушня*, (*нарезать*) *скибочками*, *шклявый хлопец*, *бурячный или щавлевый (суп)* или выражения типа *скорбеть за талантливым актером* (из речи диктора местного радио); *живу на Донбассе*; *вернулся с Крыма / с России*.

Некоторое количество наиболее часто встречающихся в речи дончан отступлений от современных норм (в том числе маркирующих донецкий региолект) собрано и проанализировано в брошюре Г.И. Рихтера [12]. Например, ученый пишет: «В Донбассе на городском транспорте то и дело слышишь: *вы встаете, я встаю* [с. 6]; *Где ты дел книгу, где делись ключи* [с.7]; *Не стоит с ними заводитьсь*. Так говорят многие в Донбассе, имея в виду «не стоит вступать в пререкания, не стоит связываться» [с. 7]. Если вы в Донбассе спросите в магазине у покупателей: «*Кто последний?*» — вам ответят подчеркнуто, с чувством превосходства и явно поправляя вас: «*Я крайний*» [с. 9]. В Донбассе номера трамвайных маршрутов принято называть *марками*. Такое употребление слова *марка* — узкий провинциализм [с. 9]» и др. Следует сказать, что речевая ситуация за прошедшие 60 лет не слишком изменилась: срабатывают стереотипы речевого поведения, от старшего поколения речевые штампы передаются младшему. Так складывается специфический региональный речевой дискурс со своей когнитивной базой, которая в отличие от общенациональной, претерпела некоторую качественную переработку под влиянием а) русских диалектов, б) украинского языка и его диалектов, в) профессиональных жаргонов шахтеров, металлургов и т.п.

По объему знаний в этой области обычно говорят об уровне интеллектуального состояния региональной личности. Эти данные еще только предстоит выяснить. Зато хорошо известно, что «метров речи», «демиургов языка» (по Ю.Н. Караулову), у которых есть чему учиться, донецкой земле не занимать: выдающихся представителей региона в области науки, культуры, литературы знают далеко за пределами Донбасса. Это значит, что региональная языковая личность – величина далеко не периферийная, и ее изучение и постижение как целостной категории представляется важной лингвистической задачей в современном лингворегионоведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буров А.А. Регионимика Северного Кавказа и ее место в языковой картине мира / А.А.Буров, Г.П. Бурова // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: Материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч.1. – С. 102–105.
2. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка / Т.А. Голикова // Актуальные проблемы филологии. Барнаул, 1998. – С. 77–81.
3. Донецкий региолект : монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 265 с.
4. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2007. – 624 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Курмакаева Н.П. К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах ее формирования / Н.П. Курмакаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – Донецк: ДонНУ. – 2018. – № 1. – С. 9–14.

7. Литература родного края: Хрестоматия для учащихся 5–11 классов / Составители: Г.Н. Король, Л.В. Мельникова, Н.А. Коняшина, В.Н. Пеньков, Т.А. Верланова. – Донецк, 2016. – 505 с.
8. Лысый И.О. Ловец ветра. Сб. стихотворений. – Донецк: Большой Донбасс, 2018. – 288 с.
9. Макарова А.А. Русская ментальность: пути и источники ее изучения / А.А. Макарова // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: Материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч.1. – С. 102–105.
10. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение / Т.Ф. Новикова // Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.
11. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
12. Рихтер Г.И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г.И. Рихтер. – Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1958. – 30 с.
13. Степанова И.Ж. К проблеме выделения регионального слова / И.Ж. Степанова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. — С. 558–559.
14. Утробина Т.Г. Языковые средства репрезентации концептуальной картины мира (на материале сатирических рассказов М.М. Зощенко 1920-х годов) / Т.Г. Утробина // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. – С. 72–81.
15. Харченко В.К. Регионоведческая компонента в структуре языковой личности / В.К. Харченко // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 81–85.
16. Чайковский Р.Р. Метрополия и регионы: проблемы взаимодействия / Р.Р. Чайковский, Л.И. Чайковская // Образование на Севере: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции. – Магадан: СМУ, 2002. – С. 156–159.
17. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18-20 мая 2017 г.) / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 328 с.

Поступила в редакцию 03.11.2018 г.

VERBAL-SEMANTIC POTENTIAL AND VALUE CATEGORIES OF REGIONAL LANGUAGE PERSONALITY OF DONBASS

N. P. Kurmakayeva

The article is devoted to the explication and analysis of the verbal and semantic potential that formed in the minds of the residents of Donbass as a regional language personality. At the same time, clarifies basic concepts and terms, in particular, “donetsk regionolect”. Value categories are identified. There is a direct dependence and interdependence of the regional language personality of Donbass – the donetsk regionolect – the donbass mentality.

Key words: verbal-semantic potential, donetsk regionolect, mentality, regional linguistic view of the world, regional language personality of Donbass, value categories.

Курмакаева Нина Петровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры русского языка.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru.

Kurmakaeva Nina Petrovna.

Candidate of Philological Sciences, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor at the Department of Russian language.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru.

УДК 930.85 : 811.161

ПОЭЗИЯ «БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ»: СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

© 2018. В. Ю. Даренский

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

В статье рассмотрены репрезентативные тексты русской поэзии XX века, авторами которых являются участники Белого движения. Выделяются главные нравственные мотивы, определявшие «белогвардейскую» психологию и «картину мира» в её художественном выражении: 1) заморозенность красотой Родины, ради которой не страшно умереть; 2) спокойствие и бесстрашие перед лицом смерти; 3) знание своей правоты и сознательное самопожертвование как плата за свободу; 4) надежда на посмертное воздаяние за совершенный подвиг; 5) Белое движение предано своим народом, и за это сам народ сразу же несёт тяжкую расплату; 6) жалость к народу, который попал в рабство к новой власти; 7) страдания России уподобляются страданиям Христа, и отсюда надежда на ее воскресение.

Ключевые слова: Белое движение, поэзия, нравственность, менталитет, мотивы, художественная картина мира.

Введение. Русская поэзия XX века, авторами которой являются участники Белого движения, в настоящее время приобрела большой читательский интерес и начинает изучаться в рамках академического литературоведения. Поэтика этих авторов является достаточно традиционной, продолжающей стилистику XIX века, но несёт в себе новый трагический опыт эпохи. Этим определяется её ценность для современного читателя, открывающего в ней для себя непривычно глубокую в нравственном отношении «картину мира». Важнейшим аспектом понимания причин и движущих сил любого значительного исторического события является анализ тех субъективных представлений, которые имели его участники о том, что происходит, в чем они участвуют, и как к этому следует относиться. В науке этот аспект определяется как исследование ментальности людей определённой эпохи и определённой социальной группы. Попытки непосредственно связывать мотивы действий людей и их отношение к происходящим событиям только с их частными экономическими или политическими интересами всегда дают очень искажённый результат, поскольку не учитывают мотивов более высокого, *ценностного* порядка. Эти более высокие мотивы определяются отнюдь не экономическими и политическими факторами, а факторами нравственными и религиозными.

Именно игнорирование этих мотивов нравственно-религиозного порядка до сих пор приводит к принципиальному непониманию причин Белого движения. Особо грубые искажения делал так называемый «классовый подход», который давал «объяснение» причин Белого движения какими-то корыстными материальными интересами его участников. Однако анализ социального состава «красных» и «белых» показывает, что он принципиально не отличается, разница только в некоторых пропорциях. С обеих сторон воевали в социальном и классовом отношении практически одни и те же люди, причём часто переходили с одной стороны на другую. Тем самым, очевидно, что разделение на «красных» и «белых» имело в первую очередь мировоззренческий, а не социальный и тем более не «классовый» характер. Узкая прослойка дореволюционного «правлящего класса», то есть высшее дворянство и бюрократия, крупные промышленники – сразу же эмигрировали и в Гражданской войне

не участвовали. Количество бывших офицеров дворянского происхождения с обеих сторон было примерно одинаковым (хотя большинство тех, кто воевали за «красных», делали это не по идейным соображениям, а вынужденно – имея в заложниках семью или просто чтобы не умереть с голоду). Основной состав Белых армий состоял из тех же самых разночинцев, крестьян, рабочих и маргиналов, как и Красная армия. Тем самым, понимание причин Белого движения следует искать не в социально-классовой сфере, а сфере духовно-нравственной, мировоззренческой. Главными историческими источниками здесь являются свидетельства самих белогвардейцев о мотивах их борьбы в виде мемуаров, писем, дневников и художественной литературы. Что касается последней, то здесь наиболее ценным и адекватным источником является поэзия, а не проза. Проза предполагает художественный вымысел, а поэзия передаёт мотивы и мировоззрение людей самым непосредственным образом, и любая фальшь здесь сразу же чувствуется, лишая стихотворение искренности и художественной ценности.

Целью данной статьи является анализ репрезентативных текстов русской поэзии XX века, авторами которых являются участники Белого движения, в качестве материала для реконструкции ценностных мотивов этих участников Гражданской войны, их нравственного сознания и менталитета, с целью реконструкции художественной картины мира, лежащей в основе этого литературного явления.

Основная часть. С этой точки зрения поэзия Белого движения до настоящего времени рассматривалась лишь фрагментарно. В частности, публикации стихотворений Арсения Несмелова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Николая Туроверова, Марианны Колосовой и др. сопровождалась статьями современных авторов, которые разъясняли их мировоззренческие и нравственные позиции [1; 2]. Тем не менее, целостной формулировки их мировоззрения и специфики его художественного выражения до сих пор нет.

В качестве исходного пункта нашего анализа стоит рассмотреть легенду о гибели Николая Гумилёва, обвинённого в участии в белогвардейском заговоре. Сохранилось свидетельство, якобы рассказанное чекистом – участником его расстрела. Оно звучит так; «Да... Этот ваш Гумилёв – нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докурив папиросу... Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из Особого отдела произвёл впечатление. Пустое молодечество, но всё-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж, свалил дурака. Не лез бы в контру, шёл бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны...». В ЧК он держался мужественно, на вопрос конвоира, есть ли в камере поэт Гумилёв, ответил: «Здесь нет поэта Гумилёва, здесь есть офицер Гумилёв» [3, с. 15]. На стене камеры Кронштадтской крепости, где последнюю ночь перед расстрелом провёл Гумилёв, были обнаружены нацарапанные стихи. Текст их такой:

*В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград...
И горит на рдяном диске
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.
Я не трушу, я спокоен,
Я – поэт, моряк и воин,
Не поддамся палачу.
Пусть клеймит клеймом позорным –
Знаю, сгустком крови черным*

*За свободу я плачу.
Но за стих и за отвагу,
За сонеты и за ипагу –
Знаю – город гордый мой
В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Отвезёт меня домой.*

Некоторые исследователи подвергают сомнению как достоверность этого свидетельства, уже ставшего легендой, так и принадлежность этих стихов Н. Гумилёву. Считается, что достоверным является лишь семейное предание о том, что последними словами Гумилёва были: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь!» [4, с. 298]. Но как бы там ни было, для изучения ментальности исторической эпохи важна сама по себе эта легенда, а не степень ее достоверности. Легенда, приписываемая чекисту, сама по себе очень хорошо показывает, как представлялся образ белого офицера в ту эпоху, причём даже и его «красным» врагам. Характерно, что когда образы белых офицеров появились в советском кинематографе 1970-х годов, то они точно соответствовали этому изначальному образцу. Что касается принадлежности этого стихотворения Н. Гумилёву, то ещё известный литературовед Н.А. Струве написал специальную работу, доказывающую его авторство: «общее впечатление и стилистический анализ говорят в пользу подлинности этих предсмертных стихов Гумилёве. В худшем случае, мы имеем дело с первоклассным подражанием, написанным большим знатоком гумилёвской поэзии, усвоившим не только ее внешние приёмы, но и дух» [5, с. 65]. Но опять-таки, независимо от авторства, можно утверждать, что в этом стихотворении, как в «зерне», заключены почти все самые важные мотивы всей позднейшей поэзии Белого движения.

Эти мотивы следующие. 1) Заворожённость красотой Родины такой, какая она есть – ради которой не страшно умереть («В час вечерний, в час заката...»). 2) Полное спокойствие и бесстрашие перед лицом смерти («Не поддамся палачу...»). 3) Знание своей правоты и сознательное самопожертвование как плата за свободу («За свободу я плачу...»). 4) Надежда на посмертное воздаяние за совершенный подвиг («Но за стих и за отвагу... Отвезёт меня домой»).

Другим репрезентативным текстом, показывающим нравственный исток Белого движения, является стихотворение А. Несмелова, в котором есть строки:

*...Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город,
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжёлых шторах.*

*Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха.
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папах.*

*Всего мгновение, момент
Упущен был – упал со стоном.
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном...*

Здесь Белое движение показано как преданное своим народом, и за это сам народ сразу же несёт тяжкую расплату. Этот историософский аспект одновременно является и аспектом нравственным – показывающим закон воздаяния и дарующий вечную славу преданным героям. С этим пятым аспектом тесно связан шестой аспект – жалость к народу, который попал в рабство к новой власти, хотя бы и по своей собственной вине. Наконец, седьмой аспект / мотив поэзии Белого движения, который можно назвать мистическим. Он связан с видением страдания России как уподобления страданиям Христа. Этот мотив в русской поэзии впервые возникает в известном стихотворении Ф. Тютчева «Эти бедные селенья...» («Удручённый ношей крестной, / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный / Исходил, благословляя»). Но именно в белогвардейской, а затем эмигрантской поэзии он достигает своего широкого развития, а затем актуализируется и в России начиная с 1990-х годов. Приведём наиболее яркие примеры воплощения этих мотивов у нескольких самых известных представителей поэзии Белого движения.

Мотив красоты Родины, уничтоженной Революцией, присутствует у многих поэтов, приведем лишь пример из стихотворения Ивана Савина, одного из самых ярких поэтов «Белой идеи»: «*И смеялось когда-то, и сладко / Было жить, ни о чем не моля, / И шептала мне сказки украдкой / Наша старая няня – земля. / И любил я, и верил, и снами / Несказанными жил наяву, / И прозрачными плакал стихами / В золотую от солнца траву...*». Иван Савин не относился к «привилегированным сословиям», он вырос бедной многодетной семье в уездном городке Зеньков Полтавской губернии, и окончив в 1919 году Зеньковскую правительственную гимназию, вступил в Добровольческую армию. Его восприятие дореволюционной России как «потерянного рая» нельзя объяснить какими-то особо комфортными условиями жизни, и люди его социального статуса намного чаще шли как раз в Красную армию. Такое восприятие основано на нравственных факторах, на особом благородном строе души. С этих же позиций воспринимал дореволюционную Россию, например, и Нобелевский лауреат И. Бунин, который дал самую высокую характеристику художественному уровню стихов Ивана Савина: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы – особенно» [Цит. по: 2, с. 251].

Соответственно, и Революция воспринимается поэтом не как политическое событие, а как кощунство и святотатство, как разрушение целого прекрасного мира: «*Пьяный хам, нескончаемой тризной / Затемнивший души моей синь, / Будь ты проклят и ныне, и присно, / И во веки веков, аминь!*». «Белые» воспринимали «красных» не как политических противников, а как варваров, уничтожающих Россию как таковую. Если «красные» старались представить «белых» как пособников интервентов, поскольку они поддерживались Антантой, а ее войска стояли в нескольких морских портах, через которые велось снабжение белых армий, то для «белых» сами большевики были Интервентами в абсолютном смысле слова – то есть антирусской силой. В политическом отношении это выражалось в том, что в первый период Гражданской войны «красных» рассматривали как предателей и пособников немцев, что подтверждалось Брестским миром. Позднее, после поражения Германии «белые» воспринимали «красных» уже в более широком контексте – как наёмников мировых «темных сил» (Н. Марков), «мировой закулисы» (И. Ильин), которые используются под видом «революционеров» для разрушения России, превращения ее в безликий «интернационал» ради «мировой революции». Фактическое отсутствие у «белых» чёткой идеологии обычно

рассматривается как их слабость, но специфика Белого движения как раз и была в том, что это было явление не идеологическое, а нравственное. «Белые» мыслили не идеологически, а *метафизически*, защищая свою идеальную Россию от тех, кто хотел её уничтожить и заменить «интернационалом», воспринимая «красных» не просто как врагов, а как варваров и inferнальные силы, «восставшие из бездны». То есть как врагов не в политическом, а в первую очередь в духовном смысле слова. Такое духовное, т.е. православное восприятие Революции выразил Сергей Бехтеев в стихотворении «Русская Голгофа» 1920 года:

*Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед:
Свершилось вселенское чудо,
И царства христианского – нет!..*

*И воинство с красной звездою,
Приняв роковую печать,
К кресту пригвозждает с хулою
Несчастную Родину-Мать!*

Мотивы бесстрашия перед лицом смерти, знания своей правоты и сознательного самопожертвования выразились, например, в стихах Ивана Савина: «Зевнули орудия, руша / Мосты трёхдюймовым дождём. / Я крикнул товарищу: “Слушай, / Давай за Россию умрём”. / В седле подымаясь как знамя, / Он просто ответил: “Умру”. / Лилось пулемётное пламя, / Посвистывая на ветру». Чаще всего стихи на эту тему проникнуты самым пронзительным трагизмом, как, например, у Н. Снесарёвой-Казаковой в стихотворении «Кадеты Каппелевцы»:

*Они пели, безумные, пели –
Обречённые в жертву Вандалу.
На их черных кадетских шинелях
Ещё свежая кровь не застыла!*

*Красный флаг наступал отовсюду,
Русь металась подстреленной птицей ...
Никогда, никогда не забуду
Эти русские, детские лица.*

Или в строфах Николая Туроверова, ставшими известной песней:

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.*

*А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной...*

Мотив надежды на посмертное воздаяние за совершенный подвиг у Ивана Савина выражен так: *«Что для вечности временность гибели? / Пусть разбит Ваш последний очаг – / Крестоносного ордена стяг / Реет в сердце, как реял в Галлиполи. / Вспыхнет солнечно-черная даль / И вернётся вы, где бы вы ни были, / Под знамёна... И камни Галлиполи / Отнесёте в Москву, как скрижаль»*.

Мотив предательства Белого движения своим народом, за которое сам народ сразу же несет тяжкую расплату у этого поэта особенно пронзителен: *«И только ты, бездомный воин, / Причастник русского стыда, / Был мёртвой Родины достоин / В те недостойные года. / Вот почему, с такой любовью, / С благоговением таким, / Клоню я голову сыновью / Перед бессмертием твоим»*. Вместе с тем, есть стихотворения, в которых звучит и укор Белому движению со стороны потомков:

*Быть может в укор из отцов кой-кому
Пою я – держались не крепко,
Позволив, чтоб Русь превратила в тюрьму
Босяцкая хамская кепка.*

(Н. Воробьев «Кадетам»)

У многих поэтов звучит мотив жалости к народу, который попал в рабство к новой власти, который по словам Георгия Иванова, *«...Царю и Богу изменивший / Не достоин ни Царя, ни Бога»*. Классическими здесь стали строки Владимира Набокова в 1944-го года: *«Каким бы полотном батальным не являлась / советская сусальнейшая Русь, / какой бы жалостью душа не наполнялась, / не поклонюсь, не примирюсь / со всею мерзостью, жестокостью и скукой / немого рабства – нет, о нет, / ещё я духом жив, ещё не сыт разлукой, / увольте, я ещё поэт»*. Из поэтов – участников Белого движения этот мотив жалости ярко выражен у Анатолия Величковского:

*Моей России больше нет.
Россия может только сниться,
Как благотворный тихий свет,
Который перестал струиться.*

*Советским людям будет жаль
Навек исчезнувшего света.
Россия станет, как Грааль
Иль Атлантида для поэта.*

*Мы проиграли не войну,
Мы не сражение проиграли,
А ту чудесную страну,
Что мы Россией называли.*

Страдания России уподобляются страданиям Христа, и на этом основана вся надежда на её воскресение. Князь Николай Кудашев в стихотворении «Русь» даёт ёмкую формулу этой надежды: *«Ничего кроме лютото горя, / Бог-Господь для тебя не судил! / Искровавилась с Западом споря, / На Восход не считала могил... / Для того чтоб ты стала иною, / Поднимаю с молитвой пращу, / И готовясь к неравному бою / Я твой будущий*

образ крейсу...». Эта надежда определяет и особое призвание поэта Святой Руси: «Жила бы лишь правда в народе. / На песни мои вам оков не надеть. / Я буду и мёртвый восторженно петь / О Боге, Царе и свободе!» (С. Бехтеев). А классическими можно считать строки Н.А. Чудина из «Покаянной»:

*Со святыми в селеньях небесных
Упокой, Боже, павших в бою
За родную страну, и безвестных,
Убиенных за веру Твою...*

*Всеблагий, Всемогущий, помилуй,
Обрати на Россию свой взор,
Возврати ей и славу и силу
И сними поношений позор!*

Для сравнения стоит отметить, что противоположная сторона – советская поэзия о Гражданской войне – по объему превосходит тексты поэзии Белого движения в тысячи раз. В 1920-30-е годы это была одна из главных тем, хотя ее художественный уровень оставляет весьма удручающее впечатление, лишь за исключением нескольких авторов – Э. Багрицкого, М. Светлова, В. Луговского и др. Тем не менее, даже названные авторы по своему художественному уровню, не говоря уже о мировоззренческой глубине, далеко уступают тем наиболее талантливым поэтам Белого движения, которые были здесь упомянуты. По сути, «красная» поэзия о Гражданской войне была почти забыта уже после Великой Отечественной войны, полностью заслоненная этой новой темой. А поэзия Белого движения в начале XXI века была открыта заново и становится все более известной – в первую очередь потому, что она оказалась глубоко созвучной современному поэтическому переживанию исторических судеб России.

Заключение. Если «красная» поэзия была тесно связана с определённой идеологией и ушла в забвение вместе с ней, то поэзия Белого движения основана не на идеологии, а на самых глубинных архетипах культуры. Выделенные здесь нами семь ведущих мотивов являются архетипическими сюжетами, составляющими глубинные основания культуры как таковой. Гибель Родины, нашествие варваров, героическая гибель и самопожертвование, посмертная награда, память поколений, возмездие врагам и возрождение поруганной Отчизны – эти мотивы как архетипические сюжеты присутствуют в любой культуре. Специфически русскими в поэзии Белого движения являются лишь мотивы мученичества за веру, идущие их христианской традиции, а также представление о священной Родине – Святой Руси, против которой направлен самый мощный и коварный удар «темных сил». Благодаря этим содержательным моментам, а также благодаря яркому продолжению традиций русской классики поэзия Белого движения имеет непреходящую художественную ценность. Но не меньшее значение она имеет и для понимания движущих сил Белого движения, поскольку последние имели в первую очередь духовно-нравственный характер. Этим и определяется значимость «картины мира», явленной в поэзии Белого движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хатюшин В. Блеск холодной стали / В. Хатюшин // Меч в терновом венце: Поэты Белой гвардии. – М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2008. – С. 5–27.

2. Полчанинов Р. Про Ивана Савина / Р. Полчанинов // Голос Эпохи. Литературно-общественный журнал. – 2017. – № 4. – С. 250–257.
3. Зобнин Ю. Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии / Ю. Зобнин. – М.: Эксмо, 2010. – 212 с.
4. Эльзон М.Д. Последний текст Н.С. Гумилева / М.Д. Эльзон // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. – СПб.: Наука, 1994. – С. 295–304.
5. Струве Н.А. Последнее стихотворение / Н.А. Струве // Новый журнал (Нью-Йорк). – 1970. – № 5. – С. 59–66.

Поступила в редакцию 22.07.2018 г.

POETRY OF THE “WHITE MOVEMENT”: SPECIFICITY OF THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD

V. Yu. Darenskiy

The article addresses the XX-th century Russian poetic texts by members of the White movement. The main moral motives determining the “white guard” psychology in its artistic expression have been singled out, among which are: 1) fascination with beauty of the homeland, for which it is not terrible to die; 2) fearlessness in the face of death; 3) awareness of one’s rightness and conscious self-sacrifice as a payment for freedom; 4) hope for the posthumous reward for the perfect feat; 5) the “White” movement is betrayed by the people, and for this the people immediately bear heavy reckoning; 6) pity for the people who fell into slavery to the new power; 7) Russia’s suffering is like the suffering of Christ, and hence the hope for resurrection.

Key words: White movement, poetry, morality, mentality, motives, artistic picture of the world.

Даренский Виталий Юрьевич.

Доктор философских наук.

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет».

Доцент кафедры философии.

E-mail: darenskiy1972@mail.ru.

Darenskiy Vitaliy Jurievich.

Doctor of Philosophy.

Lugansk National Agrarian University.

Associate Professor of Department of Philosophy.

E-mail: darenskiy1972@mail.ru.

УДК 82.1

ЭВОЛЮЦИЯ ИДИЛЛИЧЕСКОГО ЖАНРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII в.

© 2018. Л.Т. Сенчина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается эволюция жанра идиллии в русской литературе XVIII в. от зарождения до разрушения буколического типа произведения. Анализируются идиллии М. Ломоносова «Полидор», «Сицилийски Нимфы пети...» А. Сумарокова. Повесть «Бедная Лиза» Н. Карамзина исследуется с точки зрения «включения» в нее идиллических элементов.

Ключевые слова: жанр, идиллия, буколика, типология, жанровые разновидности.

Проблема жанра – это «вечная» проблема, традиционная и в то же время неизменно сохраняющая актуальность. «Жанр всегда и тот и не тот, всегда стар и нов одновременно», – отмечал М. Бахтин [2, с. 178].

Выбор жанра идиллии обусловлен тем, что буколика¹ играла важную роль в становлении и развитии многих жанров литературы нового времени. Отметим также значимость идиллического пафоса в современной литературе, учитывая то, что этот пафос во многом определил поиск общечеловеческих, общезначимых принципов, обусловивших развитие и сегодняшнего литературного процесса. И наконец, жанр идиллии непосредственно связан с восхвалением особого типа поведения: простонародной жизни на лоне природы, дающей умиротворенность, успокоенность, ощущение «родного дола... и родного дома»². В этой связи изучение жанра идиллии становится весьма актуальным и своевременным.

Отмечая значимость идиллического жанра, подчеркнем, однако, что типология этого типа произведения, его специфические свойства определены недостаточно полно. Не выявлена степень участия буколики в развитии литературного процесса, не прояснены (до конца) закономерности эволюции жанра идиллии и т.п. Все это и побудило нас рассмотреть становление жанра буколики от его истоков и возникновения на русской почве до кризиса, который обусловил исчезновение идиллии как самостоятельного жанра и трансформацию его в определенную идиллическую традицию.

Закономерно, что интерес к жанру идиллии возникает в эпоху классицизма, когда идет формирование всей жанровой системы русской литературы. Начинается активное освоение античности, которое, бесспорно, не является простым копированием древних образов, а представляет собой сложный процесс освоения «старого» с учетом тех «общественно-исторических обстоятельств, в которых живет человек и которые влияют на него, с ощущением необходимости выразить новые

¹ Известно, что уже в античности существовало несколько терминов для обозначения жанра – идиллия, буколика, эклога. Четко дифференцировать эти жанры трудно, т.к. в поэтической практике они взаимодействовали и «смешивались». Это дает нам основание использовать термин «идиллия» и «буколика» как синонимы.

² «Жизнь» жанра идиллии подробно рассматривает М. Бахтин (Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975). Своеобразие идиллического модуса рассматривает В.И. Тюпа в своих работах (Тюпа В.И. Генеалогия лирических жанров // Жанр как инструмент прочтения. Ростов-на-Дону, 2012).

представления о человеке и его сущности, сложившиеся в определенную историческую пору» [5, с. 28].

Прежде всего, необходимо учитывать, что жанровая система в русской литературе формировалась под знаком риторики, которая во многом обусловила художественное мышление XVIII века, выдвинув на первый план принцип нормативности, упорядоченности. Риторика определяла «динамику формирования различных жанров, поскольку по риторической модели оформлялось жанровое и стилевое содержание» [1, с. 15]. Риторика активно входит в теоретико-литературное сознание эпохи. К риторикам обращаются, их детально изучают, риторики создают. В этой связи следует вспомнить теоретические трактаты Ф. Прокоповича «Риторику» и «Поэтику».

В «Поэтике» Ф. Прокоповича важное место занимает учение о литературных родах и видах. Конечно, классификация этих категорий у автора «Поэтики» существенно отличается от современных представлений литературоведов.

В «Поэтике» Ф. Прокопович дает подробную характеристику буколической поэзии. «Буколическая поэзия есть подражание сельским действиям...»; описание «касается только поселян...», «поэт придумывает двух или больших сельских лиц...», заставляет их вести между собою беседы о полях, о козах, о молоке, о волах и т.д.» [6, с. 437–438]. Определяя содержательный уровень буколики, Ф. Прокопович обозначает и формальные признаки идиллического жанра, настаивая на том, что такие произведения должны писаться гекзаметром, «потому что этот род стиха в особенности пригоден для повествования о подобных делах и прекрасно передает сельскую медлительность» [с. 438].

Автор «Поэтики» относит буколическую поэзию к среднему стилю и четко определяет выбор языковых средств. Ф. Прокопович настаивает на том, что в таком типе произведений «следует избегать всяких блестящих слов или мнений торжественности и периодов, так как это противоречит скромной обстановке» [с. 438].

Нормативные требования Ф. Прокопович определяет и для других жанров литературы, в частности для элегии.

«Риторическое влияние» на поэтические произведения литературы XVIII века – бесспорно. Рационалистический подход к осмыслению художественного творчества был характерен для теоретических рассуждений не только Ф. Прокоповича, но и для Тредиаковского и Ломоносова. Однако в своей реальной поэтической практики авторы трактатов часто нарушали установленные ими нормы и правила. Достаточно вспомнить произведение Ф. Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастии», чтобы убедиться в противоречии между теорией и практикой. В названной элегии автор соединяет идиллические и элегические мотивы, нарушая тем самым принцип «чистоты» жанра.

Такое же взаимодействие двух жанров можно наблюдать в произведении М. Ломоносова «Полидор». Эта идиллия посвящается «его сиятельству графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому». Ломоносов не мог определить это произведение как жанр оды, т.к. традиционно русская ода посвящалась правящему монарху или членам его семьи, но никогда «частному человеку». Граф К. Разумовский при всех своих «должностях и титулах» не был «царских кровей», хотя все же повод для написания оды у Ломоносова, бесспорно, имелся – К. Разумовский был назначен гетманом Украины. В идиллии «Полидор» Ломоносов сохраняет многие типологические признаки жанра оды: похвалу, пафосность, «высокий» стиль, одическую композицию и т.п. Не случайно исследователь С. Бонди отмечал, что Ломоносов «написал однажды идиллию «Полидор», но эта идиллия в сущности, представляет собой замаскированную оду» [3, с. 48].

В идиллии «Полидор» трансформируются многие типологические черты этого жанра. Традиционный для буколического любовный мотив переосмысливается в мотив общественного долга, достойное выполнение которого только и может вызывать любовь и уважение к человеку.

В идиллии Ломоносова «Полидор», хотя и весьма условно, в измененном виде, но сохраняется такой характерный для античной буколической композиции элемент, как агон-состязание в пении.

Агон-состязание в пении в античном «пастушеском» произведении играл важную роль в развитии действия. После него следовала награда за победу, и тем самым разрешался любовный конфликт.

В произведении «Полидор» агон-состязание не выполняет уже столь важную роль в развитии сюжета; главная цель, поставленная в этой идиллии, – воспеть деяния К. Разумовского.

Переосмысляя и изменяя отдельные типологические черты идиллии, Ломоносов в определенной степени сохраняет жанровые признаки буколического, что дает основание называть произведение «Полидор» идиллией. Герои буколического – пастухи, нимфы, музы с традиционными для идиллии именами: Дафнис, Каллиопа; Полидор играет роль пастуха, который «красою...превышает собой всех здешних пастухов...». Ломоносов использует традиционное для идиллии описание природы: поля, луга, рощи, берега, цветы, деревья и т.п. Однако поэт нарушает это традиционно-идиллическое описание, указывая точное место действия – берег Днепра. Подчеркнем, что выбор места связан с конкретными событиями: графа Разумовского избрали гетманом Украины, этому событию и посвящена идиллия «Полидор».

Соединяя в идиллии «Полидор» одические и идиллические черты, Ломоносов создает особую разновидность буколического жанра, названную нами, как идиллия - посвящение. Такая разновидность буколического оказалась продуктивной. Достаточно вспомнить идиллию Сумарокова «Сицилийски Нимфы пети...», где органически соединяются элементы оды и идиллии. Это произведение посвящено конкретному событию – дню рождения «его императорского высочества государя князя Павла Петровича».

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на идиллическом творчестве А. Сумарокова. Анализ его требует детального и глубокого изучения, т.к. «школа Сумарокова» активно и плодотворно разрабатывала жанр буколического. Имеющиеся у нас наблюдения позволяют утверждать, что на общей типологической основе древнего типа произведений в русской литературе XVIII в. формируются жанровые разновидности идиллий с определяющей родовой доминантой: эпической, лирической, драматической. Сумароков разрабатывал жанр буколического на русской почве в нескольких направлениях, с учетом этого доминирующего начала.

Развитие художественного сознания способствовало изменению принципов поэтического освоения мира, что и обусловило определенную трансформацию в жанре идиллии в русской литературе XVIII века. Происходит дальнейшая поляризация «эпического» и «лирического» начал вплоть до предельного усиления лирической доминанты в стихе и развития эпической и драматической идиллии в прозе. В этой связи рассмотрим творчество Н. Карамзина – идиллика.

Первый свой перевод из Геснера Карамзин сделал в 1783 г. еще шестнадцатилетним юношей; увлечение пасторальной поэзией он сохранил на долгие годы, о чем свидетельствуют переводы идиллий Геснера, переводы из Томсона, Вейса.

Следует особо подчеркнуть, что значимость идиллического жанра особенно ощутима в тот период развития русской литературы, когда явно обозначился интерес к личному, индивидуальному. В эпоху сентиментализма идиллия стала играть заметную роль в «новой» системе жанров, оказала значительное влияние на формирование русской прозы последних десятилетий XVIII в. Рассмотрим в этой связи повесть Н. Карамзина «Бедная Лиза».

Основной конфликт в повести «Бедная Лиза» связан, на наш взгляд, со столкновением «естественного человека с человеком «цивилизации»». Мир Лизы – это мир идиллии в своей канонической основе. И только в таком мире героиня может быть счастливой. Стремится к гармонии и Эраст. «Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках... Натура призывает меня в своих объятиях, к чистым своим радостям – думал он и решился – по крайней мере на время – оставить большой свет», – пишет Карамзин [4, с. 610–611].

Первые встречи Лизы и Эраста описаны Карамзиным в духе традиционной идиллии, с характерными «приметами» буколки. Любовное чувство развивается на лоне природы, забавы невинны, героиня возвращается в хижину. Эраст называет Лизу пастушкой, верит в вечное счастье и т.п. Далее назревают события, которые разрушают весь идиллический мир, т.к. переходят в иной план – в план реального бытия, наступает трагическая развязка, которая принципиально не может быть в идиллии.

Таким образом, расширение границ идиллического до включения в него реального мира с его противоречиями и сложностями приводит к разрушению идиллии как самостоятельного жанра. Жанр идиллии, как правило, функционировал в сфере противопоставления двух заданных миров: «естественном» (золотой век) и искусственном (век цивилизации). Причём, это противопоставление носило явно умозрительный характер, относилось, скорее к подразумеваемому, «мысленному» конфликту. В «Бедной Лизе» Н. Карамзина такое противопоставление во многом определяет суть конфликта, обуславливает увеличение сюжета, становится организующим эффектом художественного целого. Идиллия из жанрообразующей основы превращается в одну из составляющих. Буколика, разрушаясь, включается в иные жанровые образования, в частности в сентиментальную повесть. Таким образом, продолжается «жизнь» буколки, но в ином качестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автухович Т.Е. Риторика и русский роман XVIII в.: Взаимодействие в начальный период формирования жанра. – Гродно, 1996.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.
3. Бонди С.М. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Тредиаковский. Стихотворения. – М., 1935. – С. 3–53.
4. Карамзин Н.М. Избранное. – М., 1964. – С. 610–611.
5. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. – Свердловск, 1982.
6. Прокопович Ф. Сочинения. – М.–Л., 1961.

Поступила в редакцию 18.09.2018 г.

EVOLUTION OF IDYLIC GENRE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVIII CENTURY

L.T. Senchina

The article deals with the evolution of the genre of idyll in the Russian literature of the XVIIIth century. It covers the period from the origin to the destruction of the bucolic type of work. Such idylls as "Polidor" by M. Lomonosov, "Sicilian Nymph singing" by A. Sumarokov are analyzed. "Poor Liza" by N. Karamzin is focused on in terms of the idyllic elements usage.

Key words: genre, idyll, bucolic, typology, genre varieties.

Сенчина Людмила Тимофеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

Senchina Ludmila Timofeevna.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

УДК 81'373

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В УРБАНОНИМИКОНЕ ДОНБАССА
(на материале адъективных годонимов
Центрально-Городского района г. Макеевки)

© 2018. *Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан*

В статье на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района города Макеевки определяется специфика реализации культурных кодов в урбанонимиконе Донбасса. Годонимы систематизированы по термину-классификатору. Выделены и охарактеризованы основные структурные типы рассматриваемых годонимов. Среди адъективных однословных годонимов обозначены основные структурно-морфологические и словообразовательные модели, определена их частотность. Установлены культурные коды, которые объективированы в адъективных годонимах Центрально-Городского района города Макеевки, определена специфика их реализации.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, годоним, структурно-семантическая классификация, улица, код культуры, Донбасс, Макеевка.

Одной из актуальных проблем современной ономастики в целом и региональной ономастики в частности является комплексное изучение урбанонимов как неотъемлемого компонента лингвистического ландшафта города. Активизация исследований в области региональной ономастики в числе прочего обусловила возрастание интереса учёных к проблемам номинации внутригородских объектов. Так, Т. В. Шмелёва в монографии «Ономастикон российского города», придерживаясь широкой трактовки урбанонима как имени собственного любого городского объекта, указывает на то, что «термин *урбаноним* становится популярным в конце XX века, когда во многих городах практически одновременно начинается изучение языка города и его ономастической составляющей» [22, с. 5–6].

Как отмечает М. В. Голомидова, «комплекс урбанонимов — это знаковый континуум (текст в терминах семиотики), содержательная сторона которого создает некое информационное пространство, и в нём образ города прорисовывается в разных смысловых модальностях» [4, с. 20].

Как известно, широкий подход к пониманию урбанонимики (от лат. *urbanus* 'городской') как одного из разделов топонимики был заложен в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, где урбанонимика определяется как наука, которая занимается изучением собственного имени любого внутригородского топографического объекта, в том числе годонима, агоронима, хоронима, экклезионима, ойкодомонима [17, с. 139]. Именно в рамках урбанонимики принято рассматривать названия улиц, площадей, переулков и т. д.

В работе следом за Н. В. Подольской, Т. В. Шмелёвой, Ю. Г. Пушкарёвой, А. Ю. Асановым, Т. С. Куст, В. В. Демановой и др. под годонимом понимаем вид урбанонима, т. е. годоним — это имя улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной, в то время как агороним — это имя площади [16, с. 50–51, с. 27; 22; 18; 1; 12 и др.]. Т. В. Шмелёва, характеризуя хоронимы и годонимы как имена пространств в структуре городского ономастикона, отмечает, что в перечень внутригородских пространственных объектов можно добавить такие, как *проспект*, *набережная*, *бульвар*, *тупик*, *шоссе* в их городской протяжённости [22, с. 7].

Следует отметить, что В. И. Супрун в работе «Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен» уточняет определение термина *урбаноним*, предложенное Н. В. Подольской: «Под урбанонимом мы понимаем название внутригородского объекта, способное выполнять адресную функцию, имеющее официальную фиксацию в городских документах и указывающее на объект, содержащий на своей территории отдельные строения с номерами» [20, с. 107]. Исследователь на основе критерия протяжённости, линейности, в отличие от параметра точечности, к собственно урбанонимам относит годонимы (названия улиц, переулков и пр.) и агоронимы (названия площадей), отмечая, что к ним «примыкают городские хоронимы, объекты именования которых обладают линейностью, но не всегда выполняют адресную функцию» [20, с. 108].

Таким образом, годоним — это название линейного объекта (улицы, проспекта, бульвара, переулка, линии, проезда, тупика, аллеи, шоссе). Также к числу годонимов можно отнести названия микрорайонов, кварталов, поскольку они также выполняют адресную функцию и содержат на своей территории отдельные строения с номерами, которые, как правило, расположены в линию, в ряд по периметру прямоугольника. Ср. одно из лексических значений слова *квартал*: ‘часть города, ограниченная (обычно) четырьмя пересекающимися улицами и площадями’. *Строятся новые городские кварталы* [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=квартал&all=x>] и значение слова *микрорайон*: ‘первичная единица современной городской жилой застройки, представляющая собою комплекс жилых домов и учреждений бытового обслуживания, примыкающий к транспортным магистралям’ [<https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-45747.htm>].

Как известно, годонимы являются достаточно поздним разрядом имён собственных, необходимость в которых возникла по мере разграничения и уточнения реалий материального мира [5, с. 187]. По справедливому утверждению А. В. Суперанской, «названия улиц, площадей, зданий и иных внутригородских объектов составляют своеобразную и очень сложную систему» [19, с. 176].

Годонимы, как и любой другой разряд имён собственных, могут изучаться не только в собственно лингвистическом, но и в когнитивном, лингвокультурологическом, лингвопрагматическом, лингвоэтнографическом и проч. аспектах.

Так, изучение имени собственного в лингвокультурологическом аспекте предполагает анализ как лингвистической, так и культурологической составляющих названия. В результате влияния внеязыковых факторов на формирование и динамику годонимикона того или иного региона годонимы становятся своего рода культурным кодом, в котором отражаются культурно-ценностные ориентиры жителей этого региона.

Опираясь на концепции Н. И. Толстого, С. М. Толстой, В. В. Красных и др., рассматриваем культурные коды как вторичные знаковые системы, которые используют «разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания» [21, с. 7], как системы, имеющие матричную природу. По словам В. В. Красных, «код культуры есть “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [11, с. 297].

А. М. Мезенко, анализируя имена собственные в контексте кодов культуры, определяет комплекс культурных кодов, реализации которых служит урбанонимия: топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический (или ботанический), фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, темпоральный [14, с. 391].

Можно предположить, что коды культуры, которые объективируются в именах собственных, соотносятся с выполняемыми ими функциями. А. М. Мезенко в монографии «Урбанонимия Белоруссии» обращает внимание на коммуникативную роль топонима, которая, по мнению исследовательницы, заключается в выполнении таких функций: 1) функции хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры; 2) функции воспроизведения; 3) функции сообщения; 4) функции обобщения информации; 5) оценочной функции; 6) отсылочной функции [13]. В. А. Никонов выделяет следующие основные функции топонима: 1) адресная (номинативная); 2) дескриптивная (описательная); 3) идеологическая [15, с. 62]. Данные функции присущи и топонимам как разновидности топонимов.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы установить культурные коды, объективированные в адъективных топонимах Центрально-Городского района города Макеевки, и определить специфику их реализации.

Объектом анализа являются топонимы Центрально-Городского района города Макеевки как часть топонимического пространства региона и подсистема урбанонимии города. В то время как **предмет исследования** составляют структурно-морфологические и семантические параметры рассматриваемых топонимов, направленные на объективацию кодов культуры.

Топонимы изучаются в синхронном аспекте, при этом анализу подвергаются письменно фиксируемые официальные формы названий.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки топонимов из различных реестров наименований улиц Центрально-Городского района города Макеевки, а также при подборе фактического материала использовались справочники, интернет-источники и карты города. **Авторская картотека** включает 145 топонимов, при этом на территории Центрально-Городского района представлены топонимы с такими классификаторами, как *улица, переулок, проспект, бульвар, квартал, микрорайон* в их городской протяжённости:

1. Топонимы с термином-классификатором *улица* (122 единицы, или 84,1 %).
2. Топонимы с термином-классификатором *переулок* (14 единиц, или 9,7 %):
3. Топонимы с термином-классификатором *квартал* (4 единицы, или 2,7 %): кв-л *Гвардейский*, кв-л *Железнодорожный*, кв-л *Металлург*, кв-л *Шахтёрский*.
4. Топонимы с термином-классификатором *микрорайон* (3 единицы, или 2,1 %): м-н *Комсомольский*, м-н *Солнечный*, м-н *Центральный*.
5. Топоним с термином-классификатором *бульвар* (1 единица, или 0,7 %): бул. *Горбачёва*.
6. Топоним с термином-классификатором *проспект* (1 единица, или 0,7 %): просп. *Ленина*.

Официальные адресные урбанонимы Центрально-Городского района г. Макеевки также охватывают названия площадей и посёлков: пл. *Грибиченко*, пл. *Советская*; 1-ый пос. *Софиевский*, 2-ой пос. *Софиевский*, пос. *Коттеджный*, пос. *Старая Сергия*.

В первую очередь дадим общую характеристику структурных параметров топонимов Центрально-Городского района города Макеевки, опираясь при этом на классификации топонимов, представленные в работах Л. В. Егоровой [8] и Н. Ю. Забелина [10].

Среди 145 топонимов Центрально-Городского района г. Макеевки выделяются следующие структурные типы:

1. Однокомпонентные топонимы, которые наиболее многочисленны (137 единиц, или 94,5 %). Например: ул. *Бабарина*, ул. *Батова*, ул. *Бутовская*, ул. *Володарского*,

ул. Витебская, ул. Дачная, ул. Конструкторская, пер. Олимпийский, пер. Байкальский, бул. Горбачёва, квартал Гвардейский, м-н Комсомольский и др.

2. Двухкомпонентные годонимы (8 единиц, или 5,5 %): ул. Богдана Хмельницкого, ул. Демьяна Бедного, ул. Ивана Туника, ул. Карла Либкнехта, ул. Карла Маркса, ул. Октябрьской Революции, ул. Розы Люксембург, ул. Сергея Ценского.

В нашем материале отражены однословные годонимы, которые образованы на базе как имён собственных (ул. Баумана, ул. Ватутина, ул. Глазунова, ул. Горького, ул. Успенского, ул. Чехова, ул. Ярошенко, ул. Донбасская, ул. Донецкая, пер. Вильнюсский и др.), так и имён нарицательных (ул. Конструкторская, ул. Луговая, ул. Монтажная, ул. Научная, ул. Славы, ул. Театральная, ул. Юности, пер. Весенний, м-н Солнечный и др.).

Однокомпонентные годонимы Центрально-Городского района г. Макеевки представлены двумя основными разновидностями:

1. Субстантивные однословные годонимы, включающие имя существительное (оним или апеллятив) в сочетании с номенклатурным термином, — 78 единиц (56,9 % от числа однословных годонимов, зафиксированных на территории Центрально-Городского района г. Макеевки). Например: ул. Бородина, ул. Глазунова, ул. Магеллана, ул. Панченко, ул. Франко, ул. Воровского, ул. Менжинского, ул. Чернышевского, ул. Гризодубовой, ул. Крупской, ул. Свободы, ул. Славы и др.

2. Адъективные однословные годонимы, состоящие из имени прилагательного в сочетании с номенклатурным термином, — 59 единиц (43,1 % от общего числа однословных годонимов, зафиксированных на территории Центрально-Городского района г. Макеевки). Например: ул. Агрономическая, ул. Белорусская, ул. Бутовская, ул. Новгородская, ул. Безлесная, ул. Дачная, ул. Зелёная, ул. Спортивная, пер. Селикатный, пер. Цветочный, пер. Шахтёрский, кв-л Железнодорожный, м-н Центральный и др.

Итак, перейдём к рассмотрению особенностей адъективных однокомпонентных годонимов Центрально-Городского района города Макеевки.

Как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, зафиксированные 59 адъективных однословных названий улиц, переулков, кварталов и микрорайонов Центрально-Городского района города Макеевки в структурно-морфологическом и словообразовательном аспектах реализуют пять основных моделей.

Так, наиболее частотными среди однокомпонентных адъективных годонимов Центрально-Городского района города Макеевки являются следующие модели:

1. Адъективная модель с суффиксами *-н/-енн-*, которая представлена в структуре 22 годонимов (37,3 %), разнообразных в семантическом отношении: ул. Безлесная, ул. Дачная, ул. Лесная, ул. Монтажная, ул. Набережная, ул. Научная, ул. Нижняя, ул. Смольная, ул. Совхозная, ул. Спортивная, ул. Степная, ул. Театральная, пер. Весенний, пер. Осенний, пер. Ракитный, пер. Северный, пер. Селикатный, пер. Цветочный, пер. Центральный, кв-л Железнодорожный, м-н Солнечный, м-н Центральный.

2. Адъективная модель с суффиксами *-ск-, -овск-, -ейск-, -ийск-, -к-*, в рамках которой образованы также разноплановые в семантическом плане годонимы (21 годоним, или 35,6 %): пер. Азовский, пер. Байкальский, ул. Белорусская, ул. Бутовская, пер. Вильнюсский, ул. Волгоградская, ул. Днепровская, ул. Донбасская, ул. Калиновская, м-н Комсомольский, ул. Конструкторская, ул. Московская, ул. Новгородская, ул. Одесская, ул. Ольховская, пер. Олимпийский, ул. Прилужская, ул. Рабфаковская, ул. Червоногвардейская, пер. Шахтёрский, кв-л Шахтёрский.

Третье место по критерию частотности среди анализируемых годонимов занимают адъективные годонимы, которые содержат в своей структуре суффикс *-ск-*, но образованы при этом флексийным способом. Другими словами, адъективные годонимы этого структурного типа по своим формальным параметрам примыкают к годонимам предыдущего типа, но они образованы с помощью флексии *-ая* или *-ий* от топонимов или апеллятивов, уже содержащих в своей структуре суффикс *-ск-* (7 годонимов, или 11,9 %): ул. *Донецкая*, ул. *Витебская*, ул. *Днепродзержинская*, ул. *Лениногорская*, ул. *Агрономическая*, кв-л *Гвардейский*, ул. *Социалистическая*.

Также немногочисленны в нашем материале годонимы, реализующие адъективную модель с суффиксами *-ов/-ев-*: ул. *Луговая*, ул. *Полевая*, ул. *Садовая*, пер. *Сосновый*, ул. *Фруктовая* (5 годонимов, или 8,5 %).

Первообразная адъективная модель среди однокомпонентных годонимов Центрально-Городского района города Макеевки представлена всего тремя единицами (5,1 %): ул. *Зелёная*, ул. *Новая*, пер. *Узкий*.

Установим комплекс кодов культуры, репрезентируемых с помощью адъективных однокомпонентных годонимов Центрально-Городского района города Макеевки. При этом следует отметить, что набор эксплицируемых культурных кодов напрямую соотносится с лексико-семантической типологией и функциональной нагрузкой рассматриваемых годонимов.

Итак, как свидетельствует анализ, рассматриваемые адъективные годонимы объективируют с помощью вышеописанных моделей следующие культурные коды:

1. Топоморфный код, который реализуют годонимы таких лексико-семантических подтипов:

1.1. Годонимы, указывающие на расположение улицы в определённом районе города относительно пространства всего населённого пункта в целом, относительно стороны света и под.: пер. *Центральный*, м-н *Центральный*, ул. *Набережная*, ул. *Прилужская*, пер. *Северный*.

1.2. Годонимы, соотносимые с названиями городских объектов и организаций: ул. *Театральная*, ул. *Дачная*, кв-л *Железнодорожный*, ул. *Рабфаковская*, ул. *Совхозная*.

1.3. Годонимы, соотносимые с названиями городов как региона, так и России и в целом постсоветского пространства: ул. *Донецкая*, ул. *Днепродзержинская*, пер. *Азовский*, ул. *Одесская*, ул. *Волгоградская*, ул. *Лениногорская*, ул. *Московская*, ул. *Новгородская*, ул. *Витебская*, пер. *Вильнюсский*.

1.4. Годонимы, соотносимые с названиями областей, регионов, угольных бассейнов: ул. *Белорусская*, ул. *Донбасская*.

1.5. Годонимы, соотносимые с названиями посёлков, вошедших в состав города, а также одновременно с названиями шахт, возле которых эти посёлки возникали: ул. *Бутовская*, ул. *Калиновская*.

1.6. Годонимы, соотносимые с названиями гидронимов: пер. *Байкальский*, ул. *Днепровская*.

2. Физико-географический код, реализуемый с помощью годонимов, которые характеризуют улицу с точки зрения размера, конфигурации, физико-географических особенностей возникновения: пер. *Узкий*, ул. *Нижняя*.

3. Флористический/ботанический код, который объективируется с помощью названий, указывающих на характер растительного ландшафта, на отдельные виды растительности или же на их совокупность: ул. *Ольховская*, пер. *Ракитный*, пер. *Сосновый*, пер. *Цветочный*, ул. *Фруктовая*, ул. *Луговая*, ул. *Полевая*, ул. *Садовая*, ул. *Степная*, ул. *Лесная*, ул. *Безлесная*.

4. Эмоционально-характерологический код, который эксплицируется с помощью годонимов, в основе которых лежит принцип номинации по присущим или приписываемым ей свойствам и качествам: м-н *Солнечный*, ул. *Зелёная*. К этой группе мы также отнесли годонимы, которые объективируют такие концепты, как СПОРТ и НАУКА, тем самым способствуя созданию положительного образа города: пер. *Олимпийский*, ул. *Спортивная*, ул. *Научная*.

5. Артефактный код, который реализуется с помощью годонимов, соотносимых с названиями природных ресурсов, материалов: ул. *Смольная*, пер. *Селикатный*.

6. Темпоральный код, который объективируется с помощью годонимов, приблизительно указывающих на время существования внутригородского объекта: ул. *Новая*. Очевидно, можно считать, что темпоральный код также реализуется и в годонимах типа пер. *Весенний*, пер. *Осенний*, при этом условно соотнося название городского объекта с номинацией времени года.

7. Антропоморфный код в адъективных годонимах реализуется опосредованно через структурно-семантическое соотношение относительного прилагательного с соответствующим именем существительным как номинацией лица по профессии: ул. *Агрономическая*, ул. *Конструкторская*, ул. *Монтажная*, пер. *Шахтёрский*, кв-л *Шахтёрский*.

8. Социально-идеологический код, который объективируется с помощью годонимов, соотносимых с общественно-политическими понятиями, в частности с понятиями, типичными для СССР: м-н *Комсомольский*, ул. *Социалистическая*, ул. *Червоногвардейская*, кв-л *Гвардейский*. Отметим, что существование официального названия улицы в форме прилагательного *Червоногвардейская*, где первая часть композита является по сути варваризмом, вкраплением из украинского языка, — одна из особенностей ономастики Донбасса (ср. официальное название одного из районов города Макеевки — *Червоногвардейский район*).

Таким образом, в подсистеме адъективных годонимов Центрально-Городского района города Макеевки нашли воплощение различные коды культуры (топоморфный, физико-географический, флористический, социально-идеологический код и ряд других), а также такие понятия, как «пространство» (локальное и широкое географическое пространство), «ориентация в пространстве», «размер», «конфигурация», «флора», «минералы», «время», «спорт», «наука», «человек», «идеология» и их частные конкретизации.

Выявить культурные коды, объективированные с помощью однокомпонентных субстантивных и композитных годонимов Центрально-Городского района города Макеевки, и определить специфику их реализации — следующая задача нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : Дисс. ... канд. филол. наук / Алексей Юрьевич Асанов. — Тамбов, 2014. — 185 с.
2. Белорусское Поозерье: культура — ономастика — социум / А. М. Мезенко, Т. Ю. Васильева, Ю. М. Галковская, М. Л. Дорофеев; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. — 180 с.
3. Гладышева Ю. Б. Особенности лексико-семантической классификации урбанонимов (на примере годонимов города Чита) / Ю. Б. Гладышева, И. А. Якова // Молодёжный вестник ИрГТУ. — 2015. — № 2. — С. 37–40.
4. Голомидова М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга / М. В. Голомидова // Известия Уральского государственного университета. — 2001. — № 20. — С. 19–25.

5. Гузикова В. В. Лингвокультурологический аспект урбанонимов как отражение национальной картины мира / В. В. Гузикова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2012. — № 1. — С. 183–190.
6. Дорофеенко М. Пути репрезентации кодов культуры в виконимии белорусско-польского приграничья / М. Дорофеенко // Studia wschodniosłowiańskie. — 2014. — Том 14. — S. 179–188.
7. Дорофеенко М. Топоморфный код культуры в виконимии Белорусского Поозерья: специфика реализации / М. Дорофеенко // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : Сб. научн. ст. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. — С. 65–69.
8. Егорова Л. В. Структурные типы годонимов Чувашской Республики / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. — 2012. — № 4. — С. 231–235.
9. Егорова Л. В. Опыт сопоставительного исследования годонимиконов дух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : Дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. — Чебоксары, 2018. — 184 с.
10. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Забелин. — М., 2007. — 23 с.
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.
12. Куст Т. С. Урбанонимия провинциального сибирского города (на примере г. Юрга Кемеровской области) / Т. С. Куст, В. В. Деманова // Альманах современной науки и образования. — 2014. — № 4 (83). — С. 72–75.
13. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. — Минск : Университетское изд-во, 1991. — 167 с.
14. Мезенко А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63). — № 2. — Ч. 1. — С. 388–393.
15. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. — 2-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2011. — 184 с.
16. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М. : Наука, 1978. — 198 с.
17. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
18. Пушкарёва Ю. Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарёва // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 116–121.
19. Суперанская А. В. Что такое топонимика / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1985. — 176 с.
20. Супрун В. И. Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен / В. И. Супрун // In Nominum Spatio (В пространстве имён): Материалы I Международных ономастических чтений имени Е. С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2015 г.). — Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2017. — С. 103–113.
21. Толстой Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. — М. : Междунар. отношения, 1995. — Т. 1. — С. 5–14.
22. Шмелёва Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. — Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. — 137 с.

Поступила в редакцию 28.10.2018 г.

THE CULTURAL CODES IN DONBASS URBANONYMS (on the material of adjective godonyms of Central-City district of Makeevka)

N. A. Yaroshenko, U. L. Chaban

The article is devoted to analysis of the adjective godonyms of Central-City district of Makeevka. The cultural codes implementation specifics in Donbass urbanonyms had been established. The godonyms had been classified according to term classifier. The main structural types of godonyms under *analysis had been put up and described*. The main structural-morphological and word-formation models of adjective single word godonyms had been traced, their frequency had been established. The cultural codes in the adjective godonyms of Central-City district of Makeevka as well as the implementation specifics of this codes *had been put up*.

Key words: toponym, urbanonym, godonym, lexical and semantic classification, street, cultural code, Donbass, Makeevka.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Заведующий кафедрой общего языкознания и
истории языка имени Е. С. Отина.
E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Чабан Ульяна Леонидовна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
Магистрант 2 курса профиля «Русский язык и
литература».
E-mail: kf.genling@donnu.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Head of General Linguistics and History of
Language Department named after E. S. Otin.
E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Chaban Ulyana Leonidovna.

Donetsk National University.
Second year master student of Russian language
and literature specialty.
E-mail: kf.genling@donnu.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЗМА

© 2018. Э.А. Ангелина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализирована суть и взаимосвязь понятий идентичность, региональная идентичность, патриотизм. Обоснована необходимость воспитания патриотизма как основы региональной идентичности Донбасса, ставшей движущей силой возврата к истокам Русского мира.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, патриотизм, региональный патриотизм.

Формирование гражданского общества и правового государства во многом обусловлено степенью развития патриотического сознания. Сегодня коренным образом меняются отношения гражданина с государством и обществом. Процесс возвращения Донбасса в геокультурное пространство Русского мира связан со множеством смыслов, понятий, значений, исследуемых учеными на протяжении столетий [3]. Однако, несмотря на наличие обширнейшей научной базы вопроса формирования идентичности, недостаточно исследованной является проблема формирования идентичности поликультурного региона, противостоящей духовным ценностям культурного ядра, что влечет за собой реализацию права народа на самоопределение и вхождение его в систему Русского мира [3].

Целью статьи является обоснование взаимосвязи понятий идентичности, региональной идентичности с понятием патриотизма.

Понятие патриотизма, патриотического сознания человека достаточно широкое. Одним из аспектов патриотизма является идентичность, свойственная определённой социокультурной действительности. Сегодня существуют несколько подходов к определению сути патриотизма как идентичности. По мнению С.Ю. Ивановой, патриотизм неразрывно связан с духовностью, гражданственностью и социальной активностью личности, социальной группы, общности [7].

Рассматривая патриотизм как основу региональной идентичности Донбасса, можно сказать, что формирование патриотизма в Донецкой Народной Республике неразрывно связано с представлением «мы – русские». И речь идёт не только (и не столько) об этнической стороне вопроса, а о политической нации Российской Федерации. Патриотизм в данном случае играет интегративную роль, так как объединяет население Донецкой Народной Республики и России, способствуя, таким образом, сближению и объединению Русского мира в поликультурном обществе.

Идентичность патриотизма – продукт человека, его деятельности и активности [10].

Идентичность (лат. *Identificare* – отождествлять, позднелат. *Dentifico* – отождествляю) – соотнесенность чего-либо с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве «наблюдателем», рассказывающим о ней себе и «другим» с целью подтверждения ее саморавности [13]. В русском языке слово

«идентичность» появилось в 60-е гг. XIX в. В философии термин «идентичность» появляется в работах Д. Локка и Д. Юма. Используют его применительно к процессу индивидуализации [12].

Проблема формирования идентичности была и остается в центре внимания философов и психологов со времен Сократа, Платона, Аристотеля. Пониманию идентичности посвятили свои научные труды Л. Аза, Е. Барарабанов, Е. Белинская, Н. Бердяев, Л. Губернский, А. Дугин, М. Заворотная, О. Немский, Ж. Пиаже, А. Руденко, Ж.-П. Сартр, В. Храмова, Э. Эриксон [3].

Понятие «идентичность» стали широко использовать в 70-х годах XX века, благодаря работам американского психолога, психоаналитика Э. Эриксона, посвященным кризису идентичности. Он считал, что основным механизмом развития человека является стремление к целостности, идентификации с собой, со своей культурой, с этносом и т.д.

Идентичность социокультурна. Она характеризуется статичными и подвижными особенностями жизненного пути личности. К статичным, неизменным особенностям относят: имя, половую принадлежность, расовую и этническую принадлежность, родной язык, место рождения. Подвижными особенностями в структуре идентичности являются: гражданство, место жительства, профессия, семейное положение, религия.

Другими словами, идентичность человека не бывает неизменной, она находится в движении, на разных этапах жизнедеятельности личности в ней могут преобладать разные компоненты [7].

Следует отметить, что идентичность представляет собой сложное, многослойное понятие, выступает как система. Она включает в себя духовную, моральную, культурную, национальную, политическую идентичности [7].

Идентичность человека, несомненно, связана с его ценностными ориентациями, которые проявляются в его деятельности: выбор целей, выбор путей достижения этих целей, приоритет одних ценностей над другими. Ценности усиливают или ослабляют идентичность человека. Идентичность проявляется в деятельности и патриотизм, по своей сути, по отношению к идентичности является ценностью. Ценности могут быть духовными (терминальными) – убеждения в том, что какая-то конечная цель существования индивида стоит того, чтобы к ней стремиться; и материальными (инструментальными) – убежденность в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Так, М. Рокич к терминальным (духовным) ценностям относит активную деятельную жизнь, красоту природы, искусства, любовь, свободу, счастье других и т.д. Патриотизм также можно отнести к духовным (терминальным) высшим ценностям, т.к. патриотизм – это не что иное, как любовь к Родине, служение ей, готовность, если это необходимо, встать на её защиту.

Известный психолог Ж. Пиаже считал, что у ребёнка одновременно формируется понятие «Родина», а также развивается образ «другого», образ «другой страны». По мнению Ж. Пиаже, главной особенностью мышления ребёнка является эгоцентризм: неумение встать на чужую точку зрения. Впоследствии, по мере взросления у детей преобладающим становится логическое мышление, абстрактное мышление, с помощью которого человек начинает познавать и принимать других людей, продолжая сохранять своё Я. В результате освоения социального опыта ребёнок через деятельность, общение понимает, что существуют люди, предметы, объекты, с которыми он себя может и хочет идентифицировать, не утрачивая при этом собственного Я, своей значимости. К таким значимым предметам, объектам действительности Ж. Пиаже относит этнические

группы, тот социум, в котором живёт человек. Таким образом, считает учёный, эгоцентризм ребёнка преобразовывается в социцентризм. Этот процесс преобразования Ж. Пиаже называет национальной идентичностью [14].

В процессе развития национальной идентичности Ж. Пиаже выделяет следующие периоды:

1) 6–7 лет. На данном этапе у ребёнка появляются неполные, обрывочные знания о своей национальной принадлежности. В этот период для него референтной группой является ближайшее окружение: семья, друзья по детскому саду, по школе;

2) 8–9 лет. В этот период ребенок уже идентифицирует себя со своей страной, принимает во внимание национальность своих родителей, место, где он проживает, родной язык;

3) 10–11 лет. В этом возрасте у ребёнка усиливается процесс формирования национальной идентичности. Он выделяет специфику развития своего края: его историю, культуру, быт [14].

Большинство психологов сходятся во мнении о том, что сформированную этническую идентичность можно наблюдать у человека уже в подростковом возрасте. Это связано, прежде всего, с новообразованием подросткового возраста – с самопознанием, с поиском своего места в обществе.

В рамках этнической идентичности развивается этническая осведомленность и этническая самоидентификация. Т.Г. Стефаненко считает, что этническая осведомленность появляется с опытом, когда человек получает новую информацию, осмысливает её. Вначале этническая осведомлённость включает такие признаки как цвет кожи, внешность, язык, еда, одежда, обычаи. И только с течением времени ребёнок включает новые элементы в этнические признаки – общность предков, общность исторической судьбы, религию, национальный характер. Становление этнической идентичности не заканчивается в подростковом возрасте [14].

Помимо Ж. Пиаже и Э. Эриксона проблемами изучения идентичности занимались такие учёные-психологи как Дж. Финни, Дж. Марсиа.

Дж. Марсиа выделял следующие этапы в процессе формирования идентичности:

- 1 этап, характеризующийся безразличием младших подростков и некоторых взрослых к этническим корням, принадлежности к этнической группе.

- 2 этап, характеризующийся исследованием собственной идентичности, желанием постичь смысл этничности в своей жизни. На формирование идентичности оказывают влияние жизненный опыт, важные события, происходящие в этнической группе, участие человека в культурных событиях своего края, чтение и т.д.

- 3 этап – сформированная этническая идентичность. Для данного этапа характерно соотношение себя со своей этнической общностью, этнической культурой [14].

Среди исследователей, внесших значительный вклад в развитие проблемы идентичности (политической, региональной, национальной) можно отметить И. Нойманна, К. Шмидта (роль «другого» при формировании национальной идентичности); П. Бергера и Т. Лукмана (становление Я – социального); Э. Дюркгейма, С. Хантингтона (этапы формирования национальной идентичности).

Идентичность – сильнейший резерв консолидации индивидов в стабильные сообщества, которые объединены общей системой ценностей, схожими реакциями на социальные процессы и единой волей к социальному действию [1].

Региональная идентичность – это системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая Родина». Региональная идентичность – это «воля к жизни и развитию на данной территории» [9].

Большой вклад в понимание проблем региональной идентичности внесли М.П. Крылов, Г.В. Коржов, В.В. Лапкин, С.А. Макеев, В.К. Малькова, В.А. Тишков и ряд других исследователей.

В числе работ, посвященных изучению региональных культур, особенностей региональных общностей, изучению географических образов можно отметить Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятину, А.Г. Смирнову. Вместе с тем в данной предметной области остается немало остроактуальных вопросов теории и практики, требующих своего решения.

По мнению А.А. Алаудинова, существует несколько подходов к определению сути региональной идентичности: политико-культурный, инструменталистский, социально-конструктивистский [1].

Политико-культурный подход характеризуется развитием региональной идентичности на основе историко-культурных особенностей. Регион – это не только общая территория проживания, но и традиции, обычаи, культура. Следовательно, региональная идентичность – это идентификация с общностью, которая в период своего формирования приобрела ряд особенностей.

Инструменталистский подход – это прикладной аспект отношения к истории, т.е. интерпретация истории с помощью политических символов, мифотворчества, имиджа региона.

Социально-конструктивистский подход включает в себя создание территориальных границ, системы символов и институтов [1].

По мнению А.А. Алаудинова, можно классифицировать региональную идентичность по различным основаниям. Так, региональные идентичности различаются по:

- по глубине идентификации с политическими ценностями, проявляющиеся на коллективном, эмоционально-оценочном и поведенческом уровнях;
- по роли в жизни регионального сообщества (функциональная или дисфункциональная идентичность). Функциональная идентичность – конструктивные, созидательные действия, которые положительно оцениваются большинством представителей данного сообщества. Дисфункциональная идентичность нацелена на разрушение региональной идентичности;
- по механизму действия региональную идентичность можно разделить на конформистскую и неконформистскую. Конформистская идентичность проявляется в повседневном поведении и следовании общепринятым практикам. Неконформистская идентичность может быть как позитивной, так и негативной: действия человека в ее границах спонтанны, не запланированы, но направлены на идентификацию с данной региональной общностью;
- по вектору политической ориентации и партийной принадлежности;
- по характеру распространения в зависимости от типа общества региональная идентичность может формироваться в стабильных обществах, а также в переходных периодах преобразований, дестабилизации, беспорядков и т.д. В стабильных обществах на формирование региональной идентичности оказывают социокультурные, культурно-исторические и природно-географические факторы; в переходные периоды – социально-экономические и политические факторы;
- по носителю: региональная идентичность делится на идентичность, разделяемую и поддерживаемую жителями того или иного региона, и идентичность локального общества, носителем которого выступает прошлое население, мигранты и т.п.;

- по целевому признаку – как целенаправленную деятельность государства, одно из направлений реализации государственной политики;

- по институциональным признакам выделяются типы региональной идентичности, исходя из формы правления. Республика как форма правления содержит в себе больше оснований для формирования региональных идентичностей и возможностей для их диверсификации, чем монархия. Исходя из типа территориально-политического устройства, более развита региональная идентичность в федеративных, чем в унитарных государствах;

- по уровню развития региона и месту, которое он занимает в государстве. Например, не все регионы развиваются одинаково: одни более значимы в плане ресурсов, ландшафта, истории, чем другие. Так, выделяют дотационные регионы, которые обеспечивают большую прибыль в бюджет страны, и регионы-доноры. Можно отметить отличия в региональной идентичности центральных территорий и территорий, граничащих с другими государствами [1].

По мнению З.А. Жаде, региональная идентичность (общность территории, особенности региональной жизни, определенная система ценностей) является основой, как для развития общенациональной идентичности, так и для специфического понимания политических проблем на общенациональном уровне [6].

В настоящее время актуальность «регионального фактора» не снижается, а лишь варьируется в зависимости от политической обстановки. В условиях глобализации наблюдается, с одной стороны, ситуационные кризисы идентичности, с другой, – активация регионального потенциала и региональной идентичности. Осознание механизмов развития региональной идентичности и сценариев ее дрейфа необходимо для предупреждения негативной идентичности и развития ресурсов многокультуры.

Региональная идентичность в качестве фокуса, объекта отражения имеет географически фиксируемую локальность, место, территорию. Региональная идентичность – форма коллективной идентичности, когда ее носитель способен к пространственно-временной идентификации, когнитивному, ценностному, эмоциональному, регулятивному соотношению себя с внешним миром.

Когнитивный компонент составляет основное содержание региональной идентичности. В него включены знания жителей о своей региональной общности, об особенностях территории, языка, традициях, истории и т.п.

По мнению исследователя В.А. Тишкова, при формировании образов региональной идентичности наиболее значимыми факторами являются природный и культурный ландшафт, наиболее известные памятники природного и культурного наследия, исторические и политические события, знаменитые люди, чья биография и деятельность связаны с географическими объектами [11]. Образ региона включает в себя многообразие специфических символов, которые могут быть представлены в литературе, музыке, живописи, кинофильмах, документальных источниках, а также включает архитектуру, памятники и т.д.

По мнению Е.В. Головнёвой, региональную идентичность определяют не идеологические мотивы, а культурные ценности [2].

Учёные зарубежья считают, что ценностный компонент играет важнейшую роль в формировании региональной идентичности. Так, И.Ф. Туан рассматривает место как преобразованное пространство, которое наделено ценностным содержанием и имеет символическую форму. По мнению финского учёного А. Пааси читаем, что значения и символы региона являются связующим звеном между прошлым, настоящим и

будущим, а также имеют значение при понимании экономического и политического единства региона. К символам региона можно отнести его название, материальные объекты (памятники, архитектурные сооружения), значимых личностей, ритуальные действия (праздничные события, жизненный стиль регионального сообщества) [2].

Региональная идентичность – динамическая структура. Динамика заключается в изменении границ, архитектуры, ландшафта. Наряду с физическими изменениями пространства изменяются и ценностные ориентации, символы, порядок жизни, взаимоотношения людей в социуме. Следовательно, усиление или ослабление региональной идентичности может меняться в зависимости от ценностей, преобладающих в обществе, регионе, в котором проживает человек.

В рамках формирования региональной идентичности необходимо упомянуть о роли административного ресурса. К административному ресурсу относят целенаправленное создание принципиально новых значимых идентичностей: «советскости», «республиканскости» и т.п., т.е. идентичностей, преобразующих культурные и символические различия в политические [2].

К эмоциональному компоненту региональной идентичности можно отнести наиболее типичное эмоциональное реагирование жителей региона на происходящие в нём события, эмоциональная привязанность личности к определённому месту: Родина, дом, где ты вырос, любимая улица и т.п. Эмоциональная привязанность к определённым местам, как правило, окрашена позитивными эмоциями, это, так называемое, «место силы», где индивид ощущает себя спокойно, умиротворённо, надёжно.

Регулятивный компонент региональной идентичности включает в себя наличие повседневных практик восприятия опасности тех или иных территорий, избегание их посещения и выработки «безопасных» маршрутов передвижения, ритуалы посещения родственников, сакральных мест, посещение праздничных мероприятий и других, знаковых для региона, событий [2].

Таким образом, в составе региональной идентичности можно выделить когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты. Данные компоненты можно рассматривать как каналы определения и формирования региональной идентичности.

При всем различии в содержании и путях формирования региональная идентичность базируется на существенных отличиях культурного, языкового, хозяйственного, исторического или религиозного характера между регионами в рамках единого государственно-политического строя [8].

Региональная идентичность – уяснение человеком к какому сообществу он себя относит, с кем идентифицирует себя.

Региональные идентичности сформировались на разных территориях трансформирующихся стран и являются достаточно распространенным явлением в условиях длительного взаимодействия различных культур, цивилизационных моделей, экономических и социальных систем. Вместе с тем региональные идентичности могут существенно различаться по происхождению и содержанию [8].

Сегодня происходит перелом, преобразование системы ценностей жителей Донецкой Народной Республики, что закономерно порождает кризис идентичности. Кризис идентичности (личностный уровень) – разрыв связей человека с обществом, проявляющийся в невключенности большинства индивидов в социально-политическую жизнь социума, маргинализация и социальная реадaptация молодежи, неспособность адекватно осмысливать жизненные ориентиры и самоопределяться в духовно-

нравственной сфере. На общественном уровне – усугубление нравственных проблем, усиление дифференциации и дезинтеграции общества, дестабилизация межнациональных взаимоотношений. Отсутствие общей идентичности в стране – один из важнейших факторов нестабильности [5].

Кризис идентичности может привести к выбору в качестве объекта идентичности более узкого круга социальных общностей, более локальных, а порою и маргинальных. Человек, утративший чувство Родины, заполняет образовавшийся вакуум иным содержанием, идентифицируя себя с религиозными, этническими, родоплеменными, профессиональными, а то и криминальными общностями. В условиях неопределенности и частичного разрушения этнических, государственных, корпоративных, профессиональных и социальных связей, теряется или деформируется социальная модель поведения как индивидов, так и социальных групп, происходит упрощение мотивации, с одной стороны, а с другой, ее усложнение в связи с частичной переориентацией на нетрадиционные социальные и этнокультурные ориентиры.

Кризис идентичности – это, в первую очередь, столкновение привычных социальных ролей, национальной самоидентификации, прежних убеждений и представлений о себе, об обществе, о своей стране с новой реальностью. Этот конфликт усиливает актуальность возобновления единства русских с учетом региональных особенностей людей, проживающих на Донбассе.

Национальная идентичность – это отождествление человека с определенным идентификационным пространством государства, политическим и культурно-историческим сообществом [4].

Региональная идентичность жителей Донецкого региона всегда строилась вокруг человека труда. Небывалый рост промышленности, начавшийся более ста лет назад, привлёк людей, которые искали стабильный заработок и надежду на лучшую жизнь.

В XVIII веке была заложена этническая основа Донбасса, которая насчитывала более ста различных этнических общностей – русские, украинцы, евреи, сербы, греки, немцы и т.д.

На территории Донбасса начинает складываться специфическая собственная культура, ценностные ориентации, мировоззрение. Одну из первостепенных ролей в формировании региональной идентичности Донбасса играл и играет язык (русский язык).

Начиная с 90-х годов Донбасс приобретает значительный экономический вес в структуре экономики Украины в целом, соответственно представители Донецкого региона начинают активнее включаться в общеполитические процессы, на которые оказывают существенное влияние.

Происходящие социально-политические изменения в Украине с 90-х годов прошлого века по настоящее время привели к переломным моментам в сфере социальных идентичностей. Преобразования, происходящие в социальной, политической сферах на государственном уровне, закономерно коснулись граждан Украины, в частности – граждан Донбасса в плане определения своего места в украинском обществе, определения того, к какой группе относит себя личность, с какой социальной группой себя идентифицирует [8].

Одной из форм социальной адаптации личности к новым общественно-политическим реалиям явилось развитие и активизация региональной идентичности на отдельных территориях, которые характеризуются устойчивой историко-культурной, экономической и социальной спецификой, в частности на территории Донбасса [8].

На территории Донбасса постепенно выстраивается особенная региональная идентичность. С усилением и укреплением олигархической формы правления в Донецком регионе усиливается региональная идентичность его жителей.

Наряду с этим необходимо учитывать амбивалентность, неоднозначность социального содержания и последствий такой выраженной региональной идентичности.

Российский учёный М.П. Крылов определяет региональную идентичность как «волю к жизни и развитию на данной территории» [9].

Для того, чтобы ясно представлять специфику нынешней региональной идентичности населения Донбасса, нужно упомянуть, что в Донбассе на протяжении двух столетий шёл процесс смешения множества языков, влияния культурных событий, религий. Русский язык был одним из условий успешной адаптации человека к жизни в Донецком крае.

Место проживания становится главным критерием осознания себя и своего соотношения с другими. Необходимо особо отметить чувство принадлежности к своему региону, которое основывается на общих традициях, истории, мифах, героях. Например, профессиональный праздник шахтёров «День шахтера» и т.п. Вместе с тем для региональной идентичности этого недостаточно [8].

Главными чертами региональной идентичности Донбасса являются: существование в течение долгого периода Донбасского региона со своими специфическими символами, памятными датами, культурой, традициями; становление общности не только на территориальной основе, но и по этническому принципу.

Понимание взаимосвязи и взаимовлияния региональной и общенациональной идентичностей в особенности актуален в Донецкой Народной Республике, так как в настоящее время в Республике формируется идеология, свой путь развития [1].

Таким образом, проанализировав понятия идентичности, региональной идентичности, их взаимосвязь с понятием патриотизма, можно сделать следующие выводы:

1. Сохранение идентичности Донбасса – это шаг к успешному интегрированию Донецкой Народной Республики в Русский мир. Формирование региональной идентичности Донбасса – важный шаг на пути укрепления государственности и сплочения общества в процессе развития Донецкой Народной Республики. В то же время, невозможно эффективно развивать региональную идентичность, не формируя патриотизм.

2. Сегодня в Донецкой Народной Республике происходит усиление роли патриотизма как интегративной основы общества. В связи с этим патриотизм необходимо рассматривать как систему воззрений, представлений, чувств человека, как основу, на которой формируется региональная идентичность человека.

3. Параллельно с процессом формирования региональной идентичности необходимо развивать политическую идентичность. Для этого необходимо: усиление действенности существующих политических институтов в Донецкой Народной Республике, межкультурного диалога внутри Донецкого региона и за его пределами; привлечение к процессу формирования и развития региональной идентичности различных общественных, политических движений, партий, ассоциаций; совершенствование (создание, изменение, дополнение) законодательной базы Донецкой Народной Республики и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаудинов А.А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.А. Алаудинов. – Москва: изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – 30 с.

2. Головніва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура / Е.В. Головніва // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2013. № 5. – С. 42–50.
3. Донбасс: возврат к истокам Русского мира: монография / Под ред. С.В. Дрожжиной // Донецк: ГО ВПО «Донец. нац. ун-т экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2018. – 136 с.
4. Ешев М.А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности / М.А. Ешев // Власть, 2013. № 6. – С. 116–118.
5. Жаде З.А. Российская идентичность на Северном Кавказе / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже // под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: Социально-гуманитарные знания. – Майкоп: ООО «Качество», 2010. – С. 10.
6. Жаде З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях / З.А. Жаде // Философия и общество, 2007. № 2. – С. 173–185.
7. Иванова С.Ю. Патриотические основания Российской идентичности [Электронный ресурс] / С.Ю. Иванова. – Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3713 (дата обращения 15.04.2018).
8. Коржов Г.В. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г.В. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. – Киев: Институт социологии Национальной академии наук Украины, 2006. – № 4. – С. 38–51.
9. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России / М.П. Крылов // Социологические исследования, 2005. – № 3. – С. 13–23.
10. Лукинова И.А. Патриотизм как ценностная идентичность: теоретико-философский анализ / И.А. Лукинова // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы общественных наук: социология, политология, философия и история» (16 мая 2012 г.). – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. – С. 57–68.
11. Малькова В.К. Культура и пространство. Кн. 1: Образы российских республик в интернете / В.К. Малькова, В.А. Тишков. – М.: ИАЭ РАН, 2009. – 147 с.
12. Сапожникова Р.Б. Анализ понятий «идентичность»: теоретические и методологические основания / Р.Б. Сапожникова // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2005. – Выпуск 1 (45). – Серия: Психология. – С. 13–17.
13. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/identichnost> (дата обращения 08.04.2018).
14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

Поступила в редакцию 04.11.2018 г.

DONBASS REGIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF PATRIOTISM

E. A. Angelina

The article addresses the concepts of identity, regional identity, and patriotism, with the emphasis on their definition and interrelation. The need for fostering patriotism as the basis of Donbass regional identity, which has become the driving force on the way back to the origins of the Russian world, is justified.

Key words: identity, regional identity, patriotism, regional patriotism.

Ангелина Эльвира Александровна.

Кандидат философских наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: adjon@yandex.ru.

Angelina Elvira Alexandrovna.

Candidate of Philosophy, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: adjon@yandex.ru.

УДК 159.922.1:316.62

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

© 2018. *В.И. Безродный*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Приводятся результаты эмпирического исследования гендерной специфики политического самосознания молодежи Донбасса. Установлено, что существуют достоверные различия между девушками и юношами по некоторым параметрам. Полученные данные свидетельствуют о том, что принадлежность к тому или иному гендеру влияет на уровень политического самосознания молодежи.

Ключевые слова: гендер, уровень политического самосознания, мотивация достижения цели, склонность к риску.

Актуальность проблемы политического самосознания молодежи обусловлена следующими факторами:

- во-первых, после недавних политических событий в Донбассе изучение политической мысли, политических взглядов и предпочтений граждан стало очень важной частью работы психологов;

- во-вторых, интересным является вопрос, влияет ли гендер на уровень политического самосознания человека;

- в-третьих, молодежь – одна из наиболее впечатлительных социальных категорий в любом обществе. И не потому, что она не защищена социально, хотя и это очень важно, а потому, что на данном возрастном этапе происходит окончательное осознание человеком того, кем он является, какие у него приоритеты и цели в жизни. Конечно, на протяжении жизни они будут испытывать некоторые изменения, но никогда не изменятся полностью. Кроме того, молодежь, “резерв” общества, кадры, которые будут строить конкретное общество, конкретную страну. Именно поэтому молодежь является очень интересным и важным объектом для изучения.

В исследовании принимали участие две группы по 30 человек в каждой, разделенные по половому признаку. Все участники исследования являются студентами Донецкого национального университета. Возраст участников исследования от 20 до 30 лет.

Целью исследования является гендерная специфика политического самосознания молодежи.

Объектом исследования является политическое самосознание, а предметом исследования – гендерные детерминанты политического самосознания молодежи.

Основная идея (гипотеза) исследования состоит в том, что уровень политического самосознания у девушек ниже, чем у юношей.

Политическое самосознание одно из важнейших и основных понятий политической психологии. Это процесс и результат выработки относительно устойчивой осознанной системы представлений субъекта политических отношений о самом себе в социально-политическом плане, на основе которой субъект строит свои взаимоотношения с другими субъектами и объектами как внутри социально-политической системы, так и за ее пределами [2–4].

В свою очередь гендер – одно из центральных и фундаментальных понятий современного общества. Таким образом, гендер – это социальное отношение; не

биологический пол, а репрезентация каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений [1].

В нашей работе мы попробуем исследовать уровень политического самосознания студенческой молодежи и выяснить, зависит ли (и если зависит, то каким образом) этот уровень от гендерных особенностей опрашиваемых.

В качестве методов исследования использовался «Опросник измерения уровня политического самосознания», предложенный Г.В. Цыганенко; индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л. Собчик; FPI; MPI; опросник Т. Элерса «Уровень мотивации достижения цели»; опросник Г. Шуберта «Тенденция к риску»; полоролевой опросник С. Бем (BSRI) [5].

Для изучения влияния гендера на самосознание и политическое самосознание молодежи мы сравнили результаты юношей и девушек, полученные по всем методикам, применяя t-критерий Стьюдента. В таблице 1 представлены результаты сравнительных исследований по методике «Опросник измерения уровня политического самосознания» Г.В. Цыганенко.

Таблица 1

Результаты сравнительного исследования по методике «Опросник измерения уровня политического самосознания» Г.В. Цыганенко

Показатель	$M_1 \pm m$ Девушки	$M_2 \pm m$ Юноши.	P<
Позиционная конкуренция	61,5±2,09	70,7±2,68	0,01
Политическая идентификация	48,3±1,76	50,8±2,34	–
Доминантная автономизация	32,8±1,03	35,6±1,23	0,05
Властное самоутверждение	25,3±1,19	26,9±1,23	–
Прагматичная рационализация	14,7±0,36	16,0±0,64	0,05
Нормативная неуступчивость	12,1±2,67	11,3±2,49	–
Общий балл	194,8±3,38	211,3±4,93	0,01

Ниже приведены результаты исследований по отдельным шкалам.

1 шкала. «Позиционная конкуренция». Данная шкала измеряет осознанную потребность конкурировать с другими в деловых и межличностных отношениях. Высокие показатели по этой шкале указывают на то, что потребность в конкуренции, соперничестве является осознанной и человек способен делать усилия для достижения своей цели. Низкие показатели свидетельствуют, что такая потребность отсутствует, или носит неосознанный характер и она не интегрирована в когнитивную структуру личности. Количество баллов, которые может набрать испытуемый, лежат в диапазоне от 20 до 100. Низкими будут считаться показатели от 20 до 50, средними – от 51 до 80, высокими – от 81 и выше. Результаты ответов у женщин колебались от 44 до 84, тогда как у мужчин – от 44 до 92.

Как видно из таблицы 1 уровень позиционной конкуренции опрошенных мужчин статистически достоверно выше, чем женщин.

2 шкала. «Политическая идентификация». Данная шкала измеряет определенные рефлексивные шаги к определению своих политических вкусов, к выделению объектов из мира политики. Высокие баллы по данной шкале характерны для человека, с высоким мотивационным компонентом в сфере политики, который может повлиять на поведенческий. Баллы от 15 до 75. Следовательно, от 15 до 35 – низкий уровень, от 36 до 50 – средний, от 51 и выше – высокий.

Разница по этому показателю статистически не достоверна (табл. 1).

3 шкала. «Доминантная автономизация» измеряет то, в какой мере человек чувствует себя субъектом деятельности, а в какой – объектом влияния других людей. Высокие показатели по этой шкале указывают на высокий уровень самоуважения, результативности. Баллы от 10 до 50. Низкие значения от 10 до 20, средние – 21–35, высокие – от 36 и выше.

По данной шкале результаты были следующими: женщины – 32,8, мужчины – 35,6. Показатели женщин в среднем являются низкими, мужчин – средними, что указывает на то, что мужчины в большей степени чувствуют себя субъектами политической деятельности, имеют более высокий уровень самоуважения ($P < 0,05$). По нашему мнению это объясняется наличием стереотипов, которые провозглашают мужчин “творцами” мира, а женщин пассивными наблюдателями, способными лишь подчиняться действиям мужчин. Результаты показывают, что мужчины действительно больше чувствуют себя субъектами политической деятельности, чем женщины.

4 шкала. «Властное самоутверждение». Шкала описывает отношение к власти, руководству, авторитету. Высокие показатели означают, что человек осознает свою потребность во власти, способен признавать ее в своих отношениях с другими. Баллы от 10 до 50. Следовательно, низкое, среднее и высокое значение такое же, как для предыдущей шкалы.

Полученные результаты были такими: женщины – 25,3; мужчины – 26,9. Можно видеть, что по данной шкале результаты находятся на приблизительно одинаковом среднем уровне, однако у мужчин средний результат все же более высокий. Следует отметить, что данное различие не является статистически значимым (табл.1). Можно допустить, что сейчас молодежь просто не готова полностью принять на себя властные полномочия. Возможно из-за того, что страна сейчас находится на переходном этапе, возможно из-за того, что молодежь еще занята поисками себя, учебой и тому подобное, но мы считаем, что в данном вопросе гендер не играет существенной роли.

5 шкала. «Прагматичная рационализация» Она описывает веру человека в собственные интеллектуальные способности и их доминирующее значение в жизни. Высокие показатели по данной шкале характерны для людей, которые убеждены, что способны понять то, что происходит как в их собственной жизни, так и в жизни общества. Значения лежат в диапазоне от 5 до 25. Низкими будем считать значения от 5 до 15, средними – от 16 до 20, высокими – выше 21.

Полученные данные показали, что прагматичная рационализация женщин составляет 14,7 баллов, мужчин – 16. То есть низкая у женщин, и высокая у мужчин. Таким образом, данные результаты свидетельствуют о том, что исследуемые мужчины больше уверены в том, что они контролируют свою жизнь и могут объяснить, что и почему в ней происходит. Что же касается женщин, то у них такой уверенности меньше.

Как уже было сказано выше данная шкала описывает веру человека в собственные интеллектуальные способности и их значение в жизни. Мы получили следующие результаты. Женщины: низкие баллы – двадцать две, средние – восемь, высокие – ни

одной. Мужчины: низкие – пятнадцать, средние – тринадцать, высокие – двое. Как видно женщины вообще не верят в то, что могут понять хотя бы что-то в сфере политики. Мужчины же в целом тоже мало в это верят, но, по крайней мере, некоторые из них могут сказать, что они понимают как себя, так и то, что происходит в обществе.

6 шкала. «Нормативная неуступчивость». Шкала описывает отношение к творчеству, спонтанности, покладистости, кооперации с другими людьми. Высокие баллы означают отсутствие стремления к кооперации и ярко выраженную тенденцию к соблюдению установленных социальных норм и правил. Низкие баллы характерны для лиц, сориентированных на процесс деятельности и меньше на результат, для них характерным является творческое отношение к делу, которое часто мешает его завершению. Баллы от 5 до 25.

Данные по этой шкале были такими: женщины – 12,1; мужчины – 11,3. То есть, соответственно, высокий и средний показатели. Можно утверждать, что и у мужчин и у женщин имеется приблизительно одинаковая тенденция к несоблюдению социальных норм и правил. Это может свидетельствовать об общей независимости от стереотипных оценок среди молодежи. Различия по этой шкале между юношами и девушками статистически не достоверны (табл. 1).

По данной шкале и женщины (двадцать шесть лиц) и мужчины (двадцать девять) показали, что они больше сориентированы на процесс деятельности, чем на результат, а также то, что они являются творческими личностями. Высокие баллы, отсутствие устремления к кооперации и выраженная тенденция к соблюдению социальных норм не отмечена ни у одного из опрошенных. Средние баллы имели четыре женщины и один мужчина. Такие результаты указывают на наличие перспективы в развитии политической культуры населения, поскольку отсутствие ярко выраженного желания отвечать стереотипам является свидетельством гибкого мышления и беспристрастного отношения к окружающей среде, что, в свою очередь, позволяет развивать качества, необходимые для успешного политического самосознания и самосознания.

Общий балл. Суммарные значения по данной шкале находятся в границах от 65 до 325. Баллы от 65 до 180 свидетельствуют о низком уровне политического самосознания, от 181 до 220 – о среднем, от 221 и выше – о высоком.

В нашем исследовании мы получили средний показатель, как у женщин, так и у мужчин. Установлено, что общий показатель у женщин был ниже (194,8), чем у мужчин (211,3). Следовательно, уровень политического самосознания современной студенческой молодежи находится на среднем уровне. В данном случае необходимо правильно подобрать мероприятия, которые будут способствовать повышению этого уровня.

Конечно, важнейшим для нас в этом исследовании было определить – на самом ли деле уровень политического самосознания мужчин является статистически достоверно выше, чем у женщин. Высчитав t-эмпирическое (2,76), мы установили, что это значение больше табличного для уровня значимости 0,01 и действительно является статистически значимым (табл.1). Таким образом, мы можем утверждать, что уровень политического самосознания мужчин является статистически достоверно более высоким, чем у опрошенных женщин.

Что же касается распределения общего балла, который собственно и показывает уровень политического самосознания, то здесь имеем такие результаты. Женщины: низкий уровень – четыре, средний – двадцать шесть, с высоким уровнем – ни одной. Мужчины: низкий – двое, средний – семнадцать, высокий – одиннадцать.

В процессе обработки результатов, мы заметили интересную закономерность,

которая заключается в том, что показатели мужчин почти по каждой шкале были более вариативными, то есть имели место как совсем низкие, так и очень высокие баллы, в то время как показатели женщин находились на приблизительно одинаковом уровне.

Очевидно, вывод о более высоком уровне политического самосознания мужчин может быть подтвержден и более высоким уровнем мотивации достижения цели и большей склонностью к риску последних (табл. 2).

Таблица 2

Результаты сравнительного исследования по опросникам Т. Элерса и Г. Шуберта

Показатель	$M_1 \pm m$ Девушки	$M_2 \pm m$ Юноши	P<
Уровень мотивации достижения цели	14,9±0,77	18,0±0,73	0,05
Тенденция к риску	-11,5±2,68	2,3±2,96	0,001

Для того, чтобы установить наличие достоверной корреляционной связи между уровнем политического самосознания молодежи и показателями по методике С. Бем «Феминность-маскулинность», мы использовали коэффициент корреляции Пирсона.

Таблица 3

Значимые корреляционные связи

Корреляционные пары	Коэффициент корреляции	
	Девушки	Юноши
Политическое самосознание – феминность- маскулинность-	0,63*	-0,54*

Так как полученные нами коэффициенты корреляции больше табличного значения для уровня значимости 0,05, можно говорить о наличии положительной достоверной корреляционной связи между уровнем политического самосознания и показателями опросника С. Бэм BSRI у девушек и о наличии отрицательной достоверной корреляционной связи у юношей.

На основании полученных результатов корреляционного анализа мы можем утверждать, что уровень политического самосознания связан с показателями «феминности-маскулинности». Причем у девушек эта связь положительная, то есть чем выше показатели девушек по опроснику С. Бэм «Феминность-маскулинность», тем выше у них уровень политического самосознания. У юношей можно наблюдать отрицательную корреляционную связь. То есть, чем ниже показатели юношей по опроснику С. Бэм «Феминность-маскулинность», тем выше у них уровень политического самосознания.

Проанализировав результаты всех проведенных нами исследований, можно констатировать, что существуют достоверные различия между девушками и юношами по таким показателям: общий уровень политического самосознания, по шкале «Позиционная конкуренция», по шкале «Доминантная автономизация», по шкале «Прагматическая рационализация», по уровню мотивации достижения цели и успеха, по степени тенденции к риску. На основании результатов корреляционного анализа мы можем предположить, что уровень политического самосознания выше у юношей, демонстрирующих выраженную маскулинность и у девушек, демонстрирующих выраженную феминность.

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что принадлежность к тому или иному гендеру влияет на уровень политического самосознания молодежи. Однако мы не можем утверждать, что уровень политического самосознания у девушек ниже только потому, что они являются представительницами женского пола. Скорее, можно выдвинуть такое предположение: уровень политического самосознания выше у тех юношей и девушек, которые выбирают и считают привлекательными характеристики, присущие своему гендеру. То есть это те юноши и девушки, которые принимают свой гендер и комфортно чувствуют себя в его рамках. Для подтверждения этого предположения необходимо проводить дополнительные исследования с увеличением выборки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: 2002. – 500 с.
2. Милорава А.Р. Процесс политической социализации молодежи в современном российском обществе // Молодой ученый. – 2017. – №13. – С. 505–507.
3. Попова О.В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 138–162.
4. Сафонова Ю.А. Историческая память введение: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 220 с.
5. Циганенко Г.В. Питальник вимірювання рівня політико-ідеологічного самовизначення // Проблеми заг. та пед. психології. Зб. наук. праць Ін-ту психології ім. Г.С.Костюка АПН України / За ред. С.Д. Максименка. – Т. V. – Ч. 5. – К., 2003. – С. 294–298.

Поступила в редакцию 04.11.2018 г.

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF YOUTH'S POLITICAL IDENTITY (GENDER APPROACH)

V.I. Bezrodny

The article deals with results of the empirical investigation of Donbass youth political identity viewed in terms of gender specificity. It has been discovered that there are reliable differences between girls and boys according to certain parameters. The data obtained testify that the young people's gender effects their political identity.

Key words: gender, level of political identity, motivation of goal achievement, susceptibility to risk.

Безродный Владимир Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: bezrodnuy@rambler.ru.

Bezrodny Vladimir Ivanovich.

Candidate of Psychology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: bezrodnuy@rambler.ru.

УДК 159.923.2

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ЧАСТО БОЛЕЮЩИХ ПОДРОСТКОВ© 2018. *С.А. Вильдгрубе**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В статье рассматриваются особенности самоотношения часто болеющих подростков, расширены представления о самоотношении часто болеющих подростков. Конкретизировано научное представление о содержании понятия «самоотношение личности»; показана взаимосвязь самоотношения и болезни в период подросткового возраста.

Ключевые слова: личность, подростки, самоотношение.

Сегодня проблема самоотношения достаточно актуальна в общей психологии. Самоотношение рассматривается учеными с разных позиций: как сумма эмоциональных компонентов (В.В. Столин), широкий феномен в структуре личности (Т.Н. Горобец), самосознание, самопознание, эмоциональное отношение к себе (Н.И. Сарджвеладзе), самоотношение, как две основные части – когнитивная и аффективная, самопринятие (К. Роджерс), самоуважение (И.С. Кон), интегральная самооценка (В. Демс), иерархическая структура, включающая частные самооценки (Р. Шавельзон), своеобразная личностная черта, которая мало меняется от ситуации к ситуации и даже от возраста к возрасту (С. Куперсмит, М. Розенберг), любовь к себе, чувство компетенции (Л. Уэлс, Дж. Марвелл). Чаше психологическое понятие самоотношения используется как такое, которое комплексно отражает систему отношений индивида к себе. Категория отношение является ключевым для процесса формирования и развития личности, благодаря ей происходит оценка и принятие или неприятие собственного «Я». С ее помощью раскрывается становление смысловой связи, единства человека и мира, самого содержания этого единства: будет она морально конструктивной или деструктивной по отношению к индивиду. В свете современных социальных изменений актуальным становится изучение самоотношения, от особенностей которого зависит социализация и адаптация личности в обществе. Самоотношение личности, несмотря на его определенное постоянство, постоянно находится в динамике, в процессе непрерывного развития. Именно в подростковом возрасте в развитии самоотношения происходят существенные изменения, которые характеризуют его как качественно новый уровень; становления этого уровня происходит в направлениях интегрированию образа самого себя, «перемещение» его изнутри наружу. Проблему самоотношения изучали в зарубежной и отечественной психологии такие исследователи, как А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, И.С. Кон, С. Костюк, С. Куперсмит, В.В. Столин, Дж. Марвел, С.Д. Максименко, В. Мясищев С.Р. Пантелеев, К. Роджерс, М. Розенберг, Л. Уэльс, И.И. Чеснокова и др.. Они занимались изучением таких вопросов как: самоотношение как компонент самосознания, изменения самосознания в подростковом возрасте и их влияние на самоотношение, формирования эмоционально-ценностного отношения к себе, влияние социума на формирование и развитие самоотношения. На сегодня достаточно широко рассмотрена структура самоотношения (Б.С. Братусь, Е.Н. Волкова, Л.Я. Гозман, Д.И. Дубровский, С.Р. Пантелеев, А.В. Петровский, М.И. Сарджвеладзе, В.В. Столин). Теоретический анализ взглядов на феномен самоотношения как на

научную проблему дает возможность констатировать, что эта проблема занимает стойкое место среди актуальных в познании личности. Но, как в отечественной, так и в зарубежной психологической науке нет четко принятого определения и понимания данного феномена. Самоотношение – полимодальная эмоционально – ценностная система, которая выражает особенности отношения человека к самому себе и обеспечивает центрирование его внутреннего пространства, формирование смыслового вектора жизненного пути.

Специфика развития самоотношения в структуре самосознания современных подростков характеризуется ростом самосознания, стремлением к взрослости, изменением оценочного отношения к окружающим, выбором дальнейшего жизненного пути, интенсивным развитием компонентов структуры «Я-концепции», открытостью, быстрым вхождением в предлагаемые роли, особой чувствительностью к оценкам окружающих. Актуальность проблемы исследования усиливают существующие противоречия процесса развития самоотношения в структуре самосознания современных подростков: между социальной ситуацией развития и новообразованиями личности в подростковом возрасте; между новой внутренней позицией и прежним объективным положением подростка; между актуальной для подростка системой отношений с действительностью и его способностью реализовать эти отношения.

Вместе с тем, проблема особенностей самоотношения подростков, которые часто болеют мало изучена, имеющиеся в литературе данные освещают в основном медико-физиологические аспекты проблемы часто болеющих детей (В.Ю. Альбицкий, А.А. Баранов, Е.И. Андреева, Б.К. Мусина, С.М. Гавалов, Н.М. Лысенко и др.). Сведений, касающихся психологических вопросов, крайне мало, несмотря на то, что в медицинской литературе указывается на недостаточную эффективность традиционных оздоровительных и общеукрепляющих мероприятий и ставится вопрос о необходимости профессиональной психологической помощи этой категории детей (В.К. Таточенко, В.Ю. Альбицкий, А.А. Баранов и др.). Часто болеющие подростки имеют отличия от их здоровых сверстников по ряду индивидуально-психологических характеристик. Так, для них характерны выраженная тревожность, боязливость, неуверенность в себе, быстрая утомляемость, зависимость от мнения окружающих. При адекватной и даже несколько заниженной самооценке у часто болеющих детей существует негативное эмоциональное самоотношение, иногда доходящее до аутоагрессии. Эти две подгруппы подростков различаются не только по своему соматическому состоянию, но и прежде всего, они находятся в несколько различной социальной ситуации развития и разном психологическом климате. Общение с часто болеющим подростком становится схематичным: на все случаи жизни даются прямые советы, разъясняются варианты поведения. В результате подросток не нарабатывает собственного опыта взаимодействия с людьми, не учится принимать решения, отвечать за свои поступки. Действуя строго по правилам, предложенным взрослым, он перестает исследовать жизнь, не ищет границы собственных возможностей, что оказывает непосредственное влияние на формирование самоотношения подростков.

Цель данной работы - изучить особенности самоотношения подростков, которые часто болеют.

Всего в исследовании принимало участие 60 подростков 12–16 лет (6, 7, 8, 9 классы). Из них 30 подростков (23 девочки и 7 мальчиков) из группы истинно или очень часто болеющие дети (ИЧБД) – болеющие ОРВИ более четырех раз в год и более и длительно (более 10–14 дней одно ОРЗ) (основная группа). Для них характерно, помимо высокой частоты заболеваний, их более тяжелое и продолжительное течение.

Для проверки, уточнения положений исследования привлекались 30 подростков (19 девочек и 11 мальчиков) относительно часто болеющие (ОЧБД) — дети, болеющие ОРВИ 1-2 раза в год (контрольная группа). В основную группу были выбраны амбулаторные карты с пометкой «ИЧБД», в контрольную группу – амбулаторные карты здоровых подростков. Мы употребляем термин «часто болеющий ребенок», но речь не идет о диагнозе, так как врач имеет дело с клинически здоровым ребенком, который периодически болен по причине временных отклонений в защитных системах организма и не имеет стойких органических нарушений в них.

Использовались следующие психодиагностические методики: «Методика Т.В. Дембо – С.Л. Рубинштейн» (модифицированная для подростков А.Н. Прихожан) для изучения самооценки и уровня притязаний подростков; «Тест –опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) для изучения самоотношения; Шкала «Я-концепция» для детей Э. Пирса – Д.Харриса (адаптированная А.Н. Прихожан) для изучения факторов самоотношения; методика исследования качества жизни SF-36 (модифицированная Т.В. Свиридовой) для исследования связи самоотношения и оценкой собственных качеств жизни. При подборе психодиагностического комплекса руководствовались следующими принципами: сочетание методик позволяет более полно и всесторонне исследовать особенности самоотношения подростков; сочетание близких по направленности методик позволяет повысить достоверность, надежность полученных результатов. Выбор методик также зависел от следующих обстоятельств: цели исследования, образования и возраста испытуемых, особенностей контакта с ними. Обработка результатов проводилась с помощью метода математической статистики: описательная статистика, t критерий Стьюдента.

Подростки, которые часто болеют, имеют низкий уровень самооценки, слабый уровень разногласий между самооценкой и уровнем притязаний (8,8), что свидетельствует о недостаточной критичности, плохой саморегуляции. Низкий средний показатель самооценки (49,6) свидетельствует о том, что лица основной группы недооценивают свои возможности, стремятся к выполнению только самых простых задач, может мешать их развитию, недостаточно полно осознают свои сильные и слабые стороны, и как следствие, не имеют возможности адекватно строить свои отношения с теми, кто их окружает. В случае формирования такого, соответствующего индивидуальным особенностям стиля деятельности и общения вероятность серьезного неуспеха, как в профессиональных занятиях, так и в контактах, значительно увеличивается. Плохое дифференцированная самооценка (4,7), которая сочетается со средним, слабо дифференцированным уровнем притязаний (2,9), в сочетании со слабым расхождением между самооценкой и уровнем притязаний (8,8), является неблагоприятным для личностного развития, они переживают неуверенность в себе, в своей ценности для других.

Выявлены особенности проявления самоотношения (эмоциональная сторона самосознания) у подростков, которые часто болеют (результаты достоверны на 5 % и 1 % уровне значимости), большая доля лиц основной группы – 59 % – имеют высокий уровень глобального самоотношения, это свидетельствует о то, что они принимают свою личность, эмоционально положительно относятся к себе, что в целом соответствует особенностям возрастного периода исследуемой категории лиц и подчеркивает нормативность развития. Низкие показатели по модальностям дифференцированного уровня самоотношения: «Самоуважение», «Позитивное ожидаемое отношение от других», «Самоинтерес» (36,5; 38,5, и 49,0 соответственно) свидетельствуют о наличии сомнения в ценности собственной личности, потерю интереса к своему внутреннему миру.

По всем модальностям уровня самооотношения по конкретным действиям и установкам в адрес собственного «Я» преобладают показатели с низким уровнем, а именно: «Самоуверенность», «Самопринятие», «Самопонимание», «Отношение других», «Саморуководство», «Самопоследовательность», «Самоинтерес». Низкие показатели по модальностям «Отношение других», «Самоинтерес» (40,6 и 34,9 соответственно) свидетельствуют о том, что подростки основной группы не интересуются собой. Средний показатель по модальности «Саморуководство», «Самопоследовательность» (53,4) находится на нижней границе среднего уровня, что свидетельствует о плохой саморегуляции. Установка на самообвинения (высокий уровень «Самообвинение» – 72,5) сопровождается внутренней напряженностью, тревожностью и повышенным вниманием к переживаниям негативного характера.

Общее положительное самооотношение, обусловленное отношениями «Я – Социум», в основной группе имеет низкий уровень (23,7) 64 % лиц, это свидетельствует, что такое самооотношения тормозит ход личностного становления и отдельных личностных образований, таких как независимость, самостоятельность и ответственность. В дальнейшем такое самооотношения может негативно влиять на развитие социальной компетентности фактора полноценного существования в социальном мире, нахождение своего места, формирование собственной позиции и соответствующего отношения к своим обязанностям. Выявлено высокий уровень средних показателей за внутренними факторами: «Внешность» (8,6) и «Тревожность» (8,3), средний уровень показателя «Счастье» (5,4) и средний уровень по параметрам внешних факторов: «Общение» (10,6), «Школа» (3,4). Это свидетельствует об общем принятии себя, своей внешности, физической привлекательности, физического развития, достаточно реалистичное отношение к жизненной ситуации на фоне чувство неудовлетворенности в общении со сверстниками, нейтрального восприятия школьной ситуации, низкого уровня эмоционального благополучия в социальных отношениях.

Большая часть лиц основной группы (53,3%) оценивают качество своей жизни на низком уровне, такой уровень физического и психологического жизни подростков. Которые часто болеют, не позволяет им полноценно вести активный образ жизни, эффективно противостоять негативному влиянию внешней среды. Низкие показатели индексов «Удовлетворенность прошлым» (4,2), «Удовлетворенность настоящим» (3,3), «Социальная желательность» (5,4) свидетельствует о том, что эти лица оценивают психологическое прошлое как негативное, они нуждаются в любви, удовлетворения потребности в общении, испытывают чувство одиночества, в меньшей степени социально адаптированы. Сочетание низкого индекса «субъективного позитива» (54,2) и низкого индекса «субъективного негатива» (68,5) свидетельствует о том, что подросткам, которые часто болеют, свойственна непоследовательность в действиях и поведении. Оценка на низком уровне качества жизни лиц основной группы указывает на трудности в адаптации к внешним обстоятельствам.

Таким образом, самооотношение часто болеющих подростков отличается от самооотношения здоровых подростков низким уровнем самоуважения, низким уровнем самопринятия, высоким уровнем самообвинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды : в 2 т. / под ред. А.А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. – М. : Педагогика, 1980. – Т. 1. – 230 с.
2. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л. И. Божович // Вопросы психологии. – 1979. – № 4. – С. 23–33.

3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М. [и др.] : Питер, 2008. – 398 с. : ил., портр., табл. – (Мастера психологии).
4. Вилицкас Г.К. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей / Г. К. Вилицкас, Ю.Б. Гиппенрейтер // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 45–62.
5. Выготский Л.С. Основы дефектологии / Л.С. Выготский. – СПб. : Лань, 2003. – 656 с.\
6. Гозман Л.Я. Взаимосвязь отношения к себе и другим / Л. Я. Гозман, Ю. А. Алешина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. – 1982. – № 4. – С. 21–29.

Поступила в редакцию 14.11.2018 г.

SELF-ATTITUDE PECULIARITIES OF FREQUENTLY ILL ADOLESCENTS

S.A. Vildgrube

The article discusses peculiarities of self-attitude of frequently ill adolescents. The views about self-attitude of frequently ill adolescents have been extended. The concept of "self-identity" has been defined. The correlation between self-attitude and illness at the adolescence period has been highlighted.

Key words: personality, adolescents, self-attitude.

Вильдгрубе Светлана Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Wildgrube Svetlana Alexandrovna.

Candidate of Psychology, Docent

Donetsk National University.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

УДК 616.31-018.73-002

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС БОЛЬНЫХ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ И ЕГО КОРРЕКЦИЯ

© 2018. Т.А. Вилюжанина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье раскрывается специфика эмоционального состояния больных стоматологического профиля. Представлены результаты исследования психоэмоционального статуса стоматологических больных. Анализ результатов свидетельствуют о достаточно высокой эффективности коррекционной работы

Ключевые слова: психоэмоциональный статус, ситуативная тревожность, расстройства настроения, больные стоматологического профиля, психокоррекция.

Позитивное эмоциональное состояние пациента стоматологической клиники является важным фактором улучшения качества проводимого лечения, снижения риска развития осложнений, в целом, повышения качества оказания медицинской помощи. К сожалению, исследования показывают, что тревогу, страх, эмоциональное напряжение на приеме у стоматолога испытывают почти 90 % респондентов [3]. Стоматологические вмешательства в большей степени, чем другие медицинские процедуры, ассоциируются с болью и неприятными ощущениями. Посещение стоматолога часто связано с объективной болью, а также со страхом ожидания, напряженностью и тревогой, а стоматологическая терапия, несмотря на современные средства анестезии (утрата многих видов чувствительности) и анальгезии (утрата только болевой чувствительности) все еще воспринимается некоторыми пациентами как нетерпимая и агрессивная. Поэтому в повседневной профессиональной деятельности врача-стоматолога очень важным представляется определение уровня резервов психики, в том числе и оценка актуальных эмоциональных состояний пациентов. Для повышения эффективности лечения в зависимости от эмоционального состояния пациента должен быть разработан индивидуальный план лечения и определены особенности взаимодействия в системе врач-пациент.

Исследование проводилось в городской клинической стоматологической поликлинике №3 г. Макеевки, ДНР. Выборку составили 40 пациентов (17 женщин и 23 мужчины) в возрасте от 28 до 45 лет с различным уровнем образования, социального и семейного положения, с различными заболеваниями парадонта (гингивит, парадонтит, парадонтоз). Современная стоматология располагает большим арсеналом методов лечения болезней пародонта, начиная с гигиенических мероприятий и заканчивая физиотерапией. После того, как удалены зубные отложения, пациент должен пройти длительное (от 3–4 недель до нескольких месяцев) медикаментозное лечение, включающее общую и местную терапию. Ему назначают **иммуномодуляторы, витамины и инъекции в десны для насыщения их кислородом, снятия воспаления и устранения дистрофических изменений. Лечебные манипуляции, как правило, приносят ощущения дискомфорта, боли.** Все участники исследования были поставлены в известность о целях проводимого эксперимента и изъявили желание участвовать в нем.

На первом этапе исследования была использована шкала ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина. Ситуативная тревожность понимается

как состояние субъекта в данный момент времени и характеризуется субъективно переживаемым напряжением, беспокойством, нервозностью в данной конкретной ситуации. Личностная тревожность - это устойчивая индивидуальная психологическая характеристика, состоящая в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях, в том числе и тех, объективные характеристики которых к этому не предрасполагают. Испытуемые были разделены на 2 группы: первую группу составили 20 пациентов с высоким уровнем личностной тревожности, выявленной с помощью методики Ч. Спилбергера (группа Т), во вторую группу вошли 20 пациентов с низкой степенью личностной тревожности (группа Н). Уровень ситуативной тревожности высокий в обеих группах.

Для определения психоэмоционального статуса стоматологических больных был использован комплекс методик.

Идея оценки эмоционального состояния при помощи методики «СУПОС-8» (О.Н. Микшин) базируется на многокомпонентности текущего психического состояния, структуры которого в каждый данный момент неразрывно представлены мобилизующими и демобилизующими компонентами единого акта психической деятельности. В частности, в методике представлены:

1) мобилизующие компоненты:

Р – психическое спокойствие,

Е – ощущение силы и энергии,

А – стремление к действию,

О – импульсная реактивность;

2) демобилизующие компоненты:

N - психическое беспокойство,

U – страх, тревога, опасение,

D – подавленность, апатия,

S – удрученность, вялость.

Методика самооценки функционального состояния «Самочувствие, активность, настроение» (САН) (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай и М.П. Мирошников) направлена на измерение эмоционального состояния с последующей проекцией его на систему трех шкал. В контексте данной методики эмоциональное состояние понимается как целостная картина психического функционирования в ограниченный промежуток времени. Представленность этого функционирования в сознании обследуемого реализуется в оценке своего состояния через пары слов. Приведенные пары составляют в сумме оценку каждого состояния (самочувствия, активности, настроения). Авторы теста исходили из того, что функциональное состояние человека складывается из самочувствия, активности и настроения (САН), которые можно охарактеризовать полярными оценками (плохой-хороший) или дискретными. Тестовая карта содержит характеристики самочувствия (сила, здоровье, утомление) – 10 пар слов противоположного значения, характеристики активности (движение, подвижность, скорость и темп протекания функций) – 10 пар слов, характеристики настроения (эмоционального состояния) – 10 пар слов. САН нашел широкое распространение при оценке психического состояния больных и здоровых лиц, психоэмоциональной реакции на нагрузку, при выявлении индивидуальных особенностей и биологических ритмов психофизиологических функций.

В ходе стоматологического лечения возникает необходимость оценить актуальное эмоциональное состояние пациента, проследить взаимосвязь тех или иных эмоциональных состояний с продуктивностью его внешней и внутренней деятельности

и динамикой ряда личностных проявлений. Одной из эффективных для достижения этой цели экспресс-методик является проективный тест цветовых предпочтений М. Люшера. Методика цветового выбора позволяет контролировать динамику волевой и эмоциональной сфер, что дает возможность заранее предвидеть и устранять психоэмоциональные кризисы [2].

При тестировании испытуемых по методике цветового выбора (тест М. Люшера) были получены количественные психофизиологические показатели по коэффициентам Вольнефера и Шипоша (табл. 1).

Таблица 1

Оценочные параметры по тесту М. Люшера с учетом показателей коэффициентов
Вольнефера и Шипоша (%)

Группа	Коэффициент Вольнефера			Коэффициент Шипоша		
	напряжение	расслабление	норма	накопление энергии	затрата энергии	норма
Т	55	35	10	40	60	0
Н	45	55	0	25	65	10

Коэффициент Вольнефера дает возможность в соответствии со структурой выбора выявить состояние испытуемых (расслабление или напряжение). Коэффициент Шипоша также по структуре выбора выявляет тенденцию к накоплению или затрате энергии.

Полученные данные указывают, что в целом эмоционально-волевая сфера обследуемых характеризуется крайней напряженностью, тревожность возрастает и, на момент нахождения в поликлинике, держится на экстремальном уровне. Психофизиологические показатели, представляющие нейродинамическую конституцию человека (коэффициенты Вольнефера и Шипоша), также свидетельствуют о выраженной напряженности пациентов, многие из которых, по существу, находятся на грани срыва, так как «запас» волевых усилий практически полностью исчерпал себя.

В первой группе были выявлены следующие показатели: по коэффициенту Вольнефера тенденцию к напряжению имело 55 %, к расслаблению – 35 %, норма – 10 % обследуемых. По коэффициенту Шипоша: тенденцию к накоплению энергии проявили 40 %, к затрате – 60 % испытуемых.

Во второй группе по коэффициенту Вольнефера тенденцию к напряжению в разной степени показали 45 %, а тенденцию к расслаблению – 55 % пациентов. По коэффициенту Шипоша в 65 % случаев прослеживалась тенденция к затрате энергии, в 25 % – к накоплению, у 10 % испытуемых показатель соответствовал установленной норме.

Анализируя взаимосвязь показателей коэффициентов Вольнефера и Шипоша, обращает на себя внимание зависимость: состояние напряжения связано с накоплением энергии. Но в 20 % случаях, при нормальном значении одного из коэффициентов, эта зависимость не проявляется. Не исключено, что данная тенденция может быть объяснима привлечением других, дополнительных адаптивных возможностей организма пациентов для стабилизации своего эмоционального состояния.

Методика цветового выбора, помимо количественных показателей, дает возможность обнаружить и качественные, а именно – уровень тревожности, эмоциональной стабильности, работоспособности и, в конечном итоге, прогноз

стабилизации состояния эмоционально-волевой сферы. Так, большинство пациентов по данным теста цветового выбора эмоционально нестабильны. Такое положение, вероятно, объясняется тем, что все испытуемые попали в стоматологическую поликлинику с различными заболеваниями парадонта, требующими длительного, часто очень болезненного лечения, что само по себе внушает тревогу, независимо от личностных характеристик обследуемых. В наиболее неблагоприятном состоянии находятся 35 % испытуемых, и поэтому именно эта группа требует серьезной коррекционной работы, что не исключает необходимость поддержки остальных пациентов.

Обращает на себя внимание и описание испытуемыми своего самочувствия и настроения по методике «САН».

Описывая свое состояние, испытуемые первой группы самым низким показателем определяли настроение (средний показатель в баллах – 2,1), далее самочувствие (3,7 баллов), и наиболее высокой оказалась активность (3,9 баллов). Во второй группе также был низким показатель настроения (1,8 баллов), несколько выше показатель активности (2,9 баллов), а фактор самочувствия приближался к норме (4,5 баллов). Результаты по методике дифференциальной самооценки функционального состояния (САН) свидетельствуют о том, что у обследуемых все признаки – «самочувствие» (С), «активность» (А), «настроение» (Н) характеризуются резким снижением. Таким образом, на основе экспериментальных данных методики САН можно отметить, что на момент нахождения в поликлинике пациенты находятся в подавленном состоянии и не готовы к перенесению повышенных эмоциональных нагрузок. Их активность, или степень концентрации психических усилий, резко снижена, преимущественно наблюдаются расстройства настроения.

Для более глубокого и детального изучения психоэмоционального состояния испытуемых также была использована методика СУПОС-8. С ее помощью определялись отдельные компоненты мобилизующих и демобилизующих факторов, влияющих на психоэмоциональное состояние в обычной жизни и в момент эксперимента. Как следует из результатов тестирования, у испытуемых первой группы на момент обследования в отличие от обычного состояния резко возрастают демобилизующие компоненты (импульсная реактивность, психическое беспокойство, страх, тревога и т.п.). При этом в отношении мобилизующих факторов наблюдается обратная тенденция: на момент обследования, в отличие от обычного состояния, резко уменьшаются показатели, связанные с психическим спокойствием, ощущением силы и энергии и т.д. Так, например, если в обычном состоянии мобилизующие компоненты в целом составляли 85 %, а демобилизующие – 15 %, то на момент исследования они соответственно равнялись 35 % и 65 %. Характерным явилось и то, что в момент исследования на первый план выходят страх, тревога, опасения, которые резко снижают резистентность организма и приводят к появлению подавленности и апатии, удрученности и вялости.

С помощью методики СУПОС-8 было определено, что эмоциональное состояние испытуемых до наступления болезни и в период лечения существенно отличается. В повседневной жизни у испытуемых в обеих группах более выражено стремление к действию, ощущение силы и энергии. Импульсная реактивность выражена в обоих периодах приблизительно одинаково. Стоит отметить, что во время обследования в первой группе имеет место усиление влияния демобилизующих факторов, среди которых преобладают тревога, подавленность, удрученность, многократно усилившиеся по сравнению с обычным состоянием (до болезни).

В более выгодном положении оказались испытуемые второй группы. Несмотря на несколько больший процент демобилизующих компонентов до болезни по сравнению с первой группой, соотношение мобилизующих и демобилизующих факторов у них находится в относительном равновесии. Имеется тенденция к некоторому снижению компонента импульсной реактивности и незначительное преобладание компонентов тревоги, психического беспокойства. По-видимому, данная группа является по психоэмоциональным признакам наиболее подготовленной к лечению, что связано с имеющимся жизненным опытом, и, в какой-то степени, правильным осознанием своего физического состояния.

В соответствии с распространенным культурным стереотипом женщины в силу присущей им эмоциональности, чувствительности больше нуждаются в психологической поддержке. Интересно, что в нашей выборке обнаружилась обратная закономерность: мужчины в обеих группах ниже оценивают свое эмоциональное состояние, чем женщины. Предположительно, это можно объяснить тем, что мужчины ждут от окружающих эмоционального приятия и поддержки в большей мере, чем женщины.

Основной целью следующего этапа исследования было проведение тренинговых занятий для коррекции эмоционального состояния стоматологических больных.

Для снятия страха и тревоги стоматологических больных традиционно используются гипнотические техники, когнитивно-поведенческая терапия, музыкотерапия, релаксация, что значительно снижает дозы фармакологических средств, используемых для анальгезии или седации [1].

Благодаря психокоррекционным воздействиям у пациентов уменьшается страх перед стоматологическими манипуляциями, улучшается переносимость болезненных процедур [4].

При организации коррекционной программы мы руководствовались следующими принципами:

- добровольности (каждый пациент участвовал или не участвовал в программе по своему желанию);
- активности личности (положительный результат может быть получен только тогда, когда пациент активно сотрудничает с психологом, а не «отбывает повинность»);
- доброжелательности (психолог должен быть приветливым и дружелюбным, в обстановке доброжелательности пациенты лучше раскрываются);
- заинтересованности (интересные занятия не вызывают усталости, их выполнение доставляет человеку удовольствие и радость).

Режим работы тренинга был организован по схеме долговременной группы (по 2 часа 1 раз в неделю на протяжении 2-х месяцев, всего девять занятий). Такой режим способствовал переносу навыков, усвоенных на занятиях, в реальную жизнь, дал возможность участникам и тренеру понять, что удавалось, что требовало доработки. В тренинге приняли участие 12 человек. В процессе занятий использовались разнообразные психологические приемы и методы работы: ролевые игры с применением видеозаписи, психотехнические игры и упражнения и др.

Затем было предпринято изучение психологических последствий и результативности тренинговых занятий как формы психологической поддержки стоматологических больных.

Психологическая результативность тренинговых занятий определялась по данным сравнительного анализа результатов первого и повторного обследования с помощью батареи тестов: 16-PF (Р. Кеттелл, форма А), Шкалы ситуативной тревожности (Ч.Д. Спилбергер – Ю.Л. Ханин), САН, Цветового теста М Люшера.

По ряду показателей шестнадцатифакторного опросника Р. Кеттелла были получены статистически значимые различия ($p < 0,05$). Наиболее существенные из них:

фактор М – произошло значительное снижение результатов, что может быть связано с формированием у участников таких качеств, как прагматичность, реалистичность;

фактор С – повысилась эмоциональная устойчивость участников как результат групповой работы по развитию уверенности в себе, в своих силах и возможностях. Именно на это направлены многочисленные психотехнические упражнения на самопрезентацию, контроль своего эмоционального состояния, развитие умения взаимодействовать с другими людьми;

фактор Н (16-PF) – возрос уровень смелости и активности в контактах с другими людьми;

фактор L (16-PF) – снизилась настороженность участников к другим людям, повысилась их открытость в самовыражении чувств и эмоций;

фактор О (16-PF) – несколько снизилась тревожность в конце обучения; фактор Q4 (16-PF) – снизился уровень психофизической напряженности (напряжение, беспокойство, нервозность);

фактор N (EPQ) – снизился уровень нейротизма. Это связано с развитием уверенности в себе, овладением приемами общения на равных, отрабатываемых на занятиях;

фактор А (16-PF) – возросла доброжелательность участников в общении, их открытость в проявлении собственных эмоций, чувств и настроений.

Помимо этого, следует отметить улучшение текущего состояния пациентов: самочувствия, повышение активности и настроения.

Содержательный анализ изменений, которые произошли с участниками, по данным самоотчетов позволил выявить следующее.

80 % участников отметили у себя наличие значительных позитивных изменений, 17,5 % – изменений средней выраженности, и только один участник указал, что позитивные изменения или совсем отсутствовали, или были слабыми.

Наиболее значительные изменения произошли в их состоянии и самочувствии, а также в реализации активных действий по проведению оздоравливающих процедур, что связано, в первую очередь, с овладением необходимыми для этого умениями и навыками и, в ряде случаев, применением их на практике. Это позволяет говорить о возможном разрешении наиболее важных для больных проблем, в том числе носящих психологический характер.

Таким образом, проведенный статистический анализ различий результатов исследования позволяет сделать выводы о том, что коррекционная программа помогает снять стресс, страх, тревогу и боль, улучшить адаптацию пациента и его поведение во время лечения.

Данные самоотчетов свидетельствуют о достаточно высокой эффективности коррекционной работы. Обследование выявило статистически значимое повышение эмоционального состояния в результате участия в занятиях. Особенно это относится к пациентам с самыми низкими первоначальными показателями. Наиболее значительные изменения были зафиксированы по повышению настроения ($t = 3,04^{**}$), снижению уровня тревожности ($t = 4,34^{**}$), улучшению самочувствия ($t = 3,08^{**}$).

Таким образом, характер изменения оценок эмоционального состояния в процессе обучения соответствует решению основных задач психологической поддержки. Это позволяет говорить о достаточно высокой результативности групповой

работы как формы психологической поддержки, что подтверждается статистическими данными. Использование методов психологической коррекции низкоадаптивных форм реагирования на стоматологическое заболевание и лечение привело к повышению эмоциональной устойчивости участников тренинга, снижению уровня психофизической напряженности. Несколько снизилась тревожность в конце обучения. Отсутствие значительных изменений по данному фактору можно объяснить тем, что основная проблема участников занятий – выздоровление – пока еще не решена, поэтому уровень неуверенности, беспокойства еще достаточно высок. В то же время наличие общих ориентиров, новых знаний, умений, навыков, полученных в ходе обучения, приводит к росту стабильности психического состояния участников и снижению их общей тревожности.

Таким образом, коррекционная работа может выступать фактором оптимизации диагностического и лечебного процесса в стоматологической клинике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айер У. Психология в стоматологической практике / У. Айер. – СПб.: Питер, 2008. – 234 с.
2. Ерилин Е.А., Анисимова Е.Н., Анисимова Н.Ю. Методы оценки психоэмоционального состояния пациентов в условиях амбулаторного стоматологического приёма // Вестник новых медицинских технологий. – 2016. – №2. – С. 124–130.
3. Кобиясова И.В. Психология в стоматологии: важнейшие аспекты грамотного общения с пациентом // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – №1–7. – С. 297–300.
4. Митин Н.Е., Родина Т.С., Гришин М.И., Васильева Т.А. Психологическая адаптация пациентов на стоматологическом приеме // В мире научных открытий. – 2016. – № 11 (83). – С. 115–119.

Поступила в редакцию 04.11.2018 г.

PSYCHO-EMOTIONAL STATUS OF DENTAL PATIENTS AND ITS CORRECTION

T. A. Vilyuzhanina

The article reveals the specifics of the dental patients' emotional state. The results of the study of the dental patients' psycho-emotional status are presented. The analysis of the results indicates a rather high efficiency of remedial work.

Key words: psycho-emotional status, situational anxiety, mood disorders, dental patients, psychocorrection.

Вилюзжанина Татьяна Анатольевна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
e-mail: vilyuzhanina@mail.ru.

Vilyuzhanina Tatyana Anatolievna.

Candidate of Psychology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of Psychology.
e-mail: vilyuzhanina@mail.ru.

УДК 153.32+154.9

СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

© 2018. *К.В. Лох*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы исследования кафедры психологии ДонНУ, посвященные проблемам идентичности и войны. На их основе описываются особенности современного психологического состояния жителей ДНР. Делаются выводы о перспективности интегрального методологического подхода, категории «образа жизни» и важности изучения предметного значения психодуховных феноменов средствами психосемантики и психолингвистики.

Ключевые слова: идентичность, ментальность, образ жизни.

Введение. В идеологии современного общества, человеческое познание стремится к научному – ученых уважают, обращаются к ним. В повседневной жизни люди гораздо чаще пользуются «методологическими принципами» житейской психологии, которые в обиходе мы привыкли называть здравым смыслом. Однако на уровне житейской психологии в нем выражаются лишь актуальные на тот момент потребности конкретного человека, и чаще всего он является просто рационализацией.

В свою очередь, научный способ познания, стремящийся к объективности, с необходимостью игнорирует субъективный аспект. Это касается и психологии, в которой субъективное является предметом исследования. Но при этом, в рамках позитивного научного исследования неизбежно теряется целостность субъективного. Об этом писал ещё В.С. Выготский, рассматривая проблему соотношения теории и практики [3].

Выходом представляется сформулированный В.Н. Дружининым принцип дополнительности [5, с. 242]. Не имея возможности рассматривать его здесь подробно, укажем только на перспективность синтеза принципиально различных методов.

В связи с этим, в данной статье делается попытка обобщить промежуточные результаты научной работы кафедры психологии по теме «Идентичность жителей полиэтнического региона» и исследований, связанных с войной, а так же опыт достаточно большой группы психотерапевтов, имеющих дело с реальными переживаниями гражданского населения.

Целью является первоначальная оценка психологического состояния гражданского населения ДНР и определение оптимальной методологической парадигмы дальнейших исследований этой проблематики.

В ходе работы над вышеупомянутой темой по ней проводились семинары и обсуждения, поэтому методологический аппарат кафедральных исследований по ней в достаточной степени согласован. Значения основных категорий следующие.

Идентичность – система идентификаций – отнесений себя к определённым группам, то есть внутренний феномен. За счёт взаимодействия отдельных идентификаций внутри идентичности она у каждого человека уникальна. При этом различаем её подсистемы:

Личностную идентичность – совокупность характеристик, по которым субъект различает себя и других представителей своей группы.

Социальную идентичность – характеристики, по которым субъект отождествляет себя со своими (ингруппа) и отличает от чужих (аутгруппы).

Кроме того, выделяются подсистемы, которые в определённом контексте являются ведущими и определяют поведение. Например, национальную, профессиональную и т.д. В конкретных исследованиях, в которых такие подсистемы являются предметом, их обычно называют просто идентичностью [6].

Основная часть. Исторически для большинства жителей Донбасса региональная идентичность являлась ведущей по отношению, например, к идентичности граждан Украины. Социально-экономически это подкреплялось более высоким жизненным уровнем Донбасса относительно других регионов Украины. Это ярко проявилось в начале войны. Кроме того, действия пришедшего в 2014 к власти руководства Украины усилили её, создав мощный образ врага для жителей ДНР, активно эксплуатируемый нашей пропагандой. Как известно, именно наличие общего врага наиболее эффективно способствует консолидации группы, и, соответственно, увеличивает удельный вес идентификации с ней.

Характерно, что ещё в 2008 году доцент И.Н. Некрасова, анализируя проблемы этнической ментальности (в её контексте это понятие близко к этнической идентичности), указывала, что этническая консолидация несовместима с утратой этнической толерантности или желанием одного этноса оказать давление на другой этнос [7]. Между тем, именно такая политика велась ещё правительством Ющенко с 2005 года.

В этом же исследовании И.Н. Некрасова сформулировала принцип «*ментальной ассимиляции*», согласно которому, независимо от принадлежности к актуальной или базовой ментальности, *широкие, устойчивые и однородные ментальные пространства ассимилируют вариативные и узкие*. Вот таким широким и устойчивым ментальным пространством был Донбасс, ассимилировавший, прежде всего, этническую ментальность в её узком значении.

С началом войны стала актуальной бывшая прежде латентной (о ней особо не задумывались) идентификация с русскоязычными, и шире – с Русским миром. Это было обусловлено, в частности, разрушением и так слабо сформированной у жителей Донбасса идентичности граждан Украины. Большое влияние оказал пример Крыма, и 11 мая 2014 года на референдум о создании ДНР пришло больше людей, чем на любые украинские выборы. Кроме того, реальная опасность тоже усиливала потребность в идентификации с мощной группой – с Россией и Русским миром.

Из работ И.Н. Некрасовой уже во время войны следует отметить исследование особенностей этноментальной регуляции построения жизненной перспективы в молодом возрасте (2016). В нём она пришла к выводу о том, что «*этничность является неотъемлемой характеристикой каждого человека, и даже в неактуализированном состоянии она во многом определяет содержание психических процессов индивида, его стереотип поведения и стили взаимодействия с другими людьми. А мобилизованная этничность становится важнейшим фактором политической динамики*».

На тех же теоретических позициях, а также на подробнейшей разработке «образа жизни» как психологической категории, базируется исследование И.Н. Некрасовой психологических особенностей формирования патриотизма в условиях полиэтнической общности как ценностно-смысловой модели субъективного отношения к своей роли и статусу субъекта как члена полиэтнической общности. Автор выделила единицы структурного анализа патриотизма как психологического феномена, проанализировала условия формирования в контексте таких смысловых структурных образований личности как идентификация и менталитет.

Доцент С.В. Руденко в течение войны изучала проблемы обучения психологии студентов в период нестабильности в контексте формирования идентичности, динамики социальной идентичности студентов, временной перспективы личности в контексте социальной идентичности.

Особо следует отметить выполненное студенткой М.Н.Василенко под её руководством исследование представления молодежи ДНР о современном военном. В частности, в нём было установлено, что в представлении обследуемых военные выглядят как сильные, смелые, мужественные, склонные к риску, в некоторых моментах ненадежные, им присущи необдуманные поступки. Подчеркивается их склонность бороться за справедливость, готовность, при необходимости, в любой момент прийти на помощь, некоторая прямолинейность. Помимо этих характеристик присутствуют, в меньшей мере и такие как «враг», «устрашитель», «злой» и др. Действительно, для части гражданского населения ДНР именно военные являются своеобразным триггером осознания войны и объектом проекций. Очевидно, что это обусловлено прежде всего работой психологических защит.

Под руководством заведующей кафедрой доцента А.В.Гордеевой студентка И.А. Анисимова изучала формирование этнической идентичности донецких школьников и связь этнических стереотипов с этнической идентичностью студентов. В первом из них установлено, что подростки тесно связывают качества, приписываемые жителям ДНР и русским, подчёркивая их близость, показывая свой союз и идентичность с жителями России, и наоборот, сходства с украинцами у них значительно меньше. То есть, на формирование у детей этнической идентичности большое влияние оказали военные действия в республике, причем процесс формирования идентичности у младших школьников и младших подростков проходит более спокойно, чем у старших подростков, именно у них чаще наблюдается высокий уровень этнической неопределенности.

Во втором из упомянутых исследований у студентов была обнаружена достоверная взаимосвязь между выраженностью этнических стереотипов и различными типами этнической идентичности.

Конкретнее, у испытуемых с высоким уровнем готовности идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов наблюдается резко негативное отношение к малым этническим группам, а так же негативное эмоциональное отношение к людям не своего народа.

Испытуемые с размытой этнической идентичностью, выраженной в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности склонны негативно отзываться об образе жизни как своего, так и других народов.

Испытуемые, у которых наблюдается отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию, склонны принижать направленность других людей, то есть считает, что окружающие ни к чему не стремятся, не имеют целей.

У испытуемых с высоким уровнем этноэгоизма наблюдается склонность приписывать окружающим такие черты как лень, неспособность к работе, тунеядство.

Студентка Н.И. Марунчак, тоже под руководством А.В.Гордеевой, изучала этническая идентичность дончан в условиях военного времени. Обнаружены высокий уровень этнической неопределенности и обратная связь между этнической идентичностью и толерантностью. То есть, война влияет не только на уровень толерантности, но и, особенно сильно, на выраженность этнической идентичности. Этот результат представляется весьма важным и требует дальнейшего изучения.

В исследовании Ю.Плавской под руководством доцента Т.Б.Ильиной (2018) изучались психологические особенности этнических стереотипов личности. Обнаружено, что стереотипы выборки с выраженной идентичностью являются более критичными, чем в выборке с размытой. При этом отмечено, что автостереотипы и описания известных, близких этносов (украинцы, русские) более четкие в выборке с выраженной идентичностью, а гетеростереотипы и описания более редко встречающихся на

территории Донбасса этносов (белорусы, греки, татары) четче и определеннее в выборке с размытой идентичностью. Оба эти наблюдения могут являться следствием этноцентризма, который напрямую зависит от выраженности идентичности испытуемых.

Доцент В.И. Безродный и студентка В.В. Стецюра изучали связь между этнической идентичностью и субъективным благополучием молодежи ДНР. Они выяснили, в частности, что этническая принадлежность к группе в целом имеет эмоционально-положительную направленность. Студенты, оценивая «жителей ДНР» обнаруживали позитивную выраженность чувств в сравнении с другими объектами, а при оценке «Украинцев» доминируют нейтральные чувства. Подобная динамика может быть отражением текущих социальных процессов и связанных с ними переживаниями, отражающихся и в формировании идентичности.

При оценке «Украинцев», «Русских» и «Других» преобладают позитивные переживания в контексте культурно-исторической причастности к своей этнической группе; в оценке «студентов ДНР» – позитивные переживания в сочетании с потребностью в сплоченности со своей группой. Особенностью оценки «украинских студентов» является ориентация на общечеловеческие ценности, «русских» – на исторический опыт своего народа, «Других» – на ценность семьи как хранителя этнических традиций, «ДНР» – на ценностно-смысловые категории в контексте формирования новой общности. В структурной организации этнической идентичности преобладает этнонорма (позитивный тип идентичности) в сочетании с индифферентными установками.

Корреляционные связи позволяют предположить, что удовлетворенность жизнью, достижения в повседневной деятельности могут повлиять на укрепление этнического самосознания. Интересно влияние значимого социального окружения на этническую индифферентность и этнический фанатизм: с одной стороны, социальное окружение может стать фактором ослабления этнической идентичности, с другой – основанием для переживания чувства превосходства своей этногруппы над другими. Тем более, установлено, что субъективное неблагополучие, связанное с жизненными трудностями, может актуализировать потребность в социальных внутригрупповых связях, а удовлетворенность членством в группе может быть существенным фактором удовлетворенности условиями жизни.

Мы привели результаты этого исследования более подробно по двум причинам. Первая – субъективное благополучие имеет явно предметное содержание, что указывает на необходимость психолингвистических и психосемантических исследований. Вторая – в нашем, всё-таки преимущественно «западном» сознании, субъективное благополучие является ведущей целью («главное – чтобы мне хорошо жилось»), и именно оно определяет выборы в жизни. Даже среди военных сейчас позиция «общественное выше личного» в меньшинстве, в отличие от ополчения 2014 года. И они испытывают хроническую фрустрацию из-за своего отличия и невозможности в нём реализоваться.

Здесь хотелось бы дополнить результаты строгих научных исследований рефлексией социальных процессов на основе общения с коллегами-психотерапевтами. Дело в том, что они регулярно получают весьма глубокую, даже интимную, информацию о переживаниях своих клиентов, и регулярно же делятся ею друг с другом, «не раскрывая источник». Информацию из этого источника можно обобщить следующим образом.

Относительное субъективное благополучие жителей ДНР обеспечивается за счёт множества психологических защит («отморозка»), в меньшей степени – за счёт психодуховной трансформации. «Защитность», то есть высокое неосознаваемое

психологическое напряжение, проявляется в ряде феноменов. Наиболее распространённый – снижение функционирования когнитивных процессов: кратковременной памяти, концентрации внимания и т.п. Забывают сказанное минуту назад, не могут сконцентрироваться и т.п. На это жалуются даже молодые люди.

На уровне эмоционального состояния сейчас популярная жалоба – «панические атаки» – кратковременная острая тревога и страх без объективного повода. Содержание этих переживаний индивидуально или размыто: человек не понимает, что с ним, но очень страшно.

На уровне личности обостряются уже имевшиеся психологические проблемы. Также напряжение проявляется в межличностных конфликтах с близкими людьми – разводов стало больше. При этом крайне редко клиенты рассказывают о своих переживаниях, связанных с войной непосредственно. Стараются забыть, и у многих получается.

На уровне физиологии, по сообщениям врачей, очень выросло количество психосоматических расстройств, «малой психиатрии», и реальная смертность от онкологии и сердечно-сосудистых заболеваний, особенно у людей старше 60 лет. Очевидно, что именно старикам труднее всего приспособиться к военному стрессу.

Аспирантка Н.В. Король изучала механизмы психологической защиты как факторы, препятствующие развитию посттравматического синдрома у участников боевых действий. Она, в частности, обнаружила, что такие психологические защиты, как отрицание и интеллектуализация, особенно вместе, способствуют снижению проявлений таких симптомов посттравматического стресса как, притупленность эмоций, общая тревожность, проблемы со сном. И, наоборот, такие защиты, как подавление и замещение не являются успешными, а усиливают проявление симптомов ПТСР. Представляется, что это так и для гражданского населения, хотя стресс у него гораздо меньший.

Итак, изучение проблемы идентичности, а мы привели лишь некоторые её исследования, создаёт основу для дальнейшего разворачивания научной программы, и наиболее перспективное направление – изучение «языка войны».

Ещё одно направление в «военных» исследованиях кафедры – «адаптационное». Здесь приведем два исследования под руководством доцента К.В. Лоха. Оба теоретически основаны на теории стресса Г. Селье и Л.А. Китаева-Смыка.

Студент В.В. Богма, работающий психологом в армии ДНР и имеющий боевой опыт, исследовал психические особенности динамики боевого стресса. Он установил, что у военнослужащих, переживавших кризис адаптации, среди симптомов ПТСР доминируют «возбудимость» и «депрессия», что указывает на астенический характер их психологического состояния. А корреляционный анализ подтвердил, что в среднем больший срок службы связан с большей адаптированностью. При этом кризис первичной адаптации происходит в среднем через месяц после начала службы в боевых условиях, а вторичной – на 7–9 месяце. Военнослужащие с низкой нервно-психической устойчивостью переживают эти кризисы тяжелее.

Весной 2015 года, то есть сразу после Минского перемирия, студенткой К. Векличевой было проведено довольно масштабное (224 испытуемых и большая батарея тестов) исследование адаптации мирного населения к военному стрессу. Главный результат – обнаружение трех примерно одинаковых по численности типа адаптации к условиям длительного стресса.

Первый, «изоляционный», заключается в том, что человек не пытается структурировать будущее, сужает круг и характер своего общения. Это позволяет оставаться в зоне определённого психологического комфорта, но не является конструктивным способом адаптации.

При втором, «пассивном», человек плывёт по течению. Например, сужает или расширяет своё общение под влиянием социального окружения, которое стабилизирует его, если само структурировано.

Третий, «творческий», заключается в попытках развиваться и приспосабливаться на более высоком уровне, расширяясь и создавая новое. Этот способ связан с повышенным расходом энергии и переживанием дискомфорта. Однако именно он является наиболее конструктивным в перспективе.

Кроме того, установлено, что большинство обследованных испытывает стрессовый кризис первого ранга. В актуальном переживании примерно поровну стенических и астенических состояний. В когнитивном аспекте он проявляется некоторым снижением способности к обобщению своего состояния, оно становится более фрагментарным на осознаваемом уровне.

Работающие дончане в среднем отмечают у себя меньшую «подавленность» и «апатию», у них более выражена тенденция к расходу энергии. Этот факт в совокупности с остальными позволил сформулировать следующую закономерность приспособления. Большинство обследованных испытывают несколько повышенное психическое напряжение, естественное для стрессового кризиса первого ранга. За счёт социальной и профессиональной или просто эмоциональной активности это напряжение совершает работу по структурированию реальности и будущего, по осознанию собственного состояния.

Кроме этих, целенаправленных, работ, любое психологическое исследование так или иначе описывает адаптацию – мета-функцию психики, и в этом отношении есть очень много материала.

Ещё одно направление в кафедральных исследованиях можно назвать «психодуховным», его предметом является картина мира, ценности, смыслы и другие культурные феномены. Выше упоминалось, что примерно треть обследованных дончан в 2015 году адаптировались через личностный и духовный рост. Социально это проявляется, например, в установившейся «театральной» традиции. С начала войны появилось много инициативы «снизу» – дискуссионные клубы, самодеятельность, фестивали etc, которых не было до войны. Снова популярна йога, увеличивается количество обращающихся на немедицинскую психотерапию, а это очень серьёзный шаг в личностном росте. Конечно, это свойственно не всем, но это есть.

В этом направлении под руководством доцента Э.А. Ангелиной изучалось культурное разнообразие в контексте глобально-интеграционных процессов, описаны существенные характеристики политической картина мира подростков, отражение в их сознании духовно-нравственных ценностей Русского мира [1; 2].

Старший преподаватель Н.В. Голышева выделила факторную психосемантическую структуру понятий «эмпатия» и «сострадание», и обнаружила, что их оценка отличается по таким шкалам семантического дифференциала, как отзывчивость, альтруизм, сопричастность, душевность, печаль, чувствительность – по «состраданию» эти характеристики более выражены [4]. Пока не обнаружена в этом специфика именно дончан, но можно утверждать, что понятие сострадания у них достаточно дифференцировано и обладает для них специфическим значением.

Заключение. Таким образом, можно утверждать, что кафедра психологии вполне использует уникальную возможность для исследования людей в субэкстремальных условиях. При этом обозначается необходимость методологического осмысления сделанной работы.

Выводы

1. Ситуация, в которой более четырех лет находится население ДНР, создаёт угрозу его психологической дезадаптации, и одновременно – возможность адаптации

на более высоком уровне.

2. Для того, чтобы психологические исследования могли способствовать, через реализацию в психологической практике, второму варианту, в их содержание следует больше включать психодуховные феномены.

3. Методологически при этом следует уделить особое внимание изучению психики через феномены культуры средствами психосемантики и психолингвистики. Это позволит изучать репрезентацию в сознании предметного содержания жизни жителей Республики.

4. Теоретически перспективными для этих исследований являются метасистемные категории «образ жизни», «адаптация», и «духовность» как интегрирующий аспект психики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангелина Э.А. Духовно-нравственные ценности Русского мира / Материалы Международной научно-практической конференции «Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения» (г. Донецк, 24 октября 2018 г.) // под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 375–378.

2. Ангелина Э.А. Сущностная характеристика понятия «политическая картина мира» / Материалы III Международной научной конференции «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 25 октября 2018 г.) // под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 145–147.

3. Выготский Л.С. Психология / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.

4. Голышева Н.В. Исследование факторной структуры понятий «эмпатия» и «сострадание». Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК.

5. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 320 с.

6. Изучение этнической идентичности, толерантности, установок, стереотипов: Диагностические методики. Учебное пособие / А.А. Кацера, М.И. Яновский, А.В. Гордеева. – Донецк: ДонНУ. 2017. – 95 с.

7. Некрасова И.Н. Ментальные детерминанты межэтнических взаимодействий // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави: зб. наук. праць / [авт. – упоряд. В.О.Васютинський та ін.]. – Київ: Міленіум, 2008. – Вип.8. – С.365–376.

Поступила в редакцию 05.11.2018 г.

CONTENT AND METHODOLOGY OF IDENTITY RESEARCH IN THE CONDITIONS OF MILITARY CONFLICT

K.V. Lokh

The article deals with the research by the Department of Psychology of Donetsk National University of the problems of identity and war. The peculiarities of the current psychological state of the DPR residents are described. Prospects of an integral methodological approach, the category of “lifestyle” and the importance of studying the substantive meaning of psychospiritual phenomena by means of psychosemantics and psycholinguistics are foregrounded.

Key words: identity, mentality, lifestyle.

Лох Константин Владимирович.

Кандидат психологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: klokh@rambler.ru.

Loch Konstantin Vladimirovich.

Candidate of Psychology.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: klokh@rambler.ru.

УДК 159.9.01

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ У МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

© 2018. *М.Ю. Рогозина*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены особенности гендерных стереотипов мальчиков-подростков их неполных семей и доказывается, что они имеют качественные и количественные различия по сравнению с гендерными стереотипами подростков из полных семей. Доказано, что на процесс формирования гендерных стереотипов мальчиков из неполных семей в значительной степени влияют отношения с матерью, а в полных семьях связь между этими параметрами значительно меньшая.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерная идентичность, маскулинность, фемининность, неполная семья.

Приоритеты развития человека как личности, его прав и свобод в современном мире требуют глубокой трансформации общественного сознания, что не может не привести к изменению устоявшихся гендерных ролей и стереотипов. Общество с его историческими и культурными достижениями закладывает такой сценарий формирования гендерной идентичности, который сочетает в себе как социально типичные на данном историческом этапе, так и индивидуальные черты личности, которые выступают составляющими образа Я.

Гендерные стереотипы и представления являются важными компонентами самосознания молодого человека, поскольку определяют не только способы взаимодействия между полами, будущие семейные и профессиональные роли, но и стиль жизни в целом, жизненные позиции личности и пути их полноценной реализации. Гендерные стереотипы и установки о гендерных ролях интегрируются в структуру «Я» и определяют систему представлений индивида о себе как мужчине или женщине. Усваиваются такие представления личностью с детства в процессе социализации, основным институтом которой для ребенка является прежде всего семья. Несогласованность гендерных стереотипов, дисбаланс притязаний и ожиданий, деформация полового сознания за счет обеднения или искривления семейных нормативов полоролевого поведения приводит к дезориентированности юношей и девушек относительно своего реального Я и возможных путей достижения Я-идеального.

Стереотипизация может рассматриваться как на индивидуальном, так и на групповом уровне, это один из социально-психологических механизмов, направленных на формирование группы и поддержания идентичности личности в группе. В социальной психологии стереотипы рассматриваются как относительно устойчивые, упрощенные по содержанию схематизированные представления об определенном социальном объекте, выполняющих когнитивную, аффективную и социальную функции.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях проблема гендерных стереотипов рассматривалась в нескольких аспектах: создание и закрепление стереотипов в обществе (В.С. Агеева, Г.М. Андреева, С.Г. Айвазова, О.О. Воронина, Т.В. Говорун, О.М. Здравомыслова); гендерная социализация детей и подростков (И.С. Клецина, Д.В. Воронцов, Л.В. Попова, О.М. Кикинджи, И.С. Кон,

Н.А. Коноплева, В.Е. Каган); влияние гендерных стереотипов на профессиональную самореализацию человека (Т.В. Говорун, Л.М. Долгих).

Гендерные стереотипы, по определению И.С. Клециной, это существующие в сознании человека нормативные модели поведения и психологических характеристик мужчин и женщин. Эти упрощенные и схематические модели характеризуются согласованностью, схематичностью, упрощенностью, эмоционально-оценочной загруженностью, устойчивостью, ригидностью и неточностью. Они помогают человеку систематизировать информацию о мужчинах и женщинах не только как о индивидах, но и как о представителях крупных социальных групп [3].

Долгих Л.М. рассматривает гендерный стереотип как структуру, состоящую из отдельных компонентов: личностных черт, которые считаются мужскими или женскими; типичных для пола видов деятельности; поло-соотнесенных профессиональных и социальных ролей и стереотипной оценки внешних данных [2].

Гендерные стереотипы неизменно связаны с приобретением личностью гендерной идентичности. Среди механизмов, обеспечивающих принятие гендерной роли и становление гендерной идентичности, выделяют имитацию (подражание), отождествление, эмпатию, которые действуют преимущественно на ранних стадиях развития ребенка, а также самоидентификацию, самокатегоризации на более поздних этапах.

Становление гендерной идентичности в детстве проходит несколько стадий (Ш. Берн): стадию половой идентификации (отнесение себя по определенному полу), стадию половой константности (понимание того, что пол изменить невозможно), стадию дифференциального подражания (стремление проявить себя наиболее в наибольшем соответствии со своим полом), стадия гендерной саморегуляции (ребенок сам контролирует свое поведение, применяет к себе определенные санкции).

Кроме указанных стадий большинство авторов выделяют стадию гендерной интенсификации, которая активно происходит в подростковом возрасте и связана с преувеличенным стремлением ребенка отвечать гендерным ролям. Особую роль в становлении подростка на этом этапе играет идентификация с родителями и сверстниками, подражание образцам взрослых мужчин и женщин, уподобление значимому другому, отождествление с ним, заимствование его основных характеристик, что определяется характером отношений, формами общения подростка с родителями, взрослыми и сверстниками [1].

Подражание ролям мужчины и женщины, отцовской и материнской модели поведения и восприятия себя в окружающем мире становится одной из главных доминант развития гендерного самосознания в подростковом возрасте. Родительская семья, со всеми тонкостями ее внутреннего и внешнего взаимодействия, остается подвластной многим гендерным стереотипам, которые существуют в обществе, и является важнейшей детерминантой становления полоролевой идентификации подростков [4].

Рассматривая роль семьи в социализации ребенка важным является изучение особенностей влияния семьи на этот процесс в зависимости от ее состава и особенностей функционирования. Неполная семья традиционно рассматривается исследователями как фактор возможного нарушения социализации, в частности гендерной, что обусловлено ограниченной представленностью в данной социальной группе семейных и гендерных ролей. Исследования показывают, что дети, которых воспитывают только матерью, испытывают трудности в социальной адаптации, выборе брачного партнера, воспитании собственных детей. Главная проблема неполной семьи – трудности создания у ребенка целостного мужского и женского образа.

Значимым фактором установления нормальных и комфортных отношений с противоположным полом является сформированность у подростка стереотипных представлений о маскулинных и фемининных качествах личности, о мужском и женском стиле поведения в обществе. В случае неполной семьи, усвоение данных характеристик может проходить с определенными трудностями, поскольку нет образца, по которому они могли бы усваиваться и интериоризироваться, отсутствует возможность восприятия подростками реальных отношений между мужчиной и женщиной.

Образ отца чрезвычайно важен для гендерного развития ребенка: у мальчиков он способствует привлечению их к мужской субкультуре, развитию социальной активности, у девочек – формирует стандарты будущих межполовых взаимоотношений. Отсутствие или извращенность этого образа приводит к ослаблению типичной позиции мужчины-кормильца и усилению роли женщины, способствует изменениям в представлениях ребенка о традиционной структуре характеристик маскулинности и фемининности, ведет к нейтрализации гендерных стереотипов и установок о традиционных гендерных ролях. По мнению психологов, чем дольше ребенок будет жить без отца, или другого человека, который будет его эффективно заменять, тем больше вероятность возникновения трудностей или нарушений гендерной идентификации ребенка.

Ситуация отсутствия отца сильнее отражается на гендерной социализации мальчиков: у них медленнее чем у детей из полных семей, возникают черты, присущие мужской роли, сложнее формируется полоспецифическая модель поведения, чаще проявляются зависимость и агрессия как компенсация при усвоении стереотипной мужской роли или гипертрофированность мужской роли вследствие отсутствия ориентиров стереотипных гендерных отношений (И.С. Клецина, И.С. Кон). Проблема может усиливаться и тем, что одинокая мать часто способствует созданию у мальчика негативного образа отсутствующего мужчины-отца.

Несмотря на значительное количество работ по гендерной тематике, проблема гендерных стереотипов остается недостаточно разработанной: в исследованиях достаточно полно определен большой массив стереотипов, присущих мужскому и женскому образам, но часто они строятся по принципу «бинарной оппозиции»; отсутствует корректная таксономия гендерных стереотипов, что затрудняет процесс их определения и изучения; рассматривается большое количество социализирующих агентов, которые влияют на формирование гендерных стереотипов, но теории, объясняющие механизмы их влияния на процесс гендерной стереотипизации часто являются очень противоречивыми.

Стоит также отметить, что исследования гендерной стереотипизации в значительной степени посвящены изучению стереотипного женского образа и процесса его формирования у девушек, а особенности мужского образа и пути гендерного стереотипизации мальчиков и юношей остаются рассмотренными недостаточно.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей гендерных стереотипов у мальчиков-подростков из неполных семей и связь этих стереотипов с особенностями функционирования семьи подростка.

Исследование гендерных стереотипов проводилось на базе семейного центра г. Донецка, в исследовании принимали участие 60 подростков 30 – мальчики из неполных семей и 30 – из полных.

С целью определения сложившихся у подростков гендерных стереотипов были использованы: модифицированный вариант опросника С. Бем «Маскулинность и

фемининность» для выявления подверженности личности стереотипам маскулинности-фемининности, опросник «Я-мужчина, я-женщина», с помощью которого определялась склонность подростков характеризовать собственную личность как соответствующую или несоответствующую гендерному стереотипу, тест «Кто Я» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой) для определения того, какие семейные, межличностные, профессиональные и другие социальные роли выбирает для себя подросток в качестве значимых.

Анализ результатов примененных методик позволил выявить ряд различий в сложившихся у подростков из семей разного типа стереотипных мужских и женских образах. Мальчики из обеих исследуемых групп в женском образе отмечали как женские, так и некоторые традиционно маскулинные характеристики, но у испытуемых из неполных семей (в сравнении с полными) стереотипный женский образ имеет достоверно большее количество маскулинных черт ($t = -1,61, p \leq 0,05$).

Среди фемининных черт стереотипной женщины подростки из неполных семей отмечали те, которые в определенной степени определяют особенности межличностного взаимодействия (понимание других, нежность, способность успокоить), а мальчики из полных семей добавляли черты, которые характеризуют женщину, как представительницу «слабого пола», которая требует поддержки. Необходимо отметить, что у подростков из полных семей в стереотипном женском образе выделяются те маскулинные черты, которые касаются деятельности, путей достижения цели, а у юношей из неполных семей – и черты, которые характеризуют жизненную позицию и способы взаимодействия между людьми.

Анализ сложившегося мужского образа в группах испытуемых позволяет констатировать, что дети из неполных семей в меньшей степени подвержены влиянию социальных стереотипов: в их характеристиках «настоящего, идеального» мужского образа отмечается достоверно меньшее количество маскулинных и большее фемининных черт, чем у подростков из полных семей ($t = 3,05, p \leq 0,01$ и $t = -1,85, p \leq 0,05$ соответственно). Таким образом, можно сделать обобщение, что в исследуемой выборке у подростков из неполных семей представления о модели поведения и чертах характера, которые сконцентрированы в гендерных стереотипах и соответствуют понятиям «мужское» и «женское» сформированы в меньшей степени.

Гендерная идентификация у подростков из полных и неполных семей также имеет определенные особенности. У испытуемых из полных семей в собственных самохарактеристиках часто встречаются гендерно окрашенные определения своей текущей и будущей социальной роли. Личностные характеристики определены незначительно, имеет место большое количество гендерно-нейтральных характеристик. У мальчиков из неполных семей характеристики собственной социальной роли как представителя определенного пола встречаются редко и практически не связаны с семьей.

Анализируя соответствие между стереотипным мужским образом и собственным образом Я подростков из полных и неполных семей стоит отметить некоторые особенности. Свой образ подростки из неполных семей видят более мужественным, но их ответы свидетельствуют об определенной неуверенности и необходимости подтверждения своей мужественности окружающими. Испытуемые же из полных семей чаще подчеркивают соответствие своего Я не гендерному, а социальному статусу.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что у мальчиков-подростков из полных семей стереотипы маскулинности и фемининности сформированы в большей степени, чем у их сверстников из неполных

семей. В стереотипах последних происходит сочетание качеств и черт, присущих мужчинам и женщинам как в стереотипном мужском, так и стереотипном женском образе, имеет место размывание представлений о моделях поведения, соответствующих понятиям «мужское» и «женское».

Для определения связи между гендерными стереотипами подростков из неполных семей и параметрами детско-родительских отношений был использован корреляционный анализ. Результаты свидетельствуют о том, что положительное отношение матери к мальчику связано с маскулинностью стереотипного мужского образа, сформированного в ребенка ($r = 0,398$, $p \leq 0,05$). Директивность и авторитарность матери связана с появлением в стереотипном женском образе, сформированном у мальчиков, маскулинных черт, а стереотипный мужской образ приобретает фемининные характеристики ($r = 0,401$, $p \leq 0,05$ и $r = 0,430$, $p \leq 0,05$ соответственно). Вероятно, директивная воспитательная позиция матери приводит к тому, что у детей из неполных семей женский образ стереотипно воспринимается как частично маскулинный, со всеми типично мужскими чертами, связанными с уверенностью, настойчивостью и решительностью в достижении цели. При этом мужской образ, с которым они себя отождествляют, становится более зависимым и несамостоятельным, более фемининным. Таким образом, высокая директивность и жесткий контроль со стороны матери приводит к некоторой неопределенности стереотипного женского образа у детей и недостаточному осознанию ими собственной мужественности.

Враждебность матери в отношениях с сыном имеет обратную связь с маскулинностью стереотипного мужского образа, сформированного у подростков из неполной семьи ($r = -0,407$, $p \leq 0,05$). Авторитет матери с такими воспитательными установками в неполной семье достаточно значителен, что может приводить к зависимой позиции сына, отрицанию возможности проявления в маскулинных характеристик в нем самом и уменьшению части типичных маскулинных характеристик в стереотипном мужском образе.

Автономность в отношениях подростка с матерью имеет обратную связь с показателями маскулинности женского образа и показателями фемининности мужского ($r = -0,415$, $p \leq 0,05$ и $r = -0,424$, $p \leq 0,05$ соответственно). Для правильного и адекватного формирования у мальчиков стереотипных мужских и женских образов необходима адаптивная форма авторитета матери, которая предусматривает предоставление ребенку достаточной самостоятельности, возможности проявления у мальчика черт, которые согласованы с существующим в обществе гендерными маскулинными стереотипами.

Выявлена также связь между факторами оценки сыном силы и доминирования матери и маскулинностью их стереотипного женского образа. Высокие значения силы и доминирования свидетельствуют о том, что мать воспринимается детьми как уверенная в себе, независимая, склонна к доминированию в отношениях. Поскольку такие характеристики, которые традиционно считаются мужскими, приписываются подростками женскому образу, то и стереотипный женский образ становится более маскулинным.

В процессе изучения возможности существования связи детско-родительских отношений в семье и гендерных стереотипов у подростков из полных семей значимых показателей не выявлено. Тенденции к существованию связи между параметрами, , имели разногласия с теми результатами, которые были получены для выборки детей из неполных семей: маскулинность стереотипного мужского образа юношей из полных

семей положительно коррелирует с фактором силы в оценке сыном матери и обратно коррелирует с директивностью и авторитарностью матери; директивность матери положительно связана с фемининностью стереотипного мужского образа, сформированного у детей, а противоречивость отношений с матерью – с маскулинностью женского образа.

Наличие большого количества связей между отношениями с матерью и гендерными стереотипами мальчиков-подростков из неполных семей позволяет утверждать, что для них отношения с матерью является фактором формирования гендерных стереотипов. Полученные результаты особенностей формирования гендерных стереотипов у подростков из неполных семей не могут объясняться только ролевым составом семьи и отсутствием в них отца. Их нужно рассматривать в контексте существования других факторов, таких как отношение матери к отцу, возраст ребенка, наличие других родственников и лиц, которые могут компенсировать отсутствие отца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городнова Н.М. Гендерні особливості батьківсько-дитячих стосунків // Педагогічна освіта: теорія і практика. Психологія. Педагогіка. Збірник наукових праць. – К.: КМПУ ім. Б.Д. Грінченка, 2005. – № 3. – С. 5–9.
2. Долгих Л.М. Роль статево-рольових стереотипів у формуванні кар'єрних домагань молоді // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / За ред. Н.В. Чепелевої. – К.: Міленіум, 2005. – Т.2, вип.3. – С. 187–195.
3. Клецина И.С. Самореализация личности и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2 / Под ред. А.А. Реана, Л.А. Коростылевой. – СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 1998 – С. 188–202.
4. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. – М., 2003, Т. V, вып.1 (15-16). – С. 120–138.

Поступила в редакцию 31.10.2018 г.

INFLUENCE OF THE FAMILY ON THE FORMATION OF GENDER STEREOTYPES OF BOYS-TEENAGER OF THEIR INCOMPLETE FAMILIES

M.Y. Rogozina

In article features of gender stereotypes of boys- teenager of their incomplete families are considered and is proved that they have qualitative and quantitative distinctions in comparison with gender stereotypes of teenagers from full families. It is proved that process of formation of gender stereotypes of boys of incomplete families is influenced substantially by the relations with mother, and in full families communication between these parameters considerably smaller.

Key words: gender stereotypes, gender identity, maskulinnost, femininnost, incomplete family.

Рогозина Марина Юрьевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: muiysan@mail.ru.

Rogozina Marina Yuryevna.

Candidate of Pedagogic sciences, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor at the Department of Psychology.
E-mail: muiysan@mail.ru.

УДК 159.923

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ

© 2018. С.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена изучению проблемы социального интеллекта в контексте временной перспективы личности. Раскрыта сущность феномена социального интеллекта в современной психологии, особенности временной перспективы личности. Проанализированы теоретические аспекты взаимосвязи социального интеллекта и временной перспективы личности.

Ключевые слова: социальный интеллект, временная перспектива личности.

Введение. Жизнь практически любого человека протекает в социуме. В каждый момент нашей жизни мы взаимодействуем с другими людьми, занимаем определенное место в сложной системе социальных взаимоотношений. Именно благодаря присутствию других людей в жизни конкретного человека возможен процесс социализации, то есть интеграция индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, позволяющими ему успешно функционировать в обществе. По сути, вне социума невозможно становление человека как личности. Естественно, великое множество исследований в психологии посвящено изучению различных свойств и качеств личности, от которых зависит успешность социального взаимодействия. Это обусловило наш интерес к феномену социального интеллекта. В целом его рассматривают как общую способность понимать других и действовать или поступать мудро относительно людей; способность находить общий язык с окружающими; способность легко сходитьсь с другими людьми, умение входить в их положение, ставить себя на место другого. В то же время, взаимодействуя с другими, мы основываемся на нашем прошлом опыте, учитываем наши цели и планы, действуем на основе нашего понимания себя и другого человека, наконец, прогнозируем дальнейшее развитие ситуации. А это уже обращает нас к представлению о прошлом, настоящем и будущем. Таким образом, данная работа посвящена проблеме анализа социального интеллекта в контексте временной перспективы личности.

Основная часть. Понятие социального интеллекта является одним из неоднозначных в современной психологической науке. Иногда его называют сравнительно новым, требующим уточнения и дополнения, хотя оно и изучается более 90 лет, начиная с работ Э. Торндайка. Исследования данного феномена показывают, что социальный интеллект является чрезвычайно важным практическим качеством, выступает составляющей творчества в современном социуме, в нем оказываются взаимодействующими аффективное и когнитивное начало; соответственно, и человек рассматривается как когнитивно-эмоциональное существо [7].

В зарубежной психологии проблема социального интеллекта представлена в основном в трудах Э. Торндайка, Г. Айзенка, Г. Олпорта, Дж. Гилфорда, Н. Кэнтора, Р. Стернберга; среди отечественных исследователей в первую очередь следует упомянуть Ю.Н. Емельянова, Е.С. Михайлову-Алешину, Н.Ф. Калину, В.Н. Куницину, О.Б. Чеснокову, Н.А. Кудрявцеву, Д.В. Ушакова.

Понятие социального интеллекта было введено в психологию американским психологом Э. Торндайком в 1920 г. Автор обозначил его как общую способность

понимать других и действовать или поступать мудро, адекватно по отношению к ним. В центре внимания оказывалась дальновидность в межличностных отношениях.

В психологической науке существуют и иные определения социального интеллекта, включающие способность легко сходитьсь с другими, умение входить в их положение, ставить себя на место другого, способность иметь дело с окружающими, способность уживаться с другими людьми, знания о людях, а также способность критически и правильно оценивать чувства, настроение и мотивацию поступков других людей. Формулировка Д. Векслера сводит эти различные точки зрения к одному обобщенному определению социального интеллекта, который осознается как приспособленность индивида к человеческому бытию [8].

Г. Олпорт связывал социальный интеллект с особенной способностью высказывать верные, быстрые, почти автоматические суждения о людях, прогнозировать их наиболее вероятные поведенческие реакции и обеспечивать адекватное приспособление в межличностных взаимодействиях. Социальный интеллект, по мнению автора, – это своего рода «социальный дар», обеспечивающий нормальные отношения с людьми, результатом чего является оптимальная социальная адаптация. Однако понимание окружающих при этом чаще всего поверхностно.

Г.Ю. Айзенк социальный интеллект интерпретирует как проявление социально-полезной адаптации. Подразумевается способность человека использовать психометрический интеллект в целях адаптации к требованиям социума.

Иной точки зрения относительно понятия социального интеллекта придерживался Дж. Гилфорд, рассматривавший его как систему интеллектуальных способностей, необходимых в социальном поведении, при этом независимых от фактора общего интеллекта. По мнению ученого, социальный интеллект прежде всего связан с познанием поведенческой информации. Как способность к познанию поведения социальный интеллект включает шесть факторов:

- познание элементов поведения – способность выделять из общего контекста вербальную и невербальную экспрессию поведения;
- познание отношений поведения – способность понимать и устанавливать связи между единицами информации о поведении;
- познание классов поведения – способность распознавать общие свойства в некотором потоке экспрессивной или ситуативной информации о поведении;
- познание преобразований поведения – способность понимать изменение значения сходного вербального или невербального поведения в разных ситуационных контекстах;
- познание систем поведения – способность понимать логику развития целостных ситуаций взаимодействия людей, смысл их поведения в этих ситуациях;
- познание результатов поведения – способность предвидеть последствия поведения, исходя из имеющейся информации.

Таким образом, социальный интеллект регулирует и объединяет когнитивные процессы, связанные с отражением социальных объектов. Его компонентами выступают социальные перцепция, сенситивность, память и мышление. По мнению Дж. Гилфорда, сфера социального интеллекта охватывает желания, чувства, настроения, мысли и т.д. как других людей, так и себя [8, 9].

Н. Кэнтон представляет концепцию социального интеллекта, в которой основной акцент делается на когнитивных стилях. Исследовательница практически отождествляет социальный интеллект с когнитивной компетентностью, позволяющей людям воспринимать события социальной жизни с минимумом неожиданностей и максимальной личной пользой. Именно социальный интеллект, динамика его

использования и процессы, в которых он приобретает и шлифуется, дают возможность человеку приспособиться к жизненному окружению. В качестве основных составляющих социального интеллекта выделяются вербальные способности, способность к решению практических задач и социальная компетентность. Таким образом, социальный интеллект, с одной стороны, выступает как знания, применяемые человеком в повседневной жизни для разрешения различных ситуаций, как определенный подход к интерпретации и решению жизненных проблем; с другой – изучаемый феномен рассматривается уже как способность к указанному решению.

Р. Стернберг, как и Н. Кэнтон, также выделяет в качестве ключевых содержательных компонентов социального интеллекта социальную компетентность, способность к решению практических задач и вербальные способности; все эти характеристики находят свое отражение при взаимодействии с окружающими.

По мнению М. Форда и М. Тисака показателем развитого социального интеллекта можно считать успешное разрешение проблемных ситуаций. Исследователи показали, что социальный интеллект представляет собой четкую и согласованную группу ментальных способностей, связанных с обработкой социальной информации. Эта группа способностей фундаментально отличается от способностей, лежащих в основе более «формального» мышления, проверяемого тестами «академического» интеллекта.

Также можно упомянуть исследования О. Джона и К. Космитского, в результате которых авторами было выделено семь составляющих, являющихся ключевыми в концепции социального интеллекта. К их числу относятся и когнитивные элементы (включают знание социальных правил, понимание людей, оценку перспективы и открытость в отношении к окружающим) и поведенческие элементы (речь идет о социальной приспособляемости, способности иметь дело с людьми и теплоте в межличностных отношениях) [7].

Обратимся к отечественным исследованиям феномена социального интеллекта. В них проблема социального интеллекта преимущественно раскрывается в аспекте коммуникативной компетентности, а также с точки зрения предполагаемой структуры и функций социального интеллекта.

Одна из первых попыток определения социального интеллекта в советской психологии осуществлена Ю.Н. Емельяновым. По его мнению, социальным интеллектом индивидуума можно назвать сферу возможностей субъект-субъектного познания, которая, в свою очередь, понимается как устойчивая, основанная на специфике аффективного реагирования, мыслительных процессов и социального опыта, способность понимать самого себя и других людей, их взаимоотношения, а также прогнозировать межличностные события. Наличие сенситивности как особой чувствительности к психическим состояниям других, их стремлениям, ценностям и целям, способствует формированию социального интеллекта. В свою очередь, сенситивность, предполагает эмпатию, то есть способность вчувствования, эмоционального резонанса на переживания другого. Эмпатия лежит в основе развития социального интеллекта, однако с годами эта способность бледнеет. Также именно в эмпатической способности лежат истоки морального развития человека, которое до определенного момента не пересекается с когнитивным развитием, а далее зависит от принимаемых индивидом общественных идеалов и ценностей, определяющих его идейно-нравственную зрелость [4, 7].

Анализируя операциональные подходы к изучению социального интеллекта, следует отметить подход Н.А. Кудрявцевой. Под социальным интеллектом исследовательница понимает способность к мыслительным, рациональным операциям, объектом которых являются процессы межличностного взаимодействия. При этом

подразумевается психологическая независимость и автономность субъекта, которая позволяет противостоять давлению людей и обстоятельств. Существенной составляющей в структуре социального интеллекта является самооценка человека. Серьезное внимание также уделено мотивационной составляющей. Последняя рассматривается в качестве важной детерминанты социального интеллекта и способности к самоорганизации интеллекта.

Проблематика социального интеллекта попала привлекла внимание и Е.С. Михайловой-Алешиной. Социальный интеллект автор характеризует как комплексную интеллектуальную способность, определяющую успешность общения и социальной адаптации. Это способность человека понимать и прогнозировать поведение людей в разных житейских ситуациях (что сходно с пониманием социального интеллекта Ю.Н. Емельяновым), распознавать чувства, эмоциональные состояния и намерения по их вербальной и невербальной экспрессии (подобной точки зрения придерживался и Дж. Гилфорд). Социальный интеллект, как считает Е.С. Михайлова-Алешина, объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению, группы людей). К числу образующих его процессов относят социальную сенситивность, социальную перцепцию, социальную память и социальное мышление [4, 8, 9].

Вызывает интерес подход к проблеме социального интеллекта В.Н. Куницыной. По ее мнению, данный феномен следует рассматривать как глобальную способность, возникающую на базе комплекса коммуникативных, личностных, интеллектуальных и поведенческих черт, включая уровень энергетической обеспеченности процессов саморегуляции. Эти черты обуславливают прогнозирование развития межличностных ситуаций, интерпретацию информации и поведения, готовность к принятию решений и социальному взаимодействию. По мнению автора, эта способность позволяет достигать гармонии с собой и окружающей средой [4].

Проблема социального интеллекта представлена и в работах Н.Ф. Калиной. Социальный интеллект характеризуется ею как специфическое когнитивное образование, которое обеспечивает эффективность социальной активности личности. Другими словами, указанный феномен рассматривается как когнитивная основа коммуникативной компетентности личности. Он проявляется в совместной деятельности, общении, групповом и межгрупповом взаимодействии, управлении и руководстве. В основе формирования социального интеллекта лежит процесс интериоризации социокультурного опыта. Социальный интеллект существует в форме системы представлений, норм и правил межличностного взаимодействия, на основе которых складываются индивидуальные формы, навыки и умения личности [8].

Согласно точке зрения Д.В. Ушакова, социальный интеллект следует понимать как способность к познанию социальных явлений, составляющую лишь один из компонентов социальных умений и компетентности, но ни в коей мере не исчерпывающую их. Таким образом, социальный интеллект становится в один ряд с другими видами интеллекта, образуя вместе с ними способность к обобщенной и опосредованной познавательной деятельности. Социальному интеллекту свойственны такие характерные структурные особенности, как: формирование в процессе имплицитного научения; использование невербальной репрезентации; потеря точности социального оценивания при вербализации; континуальный характер; использование «внутреннего» опыта. Лишь последняя характеристика, по мнению автора, полностью отличает социальный интеллект от всех других видов интеллекта [9].

Исследования проблем социального интеллекта ведет и О.Б. Чеснокова. По ее мнению, социальный интеллект представляет собой способность ориентироваться на

существенные характеристики коммуникативной ситуации, недоступные непосредственному наблюдению (на психическую активность – чувства, намерения, мысли; причины взаимообусловленного поведения в межличностной ситуации и социальные позиции в системе отношений) и способность на основе этой ориентировки намечать возможные способы опосредствованного достижения своих или общих целей в условиях, когда прямые способы ее достижения невозможны. Такая ориентировка предполагает не только рациональные умозаключения о весомых для достижения цели характеристиках коммуникативной ситуации, но и эмоциональное восприятие этой ситуации [7].

Мы видим, что в целом в зарубежных исследованиях социального интеллекта внимание акцентируется либо на способности понимать окружающих, прогнозировать их поведение, либо – на социально-полезной адаптации, как приспособлении к жизни в обществе. В отечественной же психологии социальный интеллект понимается как система интеллектуальных способностей, связанных, прежде всего, с познанием социальных явлений и поведенческой информации; как способность к рациональным умственным операциям, объектом которых являются процессы межличностного взаимодействия; как способность понимать себя и окружающих, их взаимоотношения и прогнозировать их поведение; как когнитивная основа коммуникативной компетентности [7, 8].

Специфика социального интеллекта может быть раскрыта через основные способы его бытия, определение его характеристик и функций.

По мнению Н.Ф. Калиной, функциональную структуру социального интеллекта целесообразно описывать посредством ряда конструктов. Это такие конструкты, как: отсутствие проекции в межличностной перцепции; хорошая каузальная атрибуция; понимание достаточности результата (в групповой деятельности); умение запрашивать информацию; правильная и точная оценка других людей; адекватная самооценка в коммуникативной сфере, выдержка в общении, рефлексия состояния членов группы, сенситивность и терпимость в процессе межличностного взаимодействия и т. д. [7].

В.Н. Куницына к числу основных функций социального интеллекта относит: саморазвитие, самопознание, самообучение; мотивационную функцию; формирование программы и планов успешного взаимодействия в тактическом и стратегическом направлениях, решение текущих задач; обеспечение адекватности, адаптивности в меняющихся условиях; планирование межличностных событий и прогнозирование их развития; расширение социальной компетентности. Как считает исследовательница, одной из ведущих интегральных функций социального интеллекта, является формирование длительных, долгосрочных взаимоотношений с перспективой развития и положительного взаимовлияния на основе осознания уровня и характера взаимоотношений. Очень важна также и мобилизационная функция социального интеллекта, дающая возможность преодолевать ситуации, угрожающие самоуважению, длительные стрессы, внезапные кризисы [4].

С точки зрения Д.А. Ростовых, среди функций социального интеллекта можно выделить: нормативно-ценностную; прогностическую; эвристическую; гносеологическую (познавательную); аккумулятивную; коммуникативную; управленческую; регулятивно-координирующую; проблемно-конструктивную; функцию социального наследования; социально-рефлексивную (идентификационную); функцию рационализации.

М.В. Оданович представляет свое видение структуры функций социального интеллекта, по сути, представляющее интеграцию точек зрения отечественных и зарубежных психологов. Исследователь выделяет 3 ключевые функции социального интеллекта. Функция социального интеллекта, связанная с потребностью понимать

окружающих и, в свою очередь, быть понятым ими, получила название коммуникативно-ценностной. Только познавая себя в постоянном общении с другими людьми, человек активно выделяет и усваивает эталоны и нормы взаимоотношений. Следующая функция социального интеллекта, познавательная-оценочная, находит свое проявление в определении собственных возможностей субъекта познания для достижения результатов деятельности, реальной помощи окружающим в определении содержания межличностных взаимодействий, обусловленных процессом социализации. Наконец, рефлексивно-коррекционная функция социального интеллекта. С одной стороны, данная функция находит свое воплощение в самопознании и в осознании достоинств и недостатков собственной деятельности. С другой – позволяет вносить изменения в процесс взаимодействия, которое направлено на уменьшение внутреннего конфликта, позволяющего контролировать эмоции, потребности [7].

Анализируя работы отечественных и зарубежных психологов, мы выделяем следующие функции социального интеллекта:

- познавательная-оценочная – является основой, необходимой для грамотной переработки поступающей информации;
- рефлексивная – находит свое отражение прежде всего в самопознании;
- коммуникативная – обеспечивает эффективность собственно процесса общения, связана с адекватным пониманием партнера по общению;
- прогностическая – на ее основе осуществляется планирование и прогнозирование развития межличностных взаимодействий [7, 8].

Проведенный нами анализ научной литературы позволил сформулировать следующее определение социального интеллекта. Социальный интеллект предполагает способность человека понимать и прогнозировать поведение людей в разных житейских ситуациях, учитывая их вербальные и невербальные проявления, понимать и адекватно оценивать себя и свои действия, и поступки по отношению к окружающим; является когнитивной основой коммуникативной компетентности. Соответственно, социальный интеллект обеспечивает эффективность и адекватность межличностного взаимодействия, регулируя и объединяя познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов [8].

Перейдем к изучению проблемы временной перспективы личности. Указанный феномен, не являясь новым в психологии, в то же время не теряет актуальности в качестве предмета исследования. Зачастую учеными также используются близкие по смыслу, но отличающиеся по сути, термины: «временная трансперспектива», «локус времени», «жизненный путь личности» и др. Проблемой исследования указанного феномена занимались такие исследователи, как К. Левин, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, М. Селигман, Д.А. Леонтьев, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, О.Н. Арестова и др.

Термин «временная перспектива» чаще всего относят к нескольким различным аспектам психологического времени. Постараемся их развести. Первый из них – временная перспектива, характеризующаяся протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности. Второй – временная установка, а именно положительный или отрицательный настрой человека по отношению к прошлому, настоящему или будущему. Третий аспект временной перспективы – временная ориентация – описывает поведение личности и, следовательно, понимается как доминирующая нацеленность этого поведения на события и объекты прошлого, настоящего или будущего [6].

Понятие «временная перспектива» было введено Л. Франком с целью описания взаимообуславливания и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека. По мнению исследователя, временной перспективой является полная

совокупность представлений личности о своём психологическом прошлом и психологическом будущем, существующих в конкретный момент времени. Каждый из нас занимает определенное положение в обществе и характеризуется той или иной историей развития. Такой индивидуальный способ видения мира находит свое отражение в наших интерпретациях прошлого, настоящего и будущего. По мере взросления человека, как предполагает автор, временная перспектива расширяется и усложняется, отражая тот уникальный опыт, который личность приобретает на протяжении своего жизненного пути. Также следует отметить постоянное влияние социума.

К. Левин в рамках «теории поля» отмечает, что психологическое прошлое, настоящее и будущее являются частями психологического поля в настоящем. Автор подчеркивает, что временная перспектива – это и включение будущего и прошлого, реального и идеального плана жизни в план данного момента. По его мнению, именно категория временной перспективы включает в себя рассмотрение личности во временном контексте. Иными словами, в срез действия и поведения личности включается характеристика ее будущего, «идеального плана» [1, 2].

С точки зрения мотивационного подхода указанную проблематику предлагает рассматривать Ж. Нюттен. Временную перспективу, или перспективу будущего, автор описывает как пространство формирования когнитивно переработанной мотивации деятельности человека. Исследуемый феномен понимается как временное измерение поведенческого мира, анализируется способность человека ставить и осуществлять отдаленные во времени цели как важнейшая личностная характеристика. Перспектива будущего связана с мотивацией, именно будущее автор представляет как «пространство мотивации». Временная перспектива задается объектами, локализованными во времени. Они играют роль детерминант, регулирующих поведение. Наличие индивидуальной временной перспективы создает у человека привычную открытость прошлому или будущему. В случае же ее отсутствия можно говорить о закрытости, замкнутости в рамках текущего настоящего [6].

По мнению Ж. Нюттена, измерение временной перспективы связано со следующими ее параметрами: 1) протяженность, или глубина; 2) насыщенность распределения объектов в различные периоды (прошлого и будущего); 3) степень структурированности этих разбросанных объектов – наличие или отсутствие связей между объектами или группами объектов (например, связи «средство-цель» в противоположность простой рядоположенности объектов); 4) степень яркости и реалистичности восприятия объектов субъектом как функция их удаленности во времени.

Направленность на будущее, присущая человеческому поведению, не может быть выведена из памяти прошлого опыта; это новое измерение, являющееся производным от потребностного состояния или, говоря другими словами, от мотивации. Будущее представляет пространство мотивации. Разная степень глубины или протяженности этой ориентированности на будущее, связана с рядом конкретных объектов, в которых актуализируются потребности. По аналогии с пространственной перспективой объекты, «локализованные» во времени, составляют основу временной перспективы [6].

К числу известнейших современных теорий временной перспективы, несомненно, относится теория Ф. Зимбардо. С его точки зрения временная перспектива – это часто неосознанное отношение человека ко времени и одновременно это процесс, с помощью которого длительный поток существования интегрируется в категории времени, что позволяет придать нашей жизни смысл, структурировать и систематизировать ее. Категория временной перспективы отражает убеждения, ценности и установки, связанные со временем [3]. Как считает Ф. Зимбардо, временная перспектива должна изучаться в неразрывном единстве ее когнитивного, мотивационного, социального и

эмоционального компонентов. В структуре временной перспективы автор следующие аспекты, к которым у личности формируется то или иное отношение: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее [5]. Остановимся на каждом из них. Временная перспектива негативного прошлого отражает восприятие человеком гнетущих, негативных событий, имевших место быть в его прошлом. Временная перспектива позитивного прошлого связана с позитивными событиями прошлого, со способностью извлекать уроки из негативного опыта. Указанные аспекты, как мы видим, относятся к прошлому субъекта. Настоящее характеризуется также двумя временными аспектами. Так, для временной перспективы гедонистического настоящего характерно предпочтение удовольствий текущего момента жизни будущим бонусам и выгодам. Временная же перспектива фаталистического настоящего, напротив, формируется неверием человека в свою способность повлиять на события своей жизни. Наконец, обратимся к будущему. Автор отмечает, что временная перспектива будущего неразрывно связана со способностью личности планировать свои действия, возможно, в случае необходимости, отказывая себе при этом в желаниях настоящего момента ради достижения целей. Такая временная ориентация может способствовать достижению успеха, однако высок риск снижения способности личности получать удовольствие от жизни в целом. Представленные временные перспективы, по мнению Ф. Зимбардо, являются независимыми друг от друга, и для каждого человека характерно наличие нескольких из них [3].

Интерес к проблематике временной перспективы представлен и в работах Е.И. Головахи и А.А. Кроника. В представленном или событийном подходе исследованию подвергалось субъективное чувство возраста человека, которое у каждого может быть представлено в разной степени. Так, если человек живет преимущественно прошлым, большинство его воспоминаний будут связаны с прошедшими событиями, соответственно, в отношении своего возраста он будет ощущать себя более молодым. В случае же нацеленности человека на будущее, его психологический возраст будет увеличиваться. Между событиями устанавливаются связи, которые могут характеризовать человека в целом или же отдельный временной локус. Такие показатели могут отражать ряд переменных: уверенность, удовлетворенность жизнью, чувство реальности, внутренняя конфликтность, целеустремленность, рациональность, стратегичность [1].

Перейдем к следующему, причинно-целевому подходу. Согласно ему, в качестве единицы психологического времени выступает не событие само по себе, не интервал физического времени, а межсобытийная связь типа «причина-следствие» или «цель-средство». Единицей же психологического прошлого становится реализованная связь между двумя событиями хронологического прошлого, единицей психологического настоящего выступает актуальная связь между событиями хронологического будущего и прошлого, наконец, единицей психологического будущего является потенциальная связь событий хронологического будущего. При таком подходе становится ясной возможность принадлежности к настоящему событий, на первый взгляд полностью принадлежащих будущему или прошлому [1]. Временная перспектива личности, таким образом, выступает субъективной структурой межсобытийных связей или представленности в сознании субъекта реализованных связей между событиями. Эти связи дают нам возможность формировать то или иное представление о своем прошлом, настоящем и будущем [1, 5].

К.А. Абульханова-Славская представляет типологический подход к исследованию временной перспективы. Способность чувственно-деятельного освоения человеком времени автор связывает прежде всего с тем, что он прогнозирует, предвосхищает и

организует события, рассматривая их с точки зрения будущего. Специфику временной структуры сознания личности исследовательница описывает с помощью понятия «временная транспектива». На ее взгляд, в нем отражается взаимосвязь перспективных и ретроспективных моментов индивидуального бытия, особенности «сквозного видения» из настоящего в прошлое и будущее. Формулировка проблемы личностного времени в психологическом аспекте подводит к выводу о необходимости ее специального изучения, отправной точкой в котором станет положение о том, что вся совокупность отношений человека находит специфическое выражение в качественных временных изменениях и временной организации [1].

Временная перспектива личности в представлении О.Н. Арестовой, имеет многомерную структуру, отражающую временной аспект жизни человека. Автор выделяет такие параметры динамической природы временной перспективы: эмоциональный фон, направленность, протяженность, и др. Процесс формирования временной перспективы зависит от мотивационных особенностей субъекта, от уровня его притязаний. Структура временной перспективы включает социальный, когнитивный и эмоциональный компоненты, в существенной степени влияющие на процесс ее формирования. Временная перспектива – динамическое образование, как правило, в течение жизни человека претерпевающее изменения. Так по мере взросления человека может изменяться его отношения как к прошлому, так и к настоящему и будущему. Возможен пересмотр и изменение своих жизненных планов, целей, установок, ценностей, идеалов, ориентиров, на основе чего строится новое отношение к жизни.

Теоретический анализ феномена временной перспективы личности в современной психологии позволяет выделить наиболее общую ее структуру. Это три временных локуса: прошлое, настоящее и будущее. Они являются взаимообуславливающими друг друга и оказывают влияние на развитие личности в каждый текущий момент ее жизни [1, 3, 5].

И, поскольку мы живем в социуме, это возвращает нас к вопросу успешного взаимодействия с окружающими и, следовательно, к одному из факторов, обуславливающих это, а именно – к социальному интеллекту. Рассматривая указанный феномен сквозь призму его функций, мы можем предположить следующий характер его взаимосвязи с отдельными аспектами временной перспективы личности.

Прогностическая функция социального интеллекта, обеспечивающая планирование и прогнозирование развития межличностных взаимодействий, связывает настоящее и с будущим, и с прошлым. Рефлексивная функция, отражающаяся прежде всего в самопознании, в осознании достоинств и недостатков собственной деятельности, на наш взгляд, обращена в настоящее субъекта. Она позволяет ему строить целесообразные отношения и взаимодействовать с окружающими в каждый текущий момент жизни. Эта же функция дает возможность своевременно корректировать процесс взаимодействия, исходя из адекватного понимания собственных актуальных потребностей, позволяет понимать и контролировать свои эмоции, направлена на уменьшение внутреннего конфликта. Все это, опять-таки, имеет отношение к аспекту временной перспективы, относящемуся к настоящему времени. Коммуникативная функция социального интеллекта также связана с настоящим временем. Она обеспечивает адекватное понимание партнера по общению, способствует эффективному протеканию собственно процесса общения именно в настоящий момент времени. В то же время познавательная-оценочная функция, отвечающая за грамотную переработку поступающей информации «здесь и сейчас», обеспечивает связь настоящего момента жизни субъекта с его будущим. Также мы

можем предположить большую глубину, осознанность и полноту временной перспективы у лиц с развитым социальным интеллектом.

Заключение. Проведенный теоретический обзор позволяет предположить, что социальный интеллект довольно тесно связан с временной перспективой личности. Если «академический» интеллект имеет дело с вневременным материалом, то социальный интеллект работает с материалом во времени – со всем многообразием жизненных ситуаций, реальных отношений, событий жизни и т. д. Именно они составляют течение жизни человека, собственно, его жизненный путь, который разворачивается во времени. Соответственно, социальный интеллект не может не быть связан с временной перспективой личности в тех или иных аспектах. Он обеспечивает связанность, понимание и верное интерпретирование нашего прошлого, настоящего и будущего именно в плане взаимоотношений. Обозначенная проблематика, на наш взгляд, является перспективным направлением, требующим дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. – Киев: Наукова думка, 1984. – 209 с.
2. Зейгарник Б.В. Теория личности Курта Левина. – М.: Изд-во московского университета, 1981. – 116 с.
3. Зимбардо Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо Дж. Бойд. - М.: Речь, 2010. – 352 с.
4. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша – СПб: Питер, 2002. – 544 с.
5. Купчигина И.М., Недбаева К.М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях // Молодой ученый. – 2017. – № 48. – С. 156–158.
6. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
7. Руденко С.В. К вопросу сопоставления понятий социального и эмоционального интеллекта // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: монография / под общ. ред. А.В. Гордеевой, А.А. Кацера, М.И. Яновского. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2017. – 177 с. – С. 64–77.
8. Руденко С.В. Соціальний інтелект як чинник успішності педагогічної діяльності: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук: спец.: 19.00.01 «Загальна психологія, історія психології» / С.В. Руденко. – Київ, 2008. – 20 с.
9. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. – 176 с.

Поступила в редакцию 02.09.2018 г.

SOCIAL INTELLECT AND TEMPORAL PERSPECTIVE OF THE PERSONALITY

S.V. Rudenko

This article addresses the problem of social intellect in the context of the temporal perspective of the personality. The notion of social intellect in modern psychology is touched upon. The peculiarities of the temporal perspective of the personality are revealed. The theoretical aspects of the relationship between social intellect and the temporal perspective of the personality are analyzed.

Key words: social intellect, temporal perspective of the personality.

Руденко Светлана Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru.

Rudenko Svetlana Viktorovna.

Candidate of Psychology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of Psychology Department.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru.

УДК 159.9:33

СВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КУЛЬТУР И МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

© 2018. *Е.В. Чуканов*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются особенности психологических характеристик культуры. Представлены результаты исследования связей параметров культур с моделями экономического поведения. Анализ результатов показал, что для молодежи характерен средний уровень проявления дистанции власти, маскулинности, индивидуализма и избегания неопределенности.

Ключевые слова: культура, экономическое поведение, корреляционный анализ, общество, ценности.

В связи с происходящими трансформациями в обществе проблема исследования экономического сознания и экономического поведения приобретает актуальность в отечественной и зарубежной психологии. Исследования отечественных психологов позволили определить механизмы и условия взаимовлияния психологических и экономических показателей в определенных условиях их проявления. Было отмечено, что социально-экономические изменения в обществе отражаются в экономическом сознании. Тем не менее, на экономическое сознание воздействует не только трансформация экономической структуры общества, но культура общества, в котором происходят изменения. В связи, с чем модели экономического поведения могут не соответствовать установленным нормам. Культура регулирует не только экономическое поведение отдельного человека, но воздействует и на групповое поведение [2].

Отмечается, что на уровень социально-экономического развития общества оказывает влияние культура, проявляющаяся в ценностях личности которые отражают динамику изменений происходящих в обществе. В исследованиях отмечаются взаимосвязи между показателями индивидуализма и уровнем экономического развития. При увеличении уровня благосостояния индивидуализм становится обратно пропорционален экономическому росту. С уровнем экономического развития негативно связаны избегание неопределенности и дистанция власти [12]. Для бедных стран характерны традиционные ценности и ценности выживания, в тоже время, секулярно-рациональные ценности свойственны развитым странам [13].

Также современными авторами рассматривается проблема экономической идентичности. Отмечается, что отдельным видом социальной идентичности является экономическая идентичность. Экономическая идентичность заключается в понимании человеком своей принадлежности к социальной общности, которая определяется по степени экономического благосостояния на основе субъективного сравнения человека с группами богатых и бедных и соотнесения себя с определенной статусной группой. Специфичностью экономической идентичности является ее включенность в «экономическое Я», как продукта экономического самоопределения и является результатом определения человеком своего положения в системе экономических отношений [3, 4, 10].

Экономическую идентичность можно рассматривать как результат экономического самоопределения в условиях определенной культуры и экономических

условиях. В данном случае значимость приобретают ценности доминирующие в данной культуре и правила взаимодействия между участниками социальной группы. Понимание ценностей позволяет рассматривать эффективное и неэффективное экономическое поведение.

Социальные взаимоотношения отмечаются исследователями, как важный компонент, при исследовании психологических аспектов влияния культуры. Триандис рассматривает в своих работах два полярных измерения горизонтальность – вертикальность, которые включают в себя равенство и взаимоуважение, что раскрывается через четкий статус и выработанную социальную иерархию [14]. Хофстеде рассматривает власть, как определенный уровень принятия людьми не обладающими властью существующего неравенства в обществе. Данные теоретические послышки были исследованы в работах Шейна, автор указывает, что при доминировании в обществе индивидуализма растет уровень разработки и создания изобретений. Данное явление автор рассматривает с позиций децентрализации власти и доверием, возникающим между людьми. В следствии чего возникает стремление к самореализации и самоэффективности, что придает творческую направленность. Однако, отмечается, что четко выстроенная социальная иерархия является необходимым аспектом функционирования общества. В данном случае вертикальные отношения должны подчиняться горизонтальным, которые зависят от социальной сферы. Горизонтальные отношения базируются на ценностях равенства и доверия, что образует предпосылки для удовлетворения потребностей и включенности в социальную общность [7, 9].

Как показывает проведенный выше анализ, действительно можно говорить о тесной взаимосвязи экономического поведения человека и особенностей его идентичности с той или иной социальной группой. Важно подчеркнуть, что с точки зрения психологического подхода понятие экономической идентичности не вполне понятно и логично, т. к. идентичность всегда подразумевает субъекта или субъектов как точку отсчета. Личностная идентичность описывается через самоидентичность, построение «образа-Я» на основании самоотношения, оценки своего поведения, своих качеств [1, 6]. Социальная идентичность всегда подразумевает определенную социальную группу: этническую, религиозную, национальную, государство в целом [5, 11].

Целью данного исследования является изучение связи психологических характеристик культур и моделей экономического поведения, проявляющихся на когнитивном, аффективном и конативном уровнях.

В исследовании принимали участие студенты 2-3 курсов ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Всего в исследовании приняло участие 110 человек (84 девушки, 26 юношей) в возрасте 20-23 лет, студентов 2-3 курсов гуманитарных специальностей.

Исследование проводилось в форме групповой диагностики и проходило в процессе проведения занятий в студенческих группах. Каждому участнику исследования предоставлялись бланки методик (включающие инструкцию по заполнению и блок вопросов направленных на выявление социально-демографических характеристик респондента).

Для изучения психологических параметров культур использовалась методика Г. Хофстеда «Модуль исследования ценностей-1994» (Value Survey Module-1994–VSM94). Данная методика позволяет оценить четыре культурных измерения: индивидуализм-коллективизм, избегание неопределенности, маскулинность-фемининность, дистанция власти. Дополнительно был включен опросник Р. Инглхарта,

при помощи которого измеряются рациональные/ секулярные ценности и ценности выживания/самовыражения.

С целью изучения экономических установок респондентов проявляющихся в ситуациях связанных с экономическим выбором нами использовалась методика сценариев экономического поведения. Методика включает 11 биполярных сценариев, в которых респондентам необходимо принять экономическое решение в ситуации неопределенности. На основе ответов респондентов можно судить о типичности определенной формы поведения для определенной культуры и отметить случаи несоответствия оценки ситуации и поведением в ней. В методике представлены следующие шкалы:

1. экономическая самостоятельность – экономический патернализм;
2. экономия времени – экономия денег;
3. долговременная перспектива – кратковременная перспектива;
4. экономность – расточительность;
5. экономический интерес – экономическая индифферентность;
6. приоритет закона над прибылью – приоритет прибыли над законом;
7. экономическая активность – экономическая пассивность;
8. приемлемость использования кредитов в повседневной жизни – неприемлемость использования кредитов в повседневной жизни;
9. распределение финансового вознаграждения по равенству – распределение финансового вознаграждения по справедливости;
10. подверженность импульсивным покупкам – неподверженность импульсивным покупкам;
11. приоритет наличия творчества на работе – приоритет размера вознаграждения.

Статистическая обработка полученных результатов исследования осуществлялась с помощью пакета SPSS, версия 20.00 (использовались описательная статистика и корреляционный анализ)

По результатам анализа полученных результатов необходимо отметить, что для респондентов характерен средний уровень дистанции власти (среднее значение 3,4). Данный показатель отражает согласие с подчиненностью авторитету и готовность к взаимоотношениям между социальными группами, имеющими различный социальный уровень. Можно предположить, что у респондентов сформировано понимание иерархической организации, но при этом отсутствуют ритуалы подчеркивающие неравенство общества. В данном случае одним из условий достижения успеха будет уважение к личности и равенство между участниками. Согласно автору методики, данный показатель отражает высокий уровень экономического развития и как следствие – высокий инновационный потенциал.

Показатели по шкале индивидуализм – коллективизм, также являются средними (среднее значение 2,8), что свидетельствует о слабой интеграции индивидов в группы. Интересы «Я» и групповые интересы находятся в паритетных отношениях.

По шкале маскулинность – фемининность показатели находятся на среднем уровне (среднее значение 3,4). Явно не обозначено доминирование маскулинных и фемининных черт, в связи с чем необходимо отметить, что разделение социальных ролей по гендерной принадлежности неоднозначно. Показатели индекса избегания неопределенности также находятся на среднем уровне.

Анализируя результаты исследования по опроснику Р. Инглхарта, необходимо отметить, что доминируют светские ценности и ценности самовыражения. Светские ценности характерны для общества с высоким уровнем экономического развития. Для них характерен низкий уровень уважения к авторитету и иерархической структуре общества

(что согласуется с результатами исследования по методике Г. Хофстеда). Ценность самовыражения, согласно Р. Инглхарту, относится к классу постматериальных ценностей, для которых характерно стремление к независимости, самовыражению [13].

В рамках изучения взаимосвязей психологических характеристик культур и сценариев экономического поведения, были обнаружены значимые взаимосвязи. Была выявлена корреляционная связь показателя дистанции власти с приоритетом прибыли над законом ($r = 0,38$, $p \leq 0,05$) на когнитивном уровне (типичность поведения для окружения респондента) и экономической пассивностью на когнитивном ($r = -0,38$, $p \leq 0,01$) и поведенческом уровнях ($r = 0,37$, $p \leq 0,05$). Можно предположить, что на данный момент неравенство рассматривается с целью удобства, для достижения поставленных целей. Отмечается противоречие связи дистанции власти с экономической пассивности. Отрицательная связь на когнитивном уровне, который проявляется в типичности данной модели поведения для окружения респондента и положительной связью на поведенческом - отражающем готовность к действиям, совершаемым одним из героев сценария. Строгая иерархическая система власти позволяет проявить экономическую активность в реальном поведении, однако, затруднено формирование схем поведения, позволяющим его реализовать.

Была выявлена связь показателей индивидуализма с экономической индифферентностью на поведенческом уровне ($r = -0,44$, $p \leq 0,01$) и распределением финансового вознаграждения по справедливости, также на поведенческом уровне ($r = -0,34$, $p \leq 0,05$). Высокий уровень ориентации на групповые интересы, позволяют актуализировать экономический интерес и распределению финансового вознаграждения по равенству. Групповые интересы поддерживают индивидуальную экономическую инициативу, однако, результат данной инициативы распределяется между членами группы.

Показатель маскулинности связан с неподверженностью импульсивным покупкам на аффективном ($r = 0,39$, $p \leq 0,01$) и когнитивном уровнях ($r = 0,33$, $p \leq 0,05$). Для маскулинности характерно контролирование эмоциональных реакций и склонность к рациональным покупкам.

Обнаружена связь между рациональными/ секулярными ценностями и экономической пассивностью на поведенческом уровне ($r = -0,33$, $p \leq 0,05$), что позволяет говорить о том, что традиционный тип ведения хозяйства препятствует проявлению экономической активности.

Ценности выживания/самовыражения связаны с экономией времени на аффективном уровне ($r = 0,31$, $p \leq 0,05$), приоритетом прибыли над законом на поведенческом уровне ($r = -0,3$, $p \leq 0,05$), экономической пассивностью на поведенческом уровне ($r = -0,3$, $p \leq 0,05$). Полученные результаты согласовываются с точкой зрения Р. Инглхарта. Для общества, в котором доминируют постматериальные ценности характерно стремление к достижению успеха. Полученные связи способствуют этому через проявление экономической активности, приоритетностью закона и экономией времени.

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы. Для молодежи характерен средний уровень проявления дистанции власти, маскулинности, индивидуализма и избегания неопределенности. Среди ценностей доминируют постматериальные и светские. Это может означать, что в данном обществе авторитеты и иерархическая система власти ставится под сомнение, важным становится стремление к самореализации и независимости.

По результатам корреляционного анализа получены положительные связи постматериальных ценностей с продуктивными экономическими моделями поведения.

Так как для постматериальных ценностей характерно стремление к самореализации и самоэффективности, то полученные связи позволяют реализовывать эффективные модели экономического поведения, такие как экономическая активность, экономия времени и приоритетность закона над прибылью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. – М., 2009. – 304 с.
2. Журавлев А. Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – №. 3. – С. 3-16.
3. Журавлев А.Л., Журавлева Н.А. Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 5: Программы и методики психологического исследования личности и группы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – С. 11–42.
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 436 с.
5. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 480 с.
6. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. – М., 2006. – 333 с.
7. Лебедева Н.М. Культура как фактор общественного прогресса. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. – 408 с.
8. Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал, 2001. Т. 22. № 3. – С. 26–36.
9. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии - М.: НИУ ВШЭ. 2011. – 238 с.
10. Хашенко В.А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. – С.32–49.
11. Brewer M.B. The Many Faces of Social Identity: Implications for Political Psychology // Political Psychology. 2001. Vol. 22. No. 1. – P.115–125.
12. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: from cultural roots to economic growth. Organizational Dynamics. 1988. Vol. 16. – P. 4–21.
13. Inglehart, R., & Baker, W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values. // American Sociological Review. 2000. V. 65. – P. 19–51.
14. Triandis H. C. Collectivism and individualism as cultural syndromes // Cross-Cultural Research. 1993. Vol. 27(3-4). P.155-180.

Поступила в редакцию 01.11.2018 г.

RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CULTURES AND MODELS OF ECONOMIC BEHAVIOR

E.V. Chukanov

The article discusses the features of the psychological characteristics of culture. The results of the study of the relationship between the parameters of cultures and models of economic behavior are presented. The analysis of the results showed that the average level of manifestation of the distance of power, masculinity, individualism and avoidance of uncertainty is typical for young people

Key words: culture, economic behavior, correlation analysis, society, values.

Чуканов Евгений Валериевич.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Ассистент кафедры психологии.
E-mail: chukanove.v@gmail.com

Chukanov Evgeniy Valerievich.

Donetsk National University.
Assistant at the Department of Psychology.
E-mail: chukanove.v@gmail.com

УДК 373.7

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

© 2018. *А.И. Чеботарева*

ГОО ВПО Донецкая Академия внутренних дел МВД ДНР

На основе теоретического анализа в статье рассмотрено содержание понятия «правовая культура». Анализ позиций исследователей различных областей науки относительно определения понятия «правовая культура» позволяет автору выделить методологические подходы, важные для понимания данной категории. В статье представлены результаты экспериментальных данных, полученных в результате исследования понимания сущности правовой культуры студентами – будущими юристами.

Ключевые слова: правовая культура, студенты, общество, юристы.

Введение. Одной из первостепенных задач любого правового государства является создание условий для формирования высокого уровня правовой культуры различных категорий граждан, студенческой молодежи, ведь так или иначе от них зависит будущее любого государства.

Также необходимо отметить, что правовая культура является неотъемлемой частью общей культуры общества. Это означает то, что чем выше уровень правовой культуры в государстве, тем качественней будет состояние правовой жизни общества.

Хотелось отметить тот неоспоримый факт, что на сегодняшний день в нашем обществе, как никогда, остро стоит проблема качественной подготовки юристов, отвечающих требованиям современности. По нашему мнению, важную роль здесь играет уровень правовой культуры, который является залогом успешной профессиональной юридической деятельности.

Правовая культура – чрезвычайно ёмкое явление. Её общественная значимость во многом превосходит границы нормативного воздействия права на социальные отношения, так как, являясь составной частью общечеловеческой культуры, правовая культура прямо и косвенно влияет на формирование сознания и деятельность личности в самых различных сферах жизни общества.

Формулировка понятия правовой культуры связана с определенными теоретическими и методологическими трудностями, которые вызваны многогранностью данного феномена.

Правовая культура на основе существующих в обществе знаний и представлений формирует легитимные и общепризнанные образцы поведения, нормы, ценности, стереотипы и правила в отношении к праву, регулирующие деятельность социальных субъектов. Взаимосвязь между правовой культурой и правовым поведением обусловлена функциональной направленностью их обоих на поддержание фундаментальных сетей отношений, взаимодействия, взаимопонимания, обеспечения социального порядка и безопасности.

В юридической философской литературе приводятся различные определения понятия «правовая культура».

Так, С. С. Алексеев считает, что «правовая культура – это состояние правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики,

выражающее утверждение и развитие права как социальной ценности, то есть своего рода юридическое богатство общества» [5].

В настоящее время сложился ряд методологических подходов к раскрытию сущности понятия «правовая культура» (табл.1).

Таблица 1

Методологические подходы к раскрытию сущности понятия «правовая культура»

№	Подход	Сущность	Представители
1.	Антропологический	Правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением в жизни правовых ценностей который акцентирует внимание на различных сторонах или характеристиках человеческой деятельности.	Б. И. Пугинский В. В. Карташев А. В. Венгеров В. И. Леушин С. И. Реутов
2.	Технологический	Его представители особо отмечают, что систематизирующим принципом выступает специфический способ организации и развития общественно-человеческой деятельности.	Е.В. Аграновская В.М. Боев
3.	Социологический	Правовая культура понимается как фактор организации и формирования жизни общества, характеризуется местом в социальной системе, связи с правом и другими структурами общества, а также ее функционирование в едином комплексе социальных регуляторов.	А. П. Семитко В. П. Сальников
4.	Аксиологический	Культура понимается как развивающаяся система правовых ценностей (правосознание, правовая наука, законодательство, правопорядок, правовая деятельность), созданных и создаваемых в ходе развития общества и впитавших в себя передовые достижения юридической культуры человечества.	С.Л. Франк М.М. Бахтин В. Виндельбанд Г. Риккерт И. Покровский
5.	Философский	Правовая культура представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре и правовому прогрессу.	С. С. Алексеев Ф. Ницше А. Камю Б. Малиновский
6.	Семиотический	Представляет собой знаковую систему, определяющую правовую культуру как «непосредственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний.	Ю. М. Лотман Б. А. Успенский

По мнению профессора А. П. Семитко, правовая культура – это обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и обществом свобод и прав человека [7].

Существуют и иные подходы к пониманию правовой культуры.

Так, ряд представителей научной школы С.А. Жинкина и др. [2, 3, 5] определяют её, с одной стороны, как правовую среду обитания людей, совокупность текстов, когда-либо легитимированных как правовые, и механизм по их созданию, хранению и трансляции [5], особый социальный механизм, с помощью которого обеспечивается в соответствии с достигнутым уровнем правового сознания производство, сохранение и передача правовых ценностей, информации, традиций, способствующих правомерному и социально активному поведению людей [6]; как постоянно совершенствующийся процесс поступательного развития правовой действительности, а с другой, как совокупность достигнутых результатов в сфере права в целом [7]; как выражение государственно-правового опыта конкретных социальных общностей и индивидов в материальных и духовных процессах, продуктах жизнедеятельности, в навыках и ценностях, которые влияют на их юридически значимое поведение [8].

По нашему мнению, правовая культура – это система элементов, которые относятся к сфере действия права и находят отражение в сознании и поведении людей.

В работах Е.А. Певцова раскрыты основные функции правовой культуры:

- 1) характеризует правовые ценности общества и достижения в правовой сфере;
- 2) отражает качественное состояние правовой жизни страны;
- 3) является высшей формой осознания интересов и потребностей общества в правовом регулировании;
- 4) во многом зависит от нравственности общества и нравственных качеств людей, которые осуществляют правовую деятельность;
- 5) служит неременным условием и предпосылкой формирования правового государства и правового общества в целом [3].

Профессор в своих работах А. П. Семитко выделяет следующие элементы правовой культуры:

- 1) уровень развития правосознания населения, а именно насколько граждане информированы в правовом отношении;
- 2) развитие правовой деятельности, поскольку уровень развития правосознания может быть зафиксирован только в правовом поведении;
- 3) степень совершенства системы юридических актов различного вида, в которых закрепляется право данного общества [8].

Зачастую в структуре правовой культуры выделяют следующие компоненты: знания о праве, отношение к праву и навыки правового поведения. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что человеку, который обладает высокой правовой культурой, необходимо ориентироваться в законодательстве, обладать позитивным правосознанием, которое основано на уважении права, уметь при необходимости правильно его реализовать, особенно в конфликтных ситуациях.

Таким образом, правовая культура представляет собой образ мышления, норму и стандарт поведения, а в целом – правовой менталитет общества [5].

В юридической литературе выделяют формы, в которые облекается правовая культура. Это правовая культура личности, правовая культура отдельных социальных групп и общества в целом.

1. Правовая культура личности – это единство правовых знаний, положительного отношения к праву и правомерного поведения.

По нашему мнению, источником для формирования правовой культуры студентов – будущих юристов, служат практический опыт, окружающая среда и средства массовой информации. Источник правовых знаний зависит от уровня образования личности, возраста, рода занятий.

Так же формирование правовой культуры у студентов невозможно без высоких нравственных качеств личности и без выработки навыков правомерного поведения.

2. Групповая правовая культура зависит от правосознания отдельных социальных групп и влияет на принятые в обществе правовые ценности.

3. Правовая культура общества – это составная часть созданных им духовных ценностей, которые охватывают все виды поведения и действий, связанных с правовым общением и использованием правовых средств. Она зависит от уровня общественного правосознания, характера законодательства, прочности существующего в государстве правопорядка, который также может отражаться на формировании знаний о правовой культуре будущих юристов

Важную часть этой культуры составляет правовая культура студентов – будущих юристов, которая формируется, в основном, в учебных заведениях.

По мнению А. А. Жигулина детерминантами формирования правовой культуры студентов являются:

- Образование. Образование здесь выполняет двоякую роль в формировании правовой культуры, во-первых, при получении образования у студентов, с одной стороны, происходит воспроизводство накопленных знаний, ценностей, опыта (в том числе и правовых), а с другой – закладываются духовные основы деятельности на основе принятых в обществе законов;

- Семья. Сущность семьи в формировании и развитии правовой культуры выражается в ее функциях, где ведущее значение отводится функции социализации личности, приобщения ее к тому социальному опыту, который выработало человечество, что способствует вхождению человека в общество; культурной – вхождения человека в культуру, приобщения к ее ценностям и нормам, в том числе правовым и др.;

- Государство (органы власти). Государство через свои учреждения и организации должно обеспечивать фундаментальный уровень воспитания личности, ставя перед собой цель: сформировать соответствующий тип законопослушного гражданина. Государство (органы власти) являются важным фактором формирования правовой культуры студентов. Требуется реализация конкретных мер повышения данного социального феномена, однако, на сегодняшний день они остаются желаемыми [2].

Мы также полагаем, что формирование правовой культуры студентов невозможно без высоких нравственных качеств личности и без выработки навыков правомерного поведения.

Профессиональная правовая культура юриста – это система определённых правовых знаний, умений и навыков, которые характеризуют высокий уровень правового развития юриста как профессионала, и оказывают существенное влияние на правовую культуру общества благодаря профессиональной юридической деятельности.

По нашему мнению, профессиональная правовая культура юриста является неотъемлемой частью правовой культуры всего общества. Необходимо отметить, что здесь имеет место тесная взаимосвязь. С одной стороны, уровень правовой культуры общества существенно влияет на правовую культуру юриста, а с другой стороны, от профессионального уровня юриста зависит состояние правовой культуры общества и гражданина [1].

Отличительная особенность правовой культуры юриста состоит в том, что она является важнейшим компонентом эффективности его профессиональной деятельности. Любому юристу должен соответствовать своей профессии и укреплять свой личный авторитет и авторитет представителей юридической профессии в обществе. Что заключается в необходимости в повышении уровня правосознания, правовой активности, увеличений юридических знаний граждан, повышении эффективности правоохранительной деятельности, повышение культуры правоприменения и правотворчества, а также качества законодательства. Законы должны стоять на защите прав граждан, граждане должны знать и уважать законы, соотносить с ними свои интересы и поступки.

Основная часть. В нашем исследовании при определении сущности понятия «правовая культура» мы опирались на определения данные В.П. Сальниковым

Так, правовая культура, по мнению В.П. Сальникова, есть «особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям». Правовую культуру и личности, и общества он рассматривает «как одну из категорий общечеловеческих ценностей, как важнейший результат общедемократических завоеваний прогрессивного человечества. Она становится неотъемлемым компонентом цивилизованности и правового государства» [6].

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования:

- теоретические (анализ психологической, юридической литературы);
- эмпирические (опросный метод);
- обработки полученных данных.

На вопрос: «Какое понятие, по вашему мнению, отражает наиболее точно понятие «право» – 49 % респондентов ответили, что это норма поведения.

Преобладающая часть студенческой молодежи (85 %) на вопрос: «С какого возраста гражданин имеет избирательное право» – ответили верно с 18 лет.

На вопрос: «С какого возраста наступает уголовная ответственность гражданина ДНР» – с 14 лет, правильно ответили 18 человек».

В каком возрасте по закону можно вступать в брак (18 лет) - верных ответов дали 66 % опрошиваемых. «Какая ответственность предусмотрена за распитие спиртных напитков лицами до 18 лет» – знают точно 23 человека (33 %) «Приходилось ли находиться в ситуации нехватки правовых знаний» – 55 (79 %) ответили «нет», это можно расценить как то, что студенты имеют достаточные правовые знания, но, скорее, просто действительно не оказывались в ситуациях, когда необходимы были эти знания.

Следующий блок вопросов, касался эмоционального отношения к праву как феномену. Так, по мнению исследователей [2, 6, 7], оно может быть позитивным, равнодушным и нигилистическим (выражается в отношении к существующим законам, правопорядку, правовым нормам в целом) (рис.1).

Рис. 1

На вопрос представленной студентам анкеты: «Совершаете ли Вы мелкие правонарушения в повседневной жизни?» Большинство честно ответили «иногда» (51 человек).

«Если на ваших глазах человек совершил преступление, сообщите ли Вы в полицию?» большинство 44 человека (63,7 %) – ответили «да», 12 человек из 69 ответили, что «Всё зависит от ситуации», остальные – «Если это тяжкое преступление, то сообщили бы».

На вопрос «Как бы Вы поступили, если за совершённое Вами преступление ответственность понесёт кто-то другой?» – 43 человека сознались бы, остальная часть (26 респондентов) отметили, что промолчали бы или не знают, как бы поступили.

Заключение. Таким образом, теоретический анализ и проведенное экспериментальное исследование позволили нам сделать ряд выводов:

- формирование правовой культуры – сложный длительный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни;

- правовая культура несёт на себе не только функцию аккумуляции и наследования правовых ценностей, но и, через субъективизацию правовых ценностей, сама по себе, наряду с нормами права, выступает важным регулятором социальных отношений.

- средствами формирования являются пропаганда права, развитие у граждан юридических знаний, практическое укрепление законности, наличие сильной юридической науки, совершенствование системы правовых актов,

- формирование правовой культуры студентов – будущих юристов Донецкой Народной Республики, является сложной, многосторонней и многоплановой задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 2005. – 320 с.
2. Жигулин А.А. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН // Психология, социология и педагогика. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/03/247> (дата обращения: 27.12.2018).
3. Кодекс профессиональной этики и служебного поведения сотрудников Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 27.10.2015 г.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права / Л.А. Морозова. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 464 с.
5. Петров А.П. Конституционное право: учебное пособие / А.П. Петров. – М.: Амалфея, 2011. – 688 с.
6. Сальников В.П. Правовая культура // Общая теория права. Курс лекций. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. - С. 495-512
7. Семитко А.П. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права // отв. ред. В.Д. Перевалов. – М., 2007. – 541 с.
8. Смоленский М. Б. Правовая культура: опыт социокультурного анализа: Монография. – Ростов-на-Дону: Изд. «СКНЦ ВШ», 2002. – 127с.

9. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е., перераб. и доп. – М.: Инфа-М, 2010. 704 с.
10. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Российская политическая наука: в 5 т. / под общ. ред. А.А. Соловьева, 2008. – Т.2. – С.164-170.
11. Исаев И.А. Правовая культура России / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2013. – С. 169-172.
12. Певцова Е.А. Правовая культура личности / Е.А. Певцова // Основы государства и права. – М.: Графа, 2011. – № 1. – С. 20-39.

Поступила в редакцию 12.11.2018 г.

TO THE QUESTION OF FORMATION OF LEGAL CULTURE STUDENTS – FUTURE LAWYERS

A.I. Chebotareva

Article is devoted to legal culture where top trends in a research of this phenomenon from positions not only a legal element, but also pedagogical, psychological analyses are traced. The theoretical analysis of domestic and foreign researchers to disclosure of the concept "legal culture" is carried out. Results of the experimental data obtained as a result of a research of understanding of an entity of legal culture by students – future lawyers are presented in article.

Key word: legal culture, students, society, lawyers.

Чеботарева Алина Ивановна

кандидат психологических наук
ГОО ВПО Донецкая академия внутренних дел
МВД ДНР
Начальник кафедры социально-философских и
психолого-педагогических дисциплин
E-mail: alinachebotareva@yandex.ru

Chebotareva Alina Ivanovna

Chief of department of social and philosophical and
psychology and pedagogical disciplines
GOO VPO "Donetsk Academy of Internal Affairs of
the Ministry of Internal Affairs of the DPR" police
lieutenant
E-mail: alinachebotareva@yandex.ru

УДК 159.963.34

ОСОБЕННОСТИ СНОВИДЕНИЙ КАК ПРЕДИКТОРЫ СПОСОБНОСТИ К РАСПОЗНАВАНИЮ СВОЙСТВ ОБЪЕКТОВ В СИТУАЦИИ ДЕФИЦИТА ИНФОРМАЦИИ О НИХ

© 2018. *М.И. Яновский, В.А. Монастырская*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье излагаются результаты исследования взаимосвязи различных форм деятельности сознания в околопороговой зоне. В качестве таковых выступали: угадывание (распознавание) характеристик предмета в ситуации депривации его прямого восприятия, с одной стороны, и присущие индивиду особенности его сновидений, с другой стороны. Была выявлена корреляция между склонностью человека к эмоционально-позитивным («радующим») снам и угадыванием формы предмета, а также ряд других корреляций.

Ключевые слова: сновидения, ситуация неопределенности, угадывание.

Информационная эпоха, в которой мы живем, создала парадокс дефицита информации на фоне ее избыточности. Изобилие средств передачи информации (ТВ, интернет, телефон и т.д.) привело к хаотизации информационных потоков, в которые погружен человек. Это повысило риск потери человеком субъектности в своей познавательной деятельности и превращения его в жертву либо управляемых, либо случайных флуктуаций потока информации. Так, информационные войны, ведущиеся Западом, стали частью нашей повседневности.

С другой стороны, любые попытки манипуляции информацией ограничены в своих возможностях, поскольку реальность сложнее и глубже, чем ее модели, используемые искажителями для имитации реальности. Так же как сложнее и глубже формы взаимодействия человека с реальностью в процессе познавательной деятельности. Современная наука изменила образ мира. Начиная с Б. Римана в XIX веке, а затем А. Эйнштейна и целого ряда других ученых в XX веке, вошли в обиход рассуждения о четырех- или даже много- мерности реальности. Психология, изучающая отражение человеком реальности, не должна это игнорировать.

В проведенном нами ранее исследовании изучались личностные свойства, способствующие успешному распознаванию скрытой информации. Было выявлено, что способность угадывать местонахождение спрятанного предмета у людей с определенными качествами превышает уровень случайного угадывания. В частности, это присуще людям, которые характеризуются способностью к «сверхбдительности» (т.е. к высокому уровню самомобилизации в осуществлении наблюдения), «персональностью» (открытостью бытию), ценностно-смысловой ориентацией на процесс жизни больше, чем на результат [8].

В новом исследовании мы предприняли попытку выявить возможные механизмы распознавания скрытой информации. Мы исходили из предположения, что работа с такого рода «неявной» стороной реальности реализуется как работа психики в околопороговой, фоновой зоне сознания, т.е. на границе сознания и бессознательного, или даже на уровне бессознательного. С другой стороны, яркое и в то же время естественное и повседневное выражение подобной формы работы психики – сновидения. Идея, что сновидение – это работа психики в околопороговой фоновой зоне сознания, не нова. Известно, что сновидения – это такая наша психическая функция, которая способна «материализовывать», т.е. превращать в систему образов, подпороговые

интероцептивные сигналы, желания, вытесненные из сознания (З. Фрейд), психические структуры, связанные с инстинктами – «архетипы» (К.Г. Юнг) [1].

Таким образом, распознавание скрытой информации и «работа» психики в сновидениях совпадают в том, что они разворачиваются в околороговой, фоновой зоне сознания. Следовательно, достигаемое субъектом умение распознавать скрытую информацию должно проявляться и в каких-то отличиях его сновидений. Это стало нашей гипотезой.

Эксперимент. Мы провели эксперимент, в котором в качестве распознавания скрытой информации выступало угадывание свойств спрятанного предмета.

За ширму помещали предмет. В качестве предмета был использован прозрачный пластиковый шар, внутри которого находилась емкость с темной жидкостью. В жидкости помещен многогранник с 20 гранями – икосаэдр, на которых нанесены слова на русском языке. С одной стороны шара есть окошко. Разнообразие компонентов предмета повышала вероятность частичного угадывания. Однако высокая степень угадывания была затруднена.

Испытуемому давалось 3 минуты, чтобы, с помощью свободных ассоциаций, представить, что именно находится за ширмой. Экспериментатор по ответам испытуемого заполнял бланк (табл. 1).

Таблица 1

Бланк фиксации результатов эксперимента

форма	размер	цвет	поверхность	функциональность

Инструкция: «Уважаемый испытуемый, сейчас вам будет предложено угадать, что находится за ширмой. Вам необходимо указать, какой, на ваш взгляд, это предмет/объект: его форму, цвет, размер, поверхность и функциональность. Для этого вам нужно воспользоваться своей интуицией».

Экспериментатор давал ответам испытуемого экспертную оценку, выставя количество баллов: 0 – не угадал, 1 – почти угадал, 2 – угадал.

Для установления особенностей сновидений нами была разработана анкета (табл. 2).

Таблица 2

Анкета для определения индивидуальных особенностей сновидений

	Часто	Чаше	Поровну	Чаше	Часто	
цветные						черно-белые
кошмары						позитивные
сны о реальной жизни						фантастические
четкие, реалистичные, детализированные						смутные, неопределенные
сюжетные сны						ситуационные
простые, короткие						длительные
вещие сны						обычные сны
эмоционально насыщенные						нейтральные
пугающие						радующие
повторяющиеся сны						неповторяющиеся
запоминающиеся						незапоминающиеся
поучительные						непоучительные
яркие						тусклые

Инструкция: «Вам предлагается варианты ответов на вопрос: «Какие сны вам снятся?». Внимательно прочтите каждый признак и соотнесите его, по степени выраженности, с вашими снами. Выберите ответ (часто, чаще или поровну), в обобщенном виде наиболее отвечающий вашему мнению».

За ответ «Поровну» начислялось 0 баллов, «Чаще» – 1 балл, «Часто» – 2 балла. В исследовании приняли участие 30 человек – студентов-психологов старших курсов.

Результаты и их интерпретация. Был подсчитан суммарный уровень угадывания скрытого предмета на основе пяти параметров (форма, размер и т.д.) и определены коэффициенты корреляции этого уровня с особенностями сновидений (рис. 1).

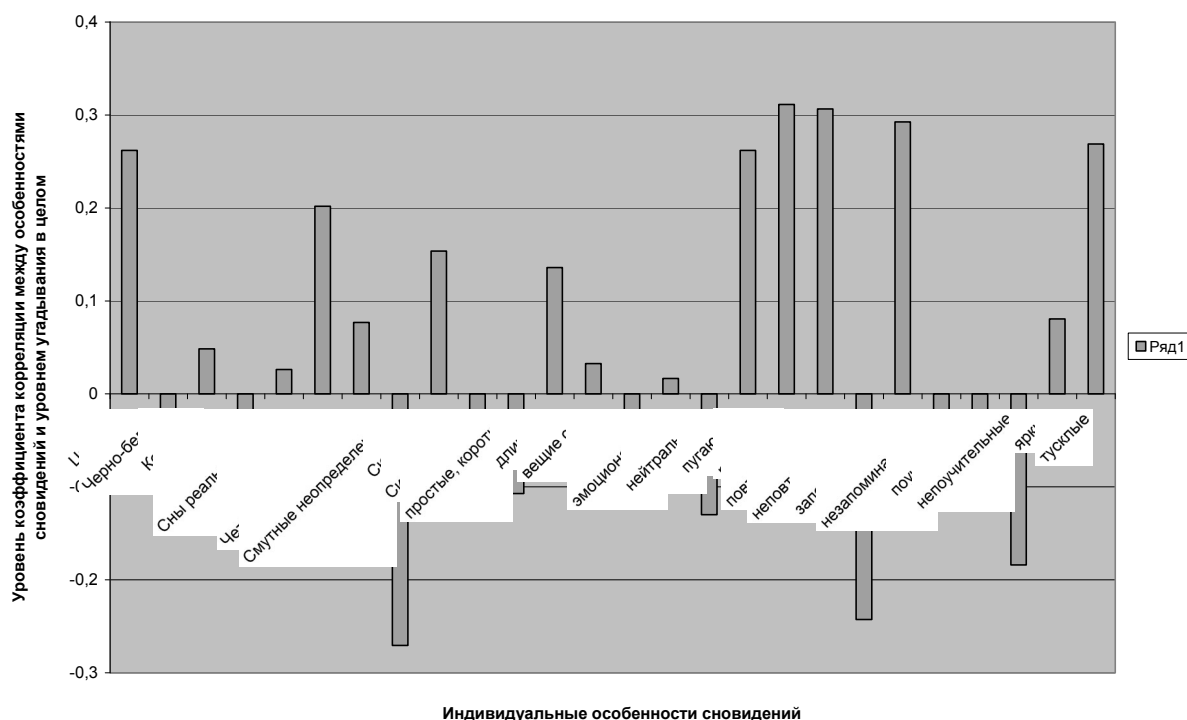

Рис. 1. Уровень корреляции угадывания свойств скрытого предмета в целом с индивидуальными особенностями сновидений.

Ни одна корреляция не достигла порога достоверности ($r_{кр} = 0,361$ для $p \leq 0,05$). Тем не менее, можно говорить о тенденции к корреляции угадывания со склонностями к *радующим* и *повторяющимся* снам.

Ряд достоверных корреляций был обнаружен по угадыванию отдельных свойств (табл. 3).

Таблица 3

Достоверные корреляции параметров угадывания скрытого предмета в эксперименте с особенностями образов сновидений испытуемых

Особенности снов, к которым склонны испытуемые	Угадываемые параметры скрытого предмета					
	Функциональность	Поверхность	Размер	Цвет	Форма	Общий уровень
Радующие					0,386 ($p \leq 0,05$)	0,311
Повторяющиеся			0,496 ($p \leq 0,01$)			0,307

Продолжение табл. 3

<i>Запоминающиеся</i>	0,414 ($p \leq 0,05$)					0,293
<i>Яркие</i>			0,388 ($p \leq 0,05$)			0,081
<i>Тусклые</i>	0,488 ($p \leq 0,01$)					0,269

(г_{кр} = 0,361 для $p \leq 0,05$; г_{кр} = 0,463 для $p \leq 0,01$)

Угадывание *формы* скрытого предмета характерна для лиц, склонных к *радующим* снам; угадывание *размера* предмета – для лиц, которым часто снятся *повторяющиеся* и *яркие* сны; угадывание *функций* предмета – для тех, кому часто снятся *запоминающиеся* и *тусклые* сны.

Итак, в целом наша гипотеза подтвердилась. Существует связь между характером сновидений человека и его способностью угадывать свойства спрятанного предмета, т. е. распознавать скрытую информацию. Мы еще раз подтвердили, что угадывание не является следствием лишь случайности. Однако могут ли полученные данные дать опору для понимания психологических механизмов распознавания свойств предмета при отсутствии перцептивного взаимодействия с ним?

Как вообще возможно распознавание объекта при отсутствии контакта с ним? Если не отрицать такую возможность (а наши данные подтверждают ее), то единственное ее объяснение – наличие посредника между предметом и субъектом восприятия. Что может выступать в роли такого посредника?

Известное понятие «биополе», на первый взгляд, подходило бы для обозначения этого посредника. Однако данное понятие не несет в себе психологического содержания и поэтому допускает возможность множества спекулятивных интерпретаций, что мешает реализации научного подхода к проблеме.

«Коллективное бессознательное» К.Г. Юнга вероятно более подходило бы для объяснения наших результатов. Однако данное понятие у Юнга противоречиво. С одной стороны, Юнг допускал возможность прямой рецепции сознанием объективных явлений. Такое допущение он основывал на принимаемой им позиции психофизического параллелизма, который понимался как наличие психологического аспекта у физических событий. Коллективное бессознательное для Юнга выступало как нечто пронизывающее физическую реальность (вспомним его понятие «синхронистичность» [6]). Неслучайным было, в этом смысле, его длительное общение с одним из создателей квантовой механики В. Паули, в поисках точек соприкосновения психологии и физики [3]. Из такого понимания реальности следует возможность восприятия физических событий не только с помощью аппарата преобразования физического в психическое посредством органов чувств, но и через рефлекссию (апперцепцию) психического содержания события. Однако, с другой стороны, Юнг утверждал, что архетипы, как проявления коллективного бессознательного, – это только врожденные структуры мозга, психологическая сторона инстинктов. Обратим внимание также, что набор архетипов конечен и неизменен, поэтому функционально коллективное бессознательное, состоящее из архетипов, может играть роль скорее первоисточника явлений, а не посредника между психическим и физическим.

В психологии уже выдвигалась гипотеза существования опосредствующего звена между субъектом и объективным миром. Д.Н. Узнадзе в 20-х годах XX в. развивал

представление о перекидывающей мост между психическим и физическим подпсихической или «биосферной» реальности [2; 5]. «В подпсихическом объективная действительность дана так же, как на непроявленной фотопленке сфотографированный ландшафт» [5, с. 146]. Исследование, проведенное М.И. Яновским, Н.П. Андриюшковой, В.В. Брейкиным, Е.В. Чукановым дает определенные основания полагать существование такой подпсихической реальности как неспецифического (т.е. неограниченного какой-либо модальностью восприятия) фонового психологического пространства [7]. Нами была построена модель двух состояний этого пространства:

1) пространство мест, топологическое пространство, «ландшафт» (виртуальная среда с распределением «пустот» и «сопротивлений» возможным воображаемым движениям);

2) пространство связей, пространство проекций, «паутина» (виртуальная пластическая «пружинящая» среда с системой напряжений).

В роли наполнения этих пространств могут выступать элементы субъективного внутреннего мира – эмоции, желания, настроения и т.д. Так, элементом пространства связей может выступать симпатия к кому-либо, а элементом пространства мест – распределение в виртуальном пространстве воображаемой опасности-безопасности [7]. Если так, то можно представить сон как работу субъекта в таком фоновом психологическом пространстве, а особенности сновидений – как выражение стиля или уровня этой работы. Можно предположить, что и угадывание свойств спрятанного предмета – следствие работы с «подпсихическим» фоновым пространством. Но, поскольку происходит реальное распознавание свойств скрытого предмета, то эта предполагаемая работа может характеризоваться как объективность. Объективность, т.е. отражение объекта как реального объекта – это, по Ж. Пиаже, результат установления равновесия субъекта с внешней средой. Она достигается «возможностью поведения, включающего возвращение в исходную точку или обход препятствия» [4, с. 109]. «Возвращение в исходную точку» – вероятно, это рефлексия совершённого с объектом действия, прослеживание действия (в т.ч. мыслительного) до исходной точки. Так обеспечивается рефлексия субъективного и отделение субъективного от объективного. «Обход препятствия» – умножение ракурсов виденья объекта при сохранении его тождества. Тем самым реализуется умножение мерности виденья объекта. Так субъективное и объект становятся на «свои места» и достигается отчетливость отражения объекта. При этом в данном случае мы имеем дело не просто с объективностью, а, вероятно, с гиперобъективностью: если объективность – это адекватное отражение воспринимаемого предмета, то гиперобъективность – адекватное отражение предмета невоспринимаемого, по крайней мере не воспринимаемого привычным для нас образом. Но, мы полагаем, психологические механизмы в этих случаях одни и те же.

Итак, склонность к *радующим* снам – предиктор угадывания *формы*. Что такое *радующий* сон? Это, с одной стороны, состояние саккумулированной и рефлексированной симпатии к чему- или кому- либо, отношения, первоисточка отношения (своего рода «возвращение в исходную точку»). Значит, *радующий* сон – это как бы рефлексия и контроль пространства связей. С другой стороны, *радующий* сон – это состояние снятия предела, открытия новых степеней свободы (= «обход препятствия»), своего рода умножение мерности действительности, переживание присутствия при трансцендентном (в противоположность страху, где мы «уходим» от непонятого трансцендентного как угрожающего). В *радующем* состоянии поддерживаемая

симпатия проходит как бы сквозь открывающееся, еще неизвестное многомерное (трансцендирующее) пространство. Это – контроль над пространством-«ландшафтом» (пространство мест, топология). Владение этими двумя пространствами (пространством связности и пространством свободы) открывает доступ к формообразованию, по крайней мере так, как оно понимается в гештальтпсихологии – самоформирование целостности, вследствие свободного процесса уравнивания связанных сил в пластической среде. *Радующие* сны, таким образом, показатель присущей субъекту способности эффективно формировать и завершать гештальты (перцептивные, ментальные и т.д.). Такой доступ к механизмам формообразования, вероятно, и является причиной своего рода понимания и, как следствие, угадывания скрытых от прямого восприятия форм.

Повторяющиеся сны – предиктор угадывания *размера* скрытого предмета. *Повторение* образов сна по-видимому есть выражение процесса проработки обобщенной схемы образов, на основе отстройки, отвлечения содержания образов от фона конкретных обстоятельств, т.е. от места и времени. Или же это овладение психологическим содержанием какого-либо места из опыта человека. Повторение сна – это как бы разглядывание его с новых и новых ракурсов, что равносильно владению и контролю над топологией внутреннего пространства личности. Это свидетельствует о процессе овладения подпсихическим фоновым пространством мест. Вероятно, этот навык работы с топологией обуславливает успешное угадывание *размера* скрытого предмета, который (*размер*) есть выражение масштаба соотношения его со средой, т.е. – его места в среде.

Еще одним предиктором угадывания *размера* оказались *яркие* сны. *Яркий* сон – это контролируемая степень данности, четкости представленности объектов во сне. В *ярком* сне объекты открываются в своей значимости и в своих новых для сновидца сторонах. Значимость равносильна месту предмета в определенной среде, поэтому, вероятно, это работа с топологией внутреннего пространства личности, и шире – пространством мест, как и в случае с *повторяющимися* снами, с тем же эффектом – угадыванием *размера*.

Присущие человеку *запоминающиеся* сны – предиктор угадывания *функций*. Сны обычно запоминаются фрагментарно, поэтому хорошее запоминание снов скорее всего связано с развитым умением формировать структурированность системы образов, т.е. внутреннюю систему связей и соотношений между элементами образной сферы, а также рефлексруемым отношением, установкой к содержанию образов. Такое «проработанное» пространство связей, вероятно, обуславливает и понимание сферы структурированности цепи проявлений предмета, его взаимодействий с другими предметами, что и есть *функциональности* предмета. Угадывание *функциональности* скрытого предмета вероятно обуславливается умением «работать» в подпсихическом пространстве связей.

Тусклые сны – также предиктор угадывания *функций*. Заметим, что *тусклые* сны – противоположность *ярких* снов (см. табл. 2). Вероятно, если *яркие* сны являются активным состоянием психологического фонового пространства, то *тусклые* – наоборот, пассивным. В этом смысле *тусклые* сны должны быть связаны с удерживаемым, контролируемым состоянием, и раз так, то это можно квалифицировать как уравновешенное, с поддерживаемым напряжением пластическое пространство-«паутину», т.е. пространство связей. Как и в предыдущем случае, тем самым обеспечивается угадывание *функциональности*, как разновидности системы связей предмета в последовательности проявлений.

Таким образом, существует связь между особенностями сновидений и способностью распознавать характеристики предмета в ситуации дефицита информации о нем, при отсутствии перцептивного контакта. Есть основания полагать, что это основывается на определенном уровне контроля фонового психологического пространства – так называемой «подпсихической реальности» по Д.Н. Узнадзе, которая, возможно, играет роль посредника между субъектом и предметом восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гостев А.А. Психология вторичного образа / А.А. Гостев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 512 с.
2. Имедадзе И.В. Интеракционизм и общепсихологическая теория установки / И.В. Имедадзе // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 3. – С. 33–42.
3. Линдорф Д. Юнг и Паули. Встреча великих умов / Д. Линдорф. – М.: Касталия, 2013. – 282 с.
4. Пиаже Ж. Теория Пиаже / Ж. Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: Сб. статей / Сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 106–157.
5. Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / Д.Н. Узнадзе. – М.: Смысл, 2014. – 365 с.
6. Юнг К.Г. Синхроничность / К.Г. Юнг. / Авт. предисл. С.Л. Удовик. – М.: РЕФЛ-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 313 с.
7. Яновский М.И. Роль фонового психологического пространства в возникновении эффектов установки / М.И. Яновский, Н.П. Андришкова, В.В. Брейкин, Е.В. Чуканов // Вопросы психологии. – 2017. – № 4. – С. 117–128.
8. Яновский М.И. Факторы эффективности ориентировки в ситуации неопределенности / М.И. Яновский, В.А. Монастырская // Человек и мир (Институт психологии Российской Академии Наук). – 2017. – № 1. – Том 1. – С. 219–230. – Режим доступа: <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document204.pdf> (дата обращения: 31.08.2018)

Поступила в редакцию 02.09.2018 г.

PECULIARITIES OF DREAMS AS PREDICTORS OF ABILITY TO OBJECT RECOGNITION IN A SITUATION OF INFORMATION LACK

M.I. Yanovsky, V.A. Monastyrskaya

The article focuses on the relationship of different forms of consciousness activity in the near-threshold zone. The following forms are discussed in the research: on the one hand, it is guessing (recognition) of the object characteristics in a situation of its direct perception deprivation, and on the other hand, it is the inherent features of the individual's dreams. The correlation between a person's inclination to emotionally-positive ("pleasing") dreams and guessing the object shape, as well as a number of other correlations, are analyzed.

Key words: dreams, situation of uncertainty, guessing.

Яновский Михаил Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru.

Yanovsky Mikhail Ivanovich.

Candidate of Psychology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of Psychology Department.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru.

Монастырская Виктория Александровна.

Магистр психологии.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: vikcilove@mail.ru.

Monastyrskaya Viktoria Alexandrovna.

Master of Psychology.
Donetsk National University.
E-mail: vikcilove@mail.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4-8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, hiteeva.v@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5-33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10-17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 О название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 О через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
 О через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:
Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		

Учёные степень и звание (если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3-5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления»), например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Хитеева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (hiteeva.v@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2018. – № 3-4

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: *М.В. Фоменко, В.С. Хитеева*

Подписано в печать 28.12.2018 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 16,44
Тираж 300 экз. Заказ № 18дек48

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.